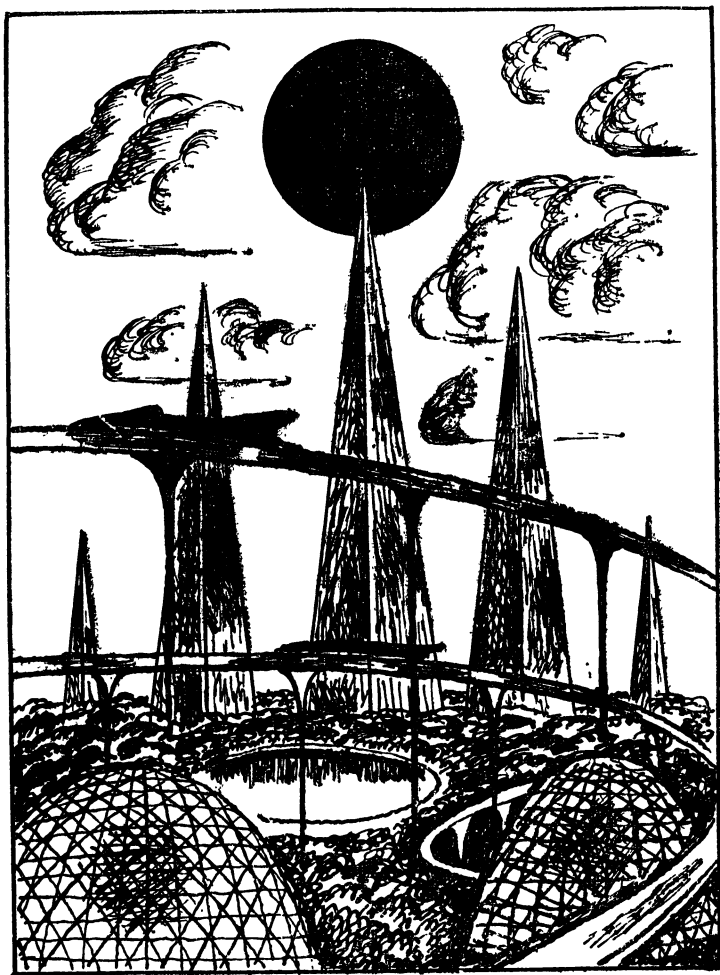


Библиотека советской фантастики

Ю.ТУПИЦЫН
ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ
ДОРОГОЙ







Библиотека советской фантастики

Ю.ТУПИЦЫН

**ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ
ДОРОГОЙ**

Р о м а н

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

P2
T85

Т $\frac{70302-202}{078(02)-78} 234-78$

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

ГЛАВА 1

Моря отсюда не было видно, но береговая линия прослеживалась по гигантским иглам жилых зданий трехкилометровой высоты, которые как часовые стояли возле моря. Они уходили вдаль, становясь все тоньше, нежнее, бестелеснее, пока наконец не таяли совершенно в туманной голубизне жаркого осеннего дня. И каждая такая игла — город со своими коммуникациями, снабжением, очагами культуры и отдыха.

Лорка окинул взглядом туманный горизонт, где море незаметно сливалось с чуть заоблаченным небом. Города. Сколько домыслов, фантазий и прогнозов существовало на этот счет в прошлом. Города и отрицали и прославляли; делали из них и мрачные трущобы — каменные джунгли, изолированные от окружающего мира, и роскошные города-дворцы, уставленные тяжкими, приземистыми зданиями прошлого, и города-парки, право же, мало чем отличавшиеся от тогдашних сел и деревень. Действительность, как и всегда, оказалась многограннее, неисчерпаемое и в то же время утилитарное домыслов. Всему нашлось место. Вереницы городов-игл вдоль благодатных морских побережий, которые давали человеку максимум удобств для пользования дарами своего отца-прародителя — океана. Города-чаши на севере с круглыми террасами постепенно сужающихся улиц и озером посредине; такие города при необходимости было легко прикрыть прозрачным купо-

лом и избавить от бурь, пурги и лютых морозов. Города-пирамиды в тропиках, которые своими верхними живыми поясами уходили от душного зноя низин в свежую, здоровую небесную прохладу. Города-музеи, законсервировавшие лучшие творения гениальных зодчих прошлого. И многочисленные городки-дачи вокруг гигантов и сверхгигантов.

Федор достал большой белый платок, вытер лицо, шею и неторопливо начал спускаться вниз к зеленым садам и разноцветным домикам. Собственно, не к садам, а к саду, который был ему нужен и который выделялся среди других — за ним не просто ухаживали, его, это было видно с первого взгляда, холили и лелеяли.

Сад. Настоящий, щедрый, бесшабашный южный сад. Виноград, персиковые и сливовые деревья, яблони, фиговый кустарник, айва. И всюду среди зелени тяжелые, ароматные, вот-вот готовые сорваться с ветки на землю и брызнуть спелым соком кисти и плоды. Но почему-то Лорку куда больше поразило красочное, мягкое, задумчивое многообразие роз.

Каких только роз не было в этом знойном, пряном саду! Розы-гиганты, тяжело клонившиеся к земле в гордом и грустном одиночестве, и мини-розочки, сплошным покровом, похожим на сказочный пестрый снег, одевавшие кусты. Пышные корзины, терявшие лепестки при малейшем дуновении ветерка; тугие початки, лишь слегка развернувшие на самом кончике кудрявые головки, будто прошедшие через ловкие руки опытного парикмахера; немудрящие простенькие цветочки, доверчиво глядящие на мир желтыми глазами, опушенными веером розовых ресниц-лепестков; и розы, просто розы, которые и не хотелось сравнивать ни с чем другим. И бездна оттенков! Розы белые, чайные, лазоревые, алые, лиловые, огненио-красные, пурпурные и даже черные. Глаза и тянулись к этому многоцветью, и уста-

вали от него, а все эти оттенки подсознательно и прочно связывались со свежим, тонким ароматом, который ощутимо охлаждал неподвижный жаркий воздух.

Среди этого розового великолепия Лорка и увидел того, кто был ему нужен, — дочерна загорелого атлетически сложенного человека. Это был Ревский, в прошлом один из самых известных космонавтов-гиперсветовиков, а ныне член Верховного совета Земли. Лорка не заметил его сразу, потому что Ревский сидел на корточках, а его белая курчавая голова терялась среди цветов, сливаясь с ними. Разогнувшись, Ревский медленно двинулся вдоль линии кустов. Он то и дело наклонялся, что-то ощипывал, подрезал, обирал руками сонные, увядающие лепестки. Движения его рук были плавны, замедленны, будто он гипнотизировал своих красочных подопечных. Лорка подождал, не заметит ли его Ревский, но для того, видно, сейчас никого и ничего не существовало, кроме роз. Тогда Федор негромко сказал:

— Здравствуй, Теодорович.

Ревский поднял голову, поискал глазами, кто его зовет, и наконец с улыбкой распрямился:

— Здравствуй! Пожаловал все-таки?

— Да нет, — серьезно возразил Лорка, — так и сижу у себя в Норде.

Ревский засмеялся, но глаза у него были невеселыми, и Лорка машинально отметил это.

Вытираясь полотенцем, висевшим у него на поясе, Ревский предложил:

— Фруктов принести? Прямо с дерева, с куста. С солнцем, с воздухом!

— С пылью и микробами?

— Какие там микробы! Я ем, и ничего. Но для тебя простерилизую, хотя это уже явно не то.

— Неси винограду!

— Одного винограду?

— А ты разве не знаешь, что я однолюб?

Ревский внимательно взглянул на него, повернулся и пошел к винограднику, а Лорка присел в тени. Под деревом стоял столик, врытый прямо в землю, три табурета, сделанных нарочито грубо из полированного дерева, и качалка, которую Ревский считал удобнейшей в мире, видимо, потому, что, как и всю остальную садовую мебель, смастерил своими руками. По столику ползали крупные муравьи. Лорка брезгливо поморщился, отодвинулся со своим табуретом подальше и посмотрел вверх. Дерево было таким густым, что совсем не пропускало солнечных лучей. По его нижним ветвям висело несколько виноградных лоз. Черно-сизая плотно сбитая кисть винограда висела прямо над головой Лорки. Приподнимись, рви и ешь, захлебываясь сладким, терпковатым соком. Может быть, приподняться? Но в этот момент откуда-то, может быть, прямо с этой кисти, на колени Лорки упал жук. Лорка стряхнул его мгновенным инстинктивным движением руки, покосился вверх и вздохнул.

Ревский явился свежееумытый, в легкой белой рубашке с открытым воротом, в руках он нес большое блюдо, прикрытое скатертью.

— У тебя тут настоящий энтомологический заповедник, — сказал Лорка ворчливо, глядя не на Ревского, а на какое-то существо, бесшумно и плавно летевшее над ним.

— Это божья коровка, Федор, — сказал Ревский, проследив за его взглядом, — полезнейший хищник. Уничтожает тлей, с которыми даже мы, люди двадцать третьего века, ничего не можем поделать. Держи.

Лорка покорно взял из его рук тяжелое блюдо. Ревский ловко накрыл стол скатертью — вместе с муравьями, отметил Лорка, — поставил на нее блюдо, полное винограда всех цветов и оттенков, и непонятно откуда, будто фокусник, достал графин с темным напитком.

— Все, значит, возвращается на круги своя, — пробормотал Лорка, — назад, к природе, голый счастливый человек на голой земле.

Ревский, ловко расставлявший на столе бокалы, тарелки, ножи, спросил ворчливо:

— А тебе что, не нравится?

— Нравится. Особенно розы.

— Проняло все-таки, — вздохнул Ревский.

— Проняло. Главное, знаю, что даже такой кревоугодник, как ты, есть их не будет.

— Почему же? Из некоторых сортов роз получается отличное варенье. Могу угостить.

— Нет уж, спасибо. По-моему, это что-то вроде каннибализма.

— А баранина не каннибализм?

— Нет, это шашлык. — Лорка огляделся вокруг. — Хорошо здесь. Только уж очень много всякого зверья.

Ревский усмехнулся:

— Хочешь, угощу раками? Ну-ну, не буду. Иди, мой руки вон там, в фонтанчике.

— Просто в воде? — с интересом спросил Лорка, поднимаясь на ноги.

— И это говорит командир патрульного корабля! Исследователь иных миров.

Лорка мыл руки с тщательностью врача, готовящегося к хирургической операции. Не оборачиваясь и не поднимая головы, он сказал:

— В иных мирах я на работе, а здесь на отдыхе. На отдыхе мне нужен комфорт, стерильная чистота, кондиционированный воздух, безмолвные всепонимающие киберы, людская толпа, высотные здания, воздушные мосты и случайные знакомства. А не дурацкая природа со зноем, вонью, мухами и тараканами.

— Где это ты видел мух и тараканов? — возмутился Ревский. — Они только в заповедниках сохранились!

— Ну, божьи коровки, какая разница! — Лорка распрямился, стряхивая влагу с рук. — Сушилка у тебя есть, или ты вытираешь руки об траву?

— Об штаны. Смотри лучше, командир.

— И правда, — Лорка был откровенно рад, обнаружив рядом с фонтаном стандартный сухой дезодорантно-стерилизующий душ! — Оказывается, ты вовсе не чураться достижений цивилизации. Может быть, этот сад просто декорация, а насекомые — киберы?

Лорка с наслаждением подставил под свежую распыленную струю воздуха руки, голову, лицо и открытую шею. Все это он делал с ленивой грацией сытой кошки, занимающейся своим туалетом.

— Пантера, — завистливо и грустно пробормотал Ревский, — большая рыжая пантера. Тигр! — И громко добавил: — Хватит нежиться. Иди попробовать продукты моей декорации.

Лорка перекрыл воздушную струю и направился к столу, Ревский с удовольствием смотрел, как он идет — мягко, непринужденно, не идет, а танцует.

— Почему не ликвидируешь хромоту?

— Альта говорит, что хромота мне ужасно к лицу, а я ей верю. — Лорка уселся на стол и погладил, скользнул пальцами по бокалу. — А это что, вино?

— Угадал. Натуральное, виноградное, выдержанное.

Легонько покачивая бокал, Лорка скептически разглядывал его содержимое.

— Ты посмотри на свет, — поддразнил Ревский.

Лорка поднял бокал на уровень глаз. Темный тяжелый напиток играл, светился насыщенным рубиновым огнем.

— Красиво, — тихо сказал Лорка, — красиво и страшно. Как огонь. Пленный замученный огонь.

— И правда огонь, адский огонь — жжет.

Все еще разглядывая на свет вино, Лорка тихо, совсем без эмоций продекламировал:

— «Сэр Грейвс взглянул назад и увидел в ночи звезды, замученной в аду, кровавые лучи».

— Кто это написал? — после паузы спросил Ревский.

— Так, один империалист.

— Какой «империалист»?

— Это было давно, Теодорыч, — успокоил его Лорка. — Киплинг, который Ричард, а также Рихард и Редьярд. Поэт, писатель, журналист, глашатай империализма. Не слыхал?

— Не слыхал. Здорово написал этот глашатай.

— Здорово, — согласился Лорка и, не поднимая на него глаз, спросил: — Что ты на меня так смотришь, Теодорыч?

— Так. — И попросил: — Да пей же ты, Федор!

Лорка отпил маленький глоточек. Сморщился, одним глотком ополовинил бокал и сморщился еще больше.

— Ни кисло, ни сладко, ни горько. Во рту вяжет, в горле жжет, и в общем гадость. Что-то вроде сока с хреном.

— Ты хоть и сноб, а человек беспробудно темный, — с сожалением констатировал Ревский, он отпил из своего бокала и старательно изобразил на лице наслаждение.

— Это называется неповторимым букетом. Вино это получило гран-при на конкурсе любителей-виноделов!

— Честно? Тогда допью. — Лорка лихо опрокинул бокал и сморщился. — Ты прав, Теодорыч, я человек темный. Люблю виноград и не люблю вино. Может быть, с годами исправлюсь?

Он сунул в рот большущую сизую виноградину с грецкий орех величиной. Ревский, с улыбкой глядя на него, подумал: «Ни черта ты не справишься, таким и помрешь. И боюсь, скорее это будет рано, чем поздно».

Лорка, с любопытством мальчишки пробовавший то один сорт винограда, то другой, спросил:

— А белый, что, незрелый?

— Дозрелый, — успокоил Ревский; он сидел, опершись локтями на стол, и внимательно смотрел на Лорку. — Просто сорт такой. У него букет хорош.

— И тут букет? — засмеялся Лорка, переключаясь на белый виноград.

— Ну как, Федор? — вдруг спросил Ревский. — Принимаешь командование кикианской экспедицией?

Лорка мельком взглянул на старого космонавта:

— Так ты для этого пригласил меня в гости? А я-то думал на виноград!

— Принимаешь? — Ревский словно не слышал его шутливой реплики.

— А почему отказался Ким?

— Барма отказался. А Ким не пожелал браться за дело без своего напарника.

Лорка бросил в рот крупную виноградину, раздавил ее языком и не совсем внятно проговорил:

— Вот и мне надо посоветоваться со своим напарником, с Тимом. Если он согласится, тогда можно серьезно обсудить предложение совета.

Ревский помрачнел и угрюмо буркнул:

— Тим не согласится.

Лорка удивленно взглянул на него:

— Ты так уверен? Почему?

— Твой друг и напарник Тим — погиб, — бесцветным голосом сказал Ревский, не поднимая глаз от стола.

Лорка уронил виноградину:

— Что? Что ты сказал?

— Погиб Тимур Корсаков, твой друг и напарник по космосу, — теперь уже жестко повторил Ревский.

Лорка расстался с Тимом всего два дня назад, он проводил своего друга до трапа баллистической раке-

ты, которая шла вокруг света с посадкой на Гавайях и Бермудских островах. И вдруг такая весть!

— Теодорович, — с остатками надежды тихо попросил Лорка, — не надо так шутить, бога ради.

— Какие, к черту, шутки! — окрылся Ревский, не совладав с собой.

Лорка хотел что-то сказать, но спазма вдруг перехватила горло и скривила губы. Разумом он уже понял и поверил, что Тима — одного из самых близких ему людей во всем мире — больше нет, но сердце бунтовало и верить отказывалось. Это противоборство чувств и мыслей корежило, ломало психику безжалостнее и горше физической боли.

— Как? — спросил наконец Лорка. — Как он погиб?

— Утонул, — с досадой бросил Ревский, — на Гавайях.

Лорка изумленно поднял голову.

— Тим? Он же плавал как рыба!

— Такие, как ты и Тим, так вот и гибнут, по-глупому, — угрюмо буркнул Ревский.

— Да, — невыразительно согласился Лорка, — да.

Ревский медленно, словно нехотя, рассказывал подробности гибели Тима.

— Вздумалось выкупаться в шестибалльный шторм. Его пытались отговорить, но Тим все-таки нырнул под набегавшую волну. Тело Тима так и не найдено до сих пор, но спасательный пояс, узкий поясок, обнимающий талию каждого пловца, выбросило на берег. Видимо, Тим перепутал кнопки и вместо того, чтобы включить его, расстегнул.

Ревский говорил, но Лорка почти не слушал его. Что значили эти подробности, когда Тима нет в живых?

Да, Ревский был прав. Люди опасных профессий нередко гибнут не в настоящей, боевой схватке, а вот так,

по-пустому. Их трудовая жизнь проходит в особом мире постоянного нервного напряжения, где приходится рассчитывать каждый шаг. И вот такой человек отправляется отдыхать и попадает в совершенно иной мир — отрегулированный, спокойный, размеренный. Разве не естественно сбросить напряжение, расслабиться? А у этого спокойного мира есть свои маленькие, но ядовитые коготки: любовные неурядицы, непрошенная зависть и шестибалльные штормы. Да потом, людям героических профессий просто скучно среди зарегулированной, размеренной жизни. Им хочется прежних ярких ощущений: острого чувства риска и опасности, незабываемых ощущений удачи, победы, пойманного счастья — тех редких звездных часов бытия, когда краски ослепительны, звуки нежны, а каждый глоток воздуха наслаждение. Александр Македонский, Юрий Гагарин, Магеллан, Панчо Вилья, Котовский, Камо — разве все они не погибли после великих свершений случайно, глупо и обидно до слез!

Ревский давно закончил свой рассказ, а Лорка все сидел, невидяще глядя куда-то мимо старшего товарища.

— Да, — безнадежно повторил он и своей большой ладонью неловко, с ненужной силой провел по лицу.

Ревский шумно вздохнул и потянулся к бутылки с вином.

— Давай выпьем, Федор, — предложил он.

Густая темная струя с легким звоном наполнила один бокал, затем другой. Лорка посмотрел на бутылку, перевел свой отсутствующий взгляд на Ревского.

— Так в старину поминали погибших, — пояснил тот, поднимая бокал.

— Что ж, — вяло согласился Лорка.

Он медленно, глоток за глотком, как воду, выпил вино, поставил опустевший бокал на стол и опять ушел в себя.

— Ну что ты раскис? Встряхнись, командир! — с досадой сказал Ревский.

— Я не раскис, — бесцветно возразил Лорка.

— А если не раскис, — в голосе Ревского снова появились жесткие ноты, — берись за экспедицию. Это лучшее, что ты можешь сделать в память о Тиме.

Только теперь Лорка обратил внимание, каким усталым было лицо Ревского. Ему вдруг пришло в голову, что Ревский стар, очень стар, хотя у него еще ловкое, сильное тело и он изо всех сил, упрямо рвется туда, куда никому нет дороги, — обратно, к молодости. А надо ли рваться? Старость по-своему хороша. Все уже понято и понятно, все стоит на точно отведенных местах. Не надо решать целые кучи дурацких проблем, которые человечество на разные лады решает на протяжении многих тысячелетий. Решает, решает и никак не может решить.

— В экспедицию без Тима? — вслух спросил Лорка.

— Подберем другого напарника.

— Без Тима, — уже не спросил, а просто повторил Лорка и отрицательно покачал головой.

— А как же тайна Кики, доброе имя Петра Лагуты? — как-то безнадежно спросил Ревский. — Я был так рад, когда совет выбрал тебя, Лорка.

Лорка даже не понял, а просто почувствовал, почему так четко проступили следы увядания, даже дряхлости на лице его друга-наставника. Теодоровичу до слез, до боли, до зла на все сущее было жалко не только Тима, но и Петра Лагуту, погибшего тоже обидно и глупо. Многие, вот уже и он, Лорка, забыли о Лагуте, а Теодорович помнил. У Лорки была Альта, а у Ревского никогда не было ни жены, ни детей. Он все отдал любимому и ненавистному космосу. Названными детьми для него были его ученики и воспитанники: Ришар Дирий, Игорь Дюк, Тимур Корсаков, Федор Лорка.

— Ты уж не горюй так сильно, Теодорович, — не-

ожиданно для самого себя вслух сказал Лорка то, о чем собирался просто подумать.

— Что ты пристал со своим горем? — вскинулся Ревский. — Говори — берешься за экспедицию?

Как Лорка сразу не догадался! Речь шла о добром имени не только Лагуты, но и самого Теодоровича, который считал долгом чести отвечать в большом и малом за своих названных детей. Но разве Ревский когда-нибудь позволит себе вслух сказать об этом?

Лорка улыбнулся, первый раз после того, как услышал о гибели Тима, трудно улыбнулся — почти одними глазами.

— Берусь, Теодорович.

Теодорович знал, что слово Лорки свято, а поэтому без особых эмоций благодарно сказал:

— Вот и умница.

ГЛАВА 2

Неслышно и мягко ступая по плотному пружинящему ковру, Лорка подошел к окну, секунду вглядывался в тусклый мир, открывавшийся за ним, а затем указательным пальцем тронул клавишу. Двухметровое, прозрачное до невидимости стекло бесшумно убралось в стену. Пахнуло теплой сырой прохладой. Частый осенний дождь барабанил по листьям — бормотал, шуршал, шептал. Плакали оголяющиеся ветви деревьев, никла и прела робко желтеющая трава.

Боковым зрением Лорка уловил легкое движение, повернул голову и только теперь заметил человека, стоявшего сбоку от окна. Человек был невысок, плотен, у него была круглая голова, гладкое розовое лицо и маленькие улыбчивые глазки. Он был похож на полного

радости жизни, чисто вымытого поросеночка и на первый взгляд казался совсем молодым, почти юношей. Но лёгкие, однако ж, уловимые детали — посадка головы, округлость и сутулость плеч — выдавали его зрелый возраст.

— Где же ваша гитара? — очень серьезно спросил Лорка.

Мужчина засмеялся, отчего его умные глазки почти совсем спрятались среди округлых щек, и Лорка окончательно убедился, что перед ним далеко не юноша.

— Почему вы решили, что я собираюсь петь серенады?

Теперь улыбнулся Лорка. Было в фигуре и облике круглоголового мужчины нечто сразу располагавшее к себе.

— Серенады поют вечерами, а не по утрам, — сказал он. — Правда, глупо? Специальные вечерние песни существуют столетия, а утренней песни нет. Птицы — так те предпочитают петь по утрам. А чем мы хуже птиц?

Круглоголовый с улыбкой выслушал его и спросил:

— Вы, разумеется, Федор Лорка?

— Он самый. А вы?

— Меня обычно величают Александром Сергеевичем. Несколько старомодно, но я привык именно к такому обращению. Соколов Александр Сергеевич.

Лорка с симпатией разглядывал визитера.

— Да, несколько старомодно, зато здорово — Александр Сергеевич! Так и хочется встать, снять шляпу и продекламировать что-нибудь вроде «Я помню чудное мгновенье — передо мной явилась ты».

— Вы любите поэзию?

— А кто ее не любит в наше время? — Лорка внимательно разглядывал Соколова. — Вам, наверно, за сорок?

— За пятьдесят, — мягко поправил тот.

— Что же это мы беседуем, так сказать, на разных уровнях? Лезьте в окно. — Заметив недоумение в глазах Соколова, Лорка пояснил: — Жена не ждала меня сегодня, захлопнула дверь, а ключ по рассеянности унесла с собой.

Соколов легко, как мячик, перепрыгнул полуметровый кустарник и подошел к окну. Лорка, не ожидавший от него такой прыти, посмотрел на него с новым интересом:

— Подать вам руку?

— Перебьюсь.

Соколов положил короткие сильные руки на подоконник, помедлил и одним рывком перекинул свое плотное, литое тело в комнату.

— Занимались борьбой? — спросил Лорка, отступивший в глубину комнаты.

— И борьбой.

— Но не шпагой?

— Нет, шпагой — нет, — Соколов, улыбаясь — глазки его при этом прятались среди розовых щек, и разобрать их выражение было очень трудно, — терпеливо переминался с ноги на ногу. Он ждал, пока ожившие, сыплющие крохотными голубыми искорками ворсинки ковра не уничтожат окончательно следы влаги и грязи на его туфлях, и разглагольствовал: — Вспоминаю кампанию тридцатилетней давности. Забавная была кампания — долой замки-запоры, эти реликты темных веков. И массу комичных, но не всегда приятных недоразумений, которые последовали за этим.

— Резюме: эпохи приходят и уходят, а замки-запоры остаются. Давайте-ка свой плащ и, если нетрудно, закройте окно. — Лорка на лету поймал плащ и сразу же перебросил в прихожую, где его ловко подцепила механическая рука и отправила в шкаф, чтобы он там прошел обычную сушку, чистку и дезодорацию. — Хва-

тит вам топтаться, вы давно уже чисты, как вакуум между двумя галактиками. Проходите, садитесь.

Соколов опустил в кресло, Лорка подтянул второе, легко скользнувшее по ковру, и сел напротив, по другую сторону столика.

— Чай, кофе? По такой погоде не мудрено продрогнуть.

— Если не возражаете, кофе. — Наблюдая, как Лорка на кнопочном пульте набирает заказ, Соколов признался: — Я и правда продрог, пока бродил вокруг вашего дома. Знал, что вы вернулись, а дверь заперта и сигнализация не работает.

Лорка внимательно взглянул на гостя:

— Вот как, знали?

— Знал, — спокойно подтвердил Соколов.

Он хотел что-то добавить, но его прервал легкий музыкальный аккорд, повисший в воздухе.

— Ага, — удовлетворенно проговорил Лорка, — вот и кофе готов.

Центральная часть столика опустилась вниз, открывая темный провал цилиндрической шахты, и через секунду поднялась уже вместе с кофейником, чашками, молочником, сахарницей и всем остальным, что нужно. Соколов смотрел на все это с удовольствием и некоторой плотоядностью во взоре. Лорка налил себе чашечку из сердитого, плюющего перегретым паром кофейника, потянулся к чашке гостя, но тот мягко, почти нежно остановил его руку:

— Уж позвольте, я сам.

Лорка с улыбкой поставил кофейник на место. Соколов пододвинул к себе высокий стакан, налил в него сливок, добавил ледяной воды и сахару. Помешивая этот импровизированный коктейль, Соколов проникновенно сказал, обращаясь не столько к Лорке, сколько к накрытому столику:

— Люблю вкусно поесть и попить. Знаю, что это

слабость, — он вздохнул, — кревоугодие, но ничего не могу с собой поделать.

Наполнив чашку кофе, он сказал почти благоговейно: — Глоточек кофе и глоток коктейля — божественно! Мое собственное изобретение.

Несколько раз совершив эту процедуру, Соколов поднял глаза на Лорку, который уже справился со своим кофе и теперь со снисходительной улыбкой смотрел на странного гостя.

— А вы все-таки варвар, Федор, — сочувственно и грустно проговорил Соколов, наливая себе вторую чашечку. — Облагороженный воспитанием, скованный традициями, отшлифованный тренингом, но все-таки варвар. Вы не понимаете прелести и тонкости застолья.

Лорка усмехнулся:

— Вот тут вы ошибаетесь. По происхождению я типичный аристократ. Мое прошлое своими корнями уходит в целое созвездие именитых родов — графы, пираты и поэты. Но надеюсь, вы пришли ко мне не для обсуждения проблем наследственности?

— Нет, — серьезно ответил гость, отодвигая опустевший стакан и чашку.

Лорка сдвинул детали сервировки ближе к центру столика, нажатием кнопки отправил все это в шахту. Через секунду крышка столика поднялась, неся небольшой букет осенних, увядающих, горько пахнущих астр. Лорка переставил букет так, чтобы он не загоразивал лицо собеседника.

— Слушаю вас.

— Видите ли, Федор, — Соколов примолк и прямо взглянул на Лорку своими маленькими умными глазами, — я эксперт, профессиональный эксперт-социолог.

— Вот оно что, — пробормотал Лорка, в его голосе слышалось и уважение, и разочарование, и удивление — все вместе.

Быть экспертом почетно в любой сфере человеческой

деятельности, но быть экспертом-социологом почетно десятикратно.

Нет-нет да и случались на Земле и во внеземных поселениях происшествия, которые на фоне естественной и чистой жизни коммунистического общества выглядели особенно дико и необъяснимо: тихая травля неудобных, замаскированный протекционизм, физическое насилие и даже убийства. Люди, виновные в таких поступках, были редчайшим исключением, но все-таки время от времени в силу чисто случайного стечения обстоятельств такие натуры формировались и ухитрялись проскользнуть сквозь тончайшее сито общественного воспитания и профессиональной селекции. Каждый такой социально-патологический случай скрупулезно расследовался узким кругом лиц, удостоенных особо высокого доверия общества, — экспертами-социологами. Чаще всего эксперты не были профессионалами, а вели свою почетную и тяжелую работу от случая к случаю. Привлекали к экспертизе и Федора Лорку, когда случались несчастья на космических кораблях и во внеземных поселениях.

— Я хочу дать вам поручение, — все так же прямо глядя на Лорку, сказал Соколов.

— Нет, не выйдет.

— Случай особый, Федор, — мягко настаивал Соколов.

Лорка покачал головой:

— Нет. Я в отпуске, параллельно готовлюсь к экспедиции. И вообще, мне не до экспертизы, понимаете?

— Понимаю, но я же говорю, что случай особый. — Соколов помолчал и хмуро закончил: — Речь идет о расследовании смерти вашего друга Тимура Корсакова.

Переход от покоя и грустного равнодушия к полнокровной жизни был у Лорки молниеносным. Неуловимо подобралось могучее тело, зеленые глаза остро взглянули на Соколова. В эти холодные, будто застывшие,

глаза трудно и жутковато было смотреть. «Ну, глазищи! Глядит, как тигр из клетки!» — невольно поежившись, подумал Соколов.

— Странно выглядит эта смерть, — вслух сказал он, — и события, которые ей предшествовали, выглядят, мягко говоря, необычно.

— Вы кого-то подозреваете? — в упор спросил Лорка.

Соколов отвел взгляд, достал платок и вытер свое гладкое розовое лицо.

— Я сомневаюсь, — голос его прозвучал ворчливо, почти сердито, — но сомнения мои основательны. Однако ж, прежде чем делиться своими сомнениями, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Спрашивайте.

— Вы знаете, что тело Тимура так и не найдено?

— Знаю.

Соколов хмыкнул, поджал губы и спросил вкрадчиво, глядя в сторону:

— А не мог ли Тимур просто пошутить? Он ведь был веселый парень, Тим Корсаков, любил шутки и розыгрыши. Вместо того чтобы утонуть, запрятался куда-нибудь и отдыхает в одиночку. Или с кем-нибудь вдвоем, а?

Сердце Лорки колыхнулось от радости.

— Черт! — сказал он ожесточенно. — Как это раньше не пришло мне в голову!

Стремительно поднявшись из кресла, Лорка подошел к видеофону, выключил изображение и, пробежавшись пальцами по клавишам, набрал нужный номер.

— Валентина?

— Да, — ответил грудной женский голос несколько удивленно, видимо, потому, что изображение было выключено.

— Скажите, Тим сейчас дома?

— Нет, — ответила женщина, — обещал вернуться

еще позавчера, но его до сих пор нет. Вы не знаете где он?

— Тим в командировке, — уверенно ответил Лорка, — я думал, что он уже вернулся. Впрочем, командировка ответственная.

— Почему он ни разу не поговорил со мной?

Лорка рассмеялся, лицо его болезненно сморщилось:

— Видите ли, Валя, он сейчас в таком месте, где нет видеофонов.

— Кто вы такой? Почему выключили изображение? Вы ведь Федор Лорка, правда?

— Правда, — глухо сказал Лорка, но тут же взял себя в руки. — Не тревожьтесь, Валя. Завтра я к вам приеду и обо всем расскажу подробно. Всего доброго.

С каменным лицом Лорка вернулся к столу и занял свое место в кресле. С уважением глядя на него, Соколов негромко сказал:

— Любящее сердце — вешнее сердце.

— Да. — Лорка взглянул на Соколова почти с ненавистью.

— С кем вы говорили, Федор?

— С его женой!

— Разве у Тимура была жена?

— Была.

— Но у меня другие сведения.

Лорка взглянул на него теперь уже спокойно:

— Они полюбили друг друга. И он назвал ее своей женой. Вот и все. Он, собственно, и на Гавайи полетел для того, чтобы подыскать местечко для семейного отдыха. — Лорка помолчал, крепко сцепляя пальцы рук. — Конечно, Тим был веселый парень. Но шутить любовью? Так что ни о каком розыгрыше и речи быть не может.

— Скажите, — спросил Соколов после паузы, — как выглядит Валентина?

Лорка слабо улыбнулся.

— А я и не видел ее ни разу. Только перед самым

отдыхом Тим признался, что уже женат, и на всякий случай дал номер ее видеофона. — Он шумно вздохнул. — Ладно. Вы говорили мне о сомнениях. Рассказывайте.

Это звучало жестко, почти как приказ, и Лорка, почувствовав это, добавил:

— Прошу вас, рассказывайте.

Соколов говорил неторопливо, сухо, с профессиональным умением упоминая лишь о том, о чем и следовало упомянуть. Эта будничная, деловая манера делала рассказ странным и надуманным. Лорка знал, что он не был назначен первым командиром экспедиции на Кику, но о том, что у него была столь длинная цепочка предшественников, услышал впервые.

Первым командиром Кикианской экспедиции был Бекпо Галиев. Но уже через день он свалился в постель с высокой температурой. Начался бред, судороги. Не без труда удалось выяснить, что Галиев заболел энцефалитом — редчайшей болезнью, которая почти полностью исчезла на Земле. Естественно, что кандидатура Галиева отпала сама собой: энцефалит поражает центральную нервную систему и даже полное выздоровление не гарантирует от возникновения психомоторных нарушений через несколько месяцев или даже лет.

Второй командир, Игнат Сомов, как и Лорка, отдыхал на Земле после очередного патрульного рейса. Только больше всего он любил не море, как Тим и Федор, а горы. Ответив согласием, Игнат на радостях, как мальчишка, решил выкинуть нечто необыкновенное — в одиночку, без подстраховки отправился брать голец Подлунный. Сомов был отличным скалолазом, ему просто не повезло: разрушился выступ, служивший ему единственной опорой, он сорвался, сломал два ребра, бедро и от участия в экспедиции был отстранен.

Третий кандидат, Игорь Дюк, один из воспитанников Ревского, с откровенной радостью ухватился за пред-

ложение стать во главе Кикианской экспедиции. Он был бродягой по натуре и, пожалуй, после достижения совершеннолетия не провел на Земле больше трех месяцев кряду. Но медицинская комиссия, которую в обязательном порядке проходили все участники экспедиции, неожиданно обнаружила у него существенные отклонения от оптимального психостереотипа. Выяснилось, что Игорь всего месяц, как расстался с женой. Их семейная жизнь, будучи довольно счастливой, никогда не была безоблачной, тем не менее полный разрыв оказался для Игоря совершенно неожиданным. Человек незаурядной воли, Игорь Дюк стойко перенес личную драму. Однако ж оказалось, что подсознательная рана — в сфере интуитивных чувств и непрощенных мыслей — глубока, а это не могло не сказаться на его психическом облике в целом. Игорю осторожно дали понять, что произошло, и он скрепя сердце снял свою кандидатуру.

Четвертым выдвинули Владимира Кима — космонавта со стажем, неоднократного участника дальних космических экспедиций. После суточного раздумья Ким ответил согласием, оговорив, что его помощником по руководству должен быть постоянный напарник Барма. Кандидатура Бармы не вызывала ни у кого ни малейших сомнений, но Барма неожиданно и наотрез отказался от участия в экспедиции, заявив, что собирается заканчивать свои работы в области биохимии. Между Кимом и Бармой состоялся долгий разговор, о чем они говорили, осталось неизвестным, но после этого Ким тоже отказался участвовать в экспедиции. И тогда возглавить экспедицию предложили Лорке, который к этому времени вернулся на Землю в очередной отпуск.

— Слишком длинная цепочка случайностей и несчастий для простого совпадения, — хмуро закончил Соколов. — На это обстоятельство и обратил мое внимание Совет экспертов.

— Но если это не случайность, — задумчиво прогово-

рил Лорка, — то это же тщательно продуманная цепочка преступлений, завершившаяся убийством. А я не верю, что на Земле есть хоть один человек, способный на убийство. Мы слишком горды и самолюбивы для этого.

— А может быть, убийства и не хотели? Может быть, оно получилось нечаянно? Ведь гибель Тима — первая смерть в этой цепочке несчастий.

— Но для преступления должна быть побудительная причина. Какая?

Соколов достал платок, вытер розовые щеки и блестящий выпуклый лоб.

— Вот этого я не знаю. — Он иронично сощурил свои маленькие глазки. — Хотя есть у меня одна сумасшедшая идея.

На круглом румянном лице Соколова отобразилось сложное чувство, похожее сразу и на гордость и на смущение.

— Мне удалось получить время для консультации с ГКЗ — главным компьютером Земли. Экспертам неохотно дают эту исполинскую машину. Ответ ГКЗ был тривиальным, но довольно любопытным: случайность цепочки несчастий с командирами экспедиций маловероятна, но не исключена; если же это не случайность, то вполне определено — действует не единичный человек, а некая тайная организация, противопоставляющая свои интересы интересам всего человечества.

— Тайная оппозиционная организация? — зеленые кошачьи глаза Лорки смотрели насмешливо. — В наше время? Откуда бы ей взяться? Пожалуйста, говорите любую правду.

Соколов засмеялся, пряча свои голубые глаза между полных щек.

— Правду, всю правду и только правду, — вполголо-са проговорил он.

— Что? — не понял Лорка.

— Была такая юридическая формула. А ведь не-плохо? Никаких лазеек для двусмысленности! У наших предков неплохо варили мозги.

— Только не всегда в нужном направлении.

— Это верно. — Соколов вздохнул. — В наше время тайных организаций быть не может. Но это не вся правда — таких организаций не существует среди взрослых людей.

— Понятно, — сказал Лорка, осмысливая услышанное. — Я знаю, дети любят играть в тайны и загадки. Но как понять оппозицию человечеству и преступления?

Соколов сидел очень довольный, хитро поглядывая на собеседника:

— Понимаю, понимаю. Дети — цветы жизни, дети — наша радость, дети — наше счастье, дети — наше будущее. Наше умиление естественно и понятно. Но, — Соколов многозначительно поднял палец, — розовые очки отцовства и материнства мешают нам видеть всю правду. Да, дети добрее, наивнее, милее нас, взрослых. Но в то же самое время они более злы, жестоки, нетерпимы и прямолинейны.

— Вы не увлекаетесь?

— Я слишком сдержан. Дети более животные и менее люди, чем мы с вами. Они еще не прошли сурового социального тренинга. Что поделаешь, человек рождается животным, беспомощным, примитивным зверьком, из которого мы с превеликим трудом выращиваем гомо сапиенса нашего времени.

Лорка смотрел теперь на эксперта с любопытством:

— Это, пожалуй, верно, хотя и утрировано. Однако, — в голосе Федора появились настойчивые нотки, — при чем здесь экспедиция на Кику?

— Я, собственно, имел в виду не маленьких детей, а подростков — полуношей и почти девушек. Подростков в тот золотой и страшный период, когда они прощаются с детством и начинают особенно остро чувство-

вать оковы социальной морали. От детей они уже отошли, а к взрослым еще не пришли. Своеобразная подростковая автономная республика со своими законами, тайнами, проблемами и специфической моралью. Тут и безграничное благородство, и озорство, и довольно мерзкие пакости. Не столько со зла, сколько от избытка энергии и в пик у взрослых — нате, мол, мы тоже не лыком шиты!

Лорка смотрел на Соколова по-прежнему одобрительно, но в его зеленых глазах теперь появилась ироничность.

— И вот тайная подростковая организация задалась целью известить ведущих космонавтов-гиперсветовиков?

— Тут тонкости, Федор, тонкости. — Голубые глазки Соколова смотрели хитренько. — У подростков всегда бывают кумиры — взрослые, в которых они влюблены, на которых молятся, которым подражают. И если дружному коллективу подростков покажется, что с их кумиром поступают несправедливо, а тем более его обижают, они могут натворить черт знает какие глупости.

— В том числе и такие, которые ГКЗ может оценить как оппозицию всему человечеству?

— Вот именно! — Соколов или не замечал, или не желал замечать иронию Лорки. — Мы не должны закрывать глаза ни на скрытое потенциальное могущество современной обиходной техники, ни на природный, еще не замутненный специальным образованием подростковый интеллект. Не забывайте, в этой среде незримо растворены будущие гении.

Соколов вздохнул весело и недоуменно.

— Знали бы вы, Федор, с какими только чудесами этой подростковой среды мне приходилось встречаться! Подводный манипулятор тайно и успешно переделывается в вездеход, в котором предусмотрено все, кроме надежности. Разумеется, в ходе испытаний эта самодеятельная машина выходит из строя. А один юнец с прямо-

таки чудовищными гипнотическими способностями после удачных экспериментов по отсроченным внушениям в своей среде расширил поле деятельности и принялся за воспитателей и педагогов. Без всякой корысти! Просто для проверки своих возможностей и для тренировки. Но вы бы послушали, сколько трагикомических происшествий случилось в школе, пока удалось узнать, в чем дело!

— Я понимаю, — серьезно и мягко вклинился в монолог эксперта Лорка, — ваша «идейка» насчет подростковой автономии интересна. Но как все это связано с экспедицией на Кику?

Секунду Соколов смотрел на Лорку, потом достал из кармана большой платок, вытер слегка увлажнившееся лицо и уже спокойно сказал:

— Очень просто. Есть такая школа-пансионат для детей космонавтов-гиперсветовиков.

— Знаю.

— Еще бы не знать! Все вы там бываете на официальных и неофициальных встречах, ведете кружки, факультативы, специальные занятия. Общение с этими ребятами у вас совершенно свободное. Частыми гостями были в этой школе и все пострадавшие кандидаты кикианской экспедиции. Я проверял. А у них, видите, какое совпадение, детей в этой школе нет: у некоторых дети выросли и закончили школу, у других вообще нет детей, у третьих дети живут с дедушками и бабушками. В общем, своих детей у кандидатов там не было, а с массой других они общались свободно и в самой непринужденной обстановке. Улавливаете ситуацию?

Лорка улавливал.

— Есть у подростков этой школы и свой кумир, он шефствует у них над спортом. Умница, красавец, талантлив и честлюбив — некий Виктор Хельг. Может, знаете?

— Знаю, — рассеянно подтвердил Лорка, — знакомы по спорту. Самобытный, одаренный парень.

Соколов на секунду оживился:

— Знаете? Очень хорошо. Так вот, этот кумир в глазах школьников относится к несправедливо обиженным и оскорбленным. Я проверял — мальчишки да и девушки просто озлоблены, даже написали петицию в Совет космонавтики. Хельга, оказывается, уже трижды выдвигали в кандидаты командиром корабля, и трижды он не набирал нужных трех четвертей голосов. Слишком дерзок и самоуверен.

— Похож, — проговорил Лорка.

— Хельга выдвигали и в кикианскую экспедицию. И опять завалили! Я и подумал, — в голубых глазах Соколова замерцали азартные хитроватые искорки, — а что, если подростки этой школы-пансионата пронюхали о несостоявшемся назначении? Представляете их реакцию?

— Как они могли пронюхать? — устало спросил Лорка. — Даже я, нынешний кандидат в командиры, ничего толком не знаю.

— А если Виктор Хельг сам сказал об этом?

— Ну! — возмутился Федор.

— Вот вам и ну, — сердито отозвался Соколов. — Конечно, такое случается редко, чтобы взрослый сознательно эксплуатировал детей, но случается. Последний раз, если не ошибаюсь, такое зафиксировано лет семьдесят назад.

— И вы полагаете, что ученики школы-интерната решили помочь своему кумиру? Так сказать, расчистить ему дорогу?

— А почему бы и нет? — Соколов выглядел сейчас упрямым и настырным. — С их точки зрения, это благородная борьба за справедливость.

— И ради этого они пошли на убийство человека?

На убийство Тима Корсакова? — тихо, жестко спросил Лорка.

Соколов несколько смутился и досадливо поморщился.

— Зачем утрировать? Они хотели просто вывести его из строя, как вывели из строя других кандидатов. Убийство — несчастный случай, не более.

— А они знают о гибели Тима?

— Нет, — в голосе Соколова появились заговорщические нотки, — но я установил, они уже не раз пытались выяснить, где Корсаков. Разными способами, через родителей, знакомых и воспитателей.

— Да, — тяжело проговорил Лорка.

Неужели судьба так несправедлива, так жестоко несправедлива к Тиму? Смерть, глупая случайная смерть.

Соколов осторожно прикоснулся к руке Лорки.

— Я понимаю, вам тяжело. Но наш долг, нелегкий долг экспертов, беспристрастно разобраться в том, что случилось.

Лорка молчал. Истолковав это молчание как согласие, Соколов уже живее продолжал:

— Вы говорите, что знакомы с Хельгом по спорту. Какому?

— Шпага, — коротко бросил Лорка.

— Вам непременно и в самое ближайшее время нужно встретиться с Хельгом на дорожке. — В голосе Соколова теперь звучали наставительные нотки, а голубые глазки смотрели доверительно. — Посмотрите, каков Хельг сейчас в деле. Знаете, человек может говорить разные вещи: правду, неправду, полуправду, он может и ничего не говорить — молчать, и все. В поступках человек более открыт, особенно если у него не совсем чистая совесть. А после боя вы с ним поговорите по душам. Нервная и физическая разрядка, знаете ли, располагает к откровенности.

Лорка не мог сдержать иронической усмешки. Соколов мгновенно уловил ее и погрузнел.

— Понимаю, вас коробят мои деловые наставления, — эксперт вздохнул, хмуря свои белесые брови. — Но что поделаешь? Такова уж наша экспертская доля.

Он помолчал и снова перешел на деловой тон:

— И одно условие напоследок. О нашем разговоре, особенно о подозрениях относительно Хельга, никто знать не должен. О гибели Тимура Корсакова тоже пока умолчите.

— Но ведь меня будут о нем спрашивать, — Лорка взглянул на Соколова с удивлением.

— Ну и что? Мало ли о чем спрашивают любопытные люди. Отмолчитесь, придумайте что-нибудь.

Удивление Лорки сменилось легким любопытством:

— Значит, я должен врать?

Соколов спокойно встретил его пристальный, тяжелый взгляд и твердо сказал:

— Иногда ложь — благо.

— Хорошо, — после раздумья согласился Лорка, — но одному человеку я, разумеется, расскажу обо всем — своей жене.

Соколов нахмурился.

— Институт юридических жен, — в его голосе звучали назидательные нотки и некоторое раздражение, — отменен комитетом общественных отношений полвека тому назад. Вашей женой Алтайра станет тогда, когда подарит вам дочь или сына. А пока она для вас любимая, подруга, возлюбленная, но не жена.

— Альта — моя жена, — спокойно повторил Лорка, и его зеленые глаза прищурились холодно и насмешливо. — А членов этого комитета общественных отношений я бы оставил без сладкого за обедом за торопливость. Если бы они ходили в космос, а не просиживали штаны в кабинетах с видом на море, они смотрели бы на звание жены иначе. И не торопились бы его отменять.

Соколов хмыкнул, с интересом разглядывая нового, сердитого Лорку, и с некоторой снисходительностью пояснил:

— Традиции всегда умирают долго и мучительно. Юридически семья возникла на базе частной собственности и стала потихоньку вянуть сразу после того, как эта собственность потеряла свой смысл и значение. Комитет просто констатировал факт. — В голосе Соколова появились примирительные нотки. — Он повесил объявление на развалинах, уведомив, что это развалины, и ничего больше.

— Скажите, Александр Сергеевич, — вдруг серьезно и доброжелательно спросил Лорка, — как вы стали профессиональным экспертом?

— Должен ведь кто-то быть им!

— А семья у вас есть?

Соколов добродушно улыбнулся, его маленькие глазки совсем спрятались между полных щек.

— А как же без семьи? Жена и трое детей — два сына и одна дочь.

— И вы храните свои дела от жены в тайне?

— От жены? — Соколов потер себе щеку, засмеялся и с некоторым смущением сказал: — Разве от нее скроешь? Все равно догадается, а о чем не догадается, выяснит.

— Так почему же я должен что-то там скрывать от Альты?

— То есть как это почему? — голубые глаза Соколова смотрели на Лорку очень простодушно. — У вас же нет детей, значит, нет ни настоящей семьи, ни настоящей жены. Незаконная она у вас, если пользоваться старой терминологией.

Лорка от души рассмеялся, а потом негромко и очень серьезно сказал:

— Так вот, Александр Сергеевич, сразу предупреждаю вас. Конечно, необязательно входить в детали, но

кое-что мне непременно придется рассказать. И не только жене, Альте, но и некоторым друзьям. Это потребует-ся в интересах самого расследования. Вы уж даруйте мне право самостоятельно решать эту проблему.

Соколов ненадолго задумался, поглядывая на Лорку из-под редких белесых бровей, и без особого энтузиазма согласился:

— Ну хорошо. Будь по-вашему. И вот еще что, — он опять задумался, формулируя мысль, — мне бы хотелось подробнее познакомиться с Кикой-планетой, которую вы намереваетесь посетить. Получить сведения, так сказать, из самых первых рук. Официальная информация — это, знаете ли, одно, а личное мнение человека, который собирается туда лететь, нечто совсем другое.

— Я понимаю, — согласился Лорка. — Кику открыл и обследовал Петр Лагута. Хорошие гипертелескопы с большим стажем всегда увлекаются чем-нибудь легким, с художественно-гуманитарным уклоном: времени свободного достаточно, а обстановка стрессовая, там не до математического анализа и не до углубленных философских размышлений. Вот и у Лагута было свое хобби — русские былины и сказки. А на той планете и в самом деле сказочно красиво, жутковато и с загадками. Вот Лагута и стал раздавать направо и налево фольклорные имена и звания. Небо на Кике нежно-зеленое, облака розовые. Огромное алое солнце, его диаметр в три раза больше, чем видимый диаметр нашего Солнца, на восходе и на закате оно выглядит просто чудовищным, кажется, вот-вот расплывется под собственной тяжестью. Лагута нарек его Ярилой. Зелень в свете этого солнца кажется почти черной, а цветы — почти сплошь белые, только с примесью самых разнообразных тонких оттенков. Закаты жутковатые, вместо нашего золота и пурпура — коричневое с фиолетовым. Собственной Луны у Кики нет вовсе, зато в небе сияет яркая звезда — голу-

бой гигант Рекс, света он дает чуть меньше, чем полная Луна на земном небе.

Соколов слушал, глядя мимо Лорки, в серое окно, вроде бы рассеянно, а на самом деле как губка впитывал все услышанное.

— Знатный он развел там зверинец, — с доброй и грустной улыбкой рассказывал Лорка, — в лесах — шишиги, сирены, в степях — бой-туры, нетопыри, кикиморы.

— А кикиморы? — переспросил Соколов.

— В русских сказках — обитательница леса, гибрид сучкастого дерева и женщины-озорницы. А на Кике что-то вроде огромного богомола с головой лемура.

— И такие есть?

— Чего там только нет! Есть поющее дерево, Лагута назвал его лукомором, а есть плачущий кустарник — имя ему дадено — ракета. — Лорка вздохнул. — Помните? «В чистом поле, под ракетой богатырь лежит убитый». Лагута будто чувствовал свою судьбу, под ракетой его и нашли.

— А как он погиб?

— Глупо погиб, поторопился себя реабилитировать. По результатам обследования Лагута Высший совет дал добро на организацию первого кикианского поселения. Полтора года оно благоденствовало и процветало. А через полтора года погиб первый поселянин, когда лесом возвращался на базу с дальней точки. Обследование показало — паралич сердца. Через неделю погиб второй, потом третий. Никаких телесных повреждений, паралич сердца и выражение ужаса на лице.

Соколов поежился, хмыкнул:

— И что же?

— Поселение ликвидировали. Лагута — человек честный и принципиальный. Он чувствовал себя виновным в гибели трех человек и попросил разрешения на повторное обследование планеты. Кто бы посмел ему

отказать? Сразу же после прибытия на Кику он в одиночку отправился в тот лес, где погибали люди.

— Почему в одиночку?

— Несчастья происходили только с одиночками. Лагута решил разом покончить с тайной Кики. И был найден мертвым, под ракитой. Тоже паралич сердца, только на лице не ужас, а улыбка.

В маленьких глазках Соколова заискрился интерес:

— Видимо, он разгадал тайну!

Лорка мрачно улыбнулся:

— Разгадал.

Соколов оглядел Лорку, оглядел неторопливо, с ног до головы.

— А теперь вы туда? — спросил он с любопытством.

— Теперь мы.

— Н-да, — Соколов проговорил это весьма многозначительно, вытирая платком лоб и щеки, — хочется вам позавидовать, да, может быть, лучше посочувствовать?

— Что ж, спасибо и за то и за другое, Александр Сергеевич.

ГЛАВА 3

Заканчивая свой утренний туалет, Лорка надел светлую теплую куртку из мягкой кожистой ткани, похожей на замшу. Легко и непринужденно, как первоклассный танцор, он прошагал в прихожую и возле вешалки-гардероба прочитал рекомендации по верхней одежде, которые выдавались автоматикой в соответствии с погодой. Корректиров он вводить не стал. Механическая рука подала ему из открывшейся в стене ниши сна-

чала плащ, а затем и шляпу, по широким полям которой надлежало стекать возможному дождю. Засветив зеркало, Лорка, скептически щуря свои зеленые кошачьи глаза, взгляделся в свое отражение. Повел могучими плечами и усмехнулся.

— Может быть, ты просто трусишь, командир? — спросил он вполголоса у зеркала. — Признавайся, тут нет никого постороннего.

Он протянул руку, чтобы ущипнуть своего зеркального двойника за нос, но тот, конечно, тоже протянул свою руку. Лорка прищелкнул пальцами и засмеялся.

Шляпа ему определенно не нравилась. Он надевал ее и так и эдак, и по-всякому было плохо. В конце концов он снял ее, нахлобучил на механическую руку, которая не замедлила переправить ее в нишу, и, обернувшись, спросил, повысив голос:

— Альта, ты скоро?

— Скоро, — ответил чистый грудной голос.

— Я подожду тебя на воздухе.

— Хорошо.

Щелкнув запором, Лорка вышел из дома и остановился на площадке широкого полукруглого крыльца.

Мир спал. Неподвижный, влажный воздух казался густым, как кисель, сделай шаг — и увязнешь, запутаешься в зыбкой полупрозрачной трясине. Но это лишь казалось; несмотря на свою влажность, воздух был легким и теплым, как дыхание ребенка.

Сбежав по ступеням крыльца, Лорка миновал голый кустарник, вышел на шероховатую пружинистую дорожку, очень ловко имитированную под песчаную аллею. И остановился, поджидая жену.

Деревья тоже спали, плавая в тумане, похожем на молоко, разбавленное водой. Поблизости это были еще настоящие деревья со стволами и ветвями, можно даже было угадать осеннюю пестроту тяжелых листьев. А дальше деревья быстро теряли реальные очертания,

превращаясь в ажурные абстрактные орнаменты. Снали и птицы. И только звонкая, чистая, как детский голос, капель оживляла этот влажный мир, погруженный в светлую дрему.

— Лорка! — послышался голос Альты — две глубокие ноты, первая повыше, а вторая пониже.

Лорка огляделся, ему почудилось, что голос ее прозвучал над самым его ухом, и тихонько откликнулся:

— Ау!

Он отчетливо слышал звуки шагов Альты, хотя ее совсем не было видно за туманом и кустарником. Можно было угадать, как она сбежала по ступеням, сделала несколько замедленных шагов по земле, а потом деловито зашагала по дорожке. Этот чудной воздух-студень, воздух-дыхание был удивительно звукопроницаем. Теперь Федору стала ясна загадка чеканного звона капли, хотя и всего-то с ветки кустарника срывались и падали в лужицу серые бусинки воды. Лужица недовольно морщилась, а сухой лист-кораблик приветливо кланялся на игрушечных волнах.

Альта пришла легкая, оживленная, веселая. На тонком темном лице, будто вырезанном из мореного дуба, неожиданно светлые глаза. Лорка знал, что они голубые, почти синие, но под стать этому туманному утру казались сейчас серыми. Капюшон плаща откинут, тяжелые волны волос припущены седой пылью влаги.

— Ты здесь?

— Нет, — засмеялся Федор. — Но иногда я здесь бываю.

Засмеялась и Альта. Голоса звучали как колокола, словно Лорка и Альта находились не под открытым небом, а под гулками сводами. Альта даже подняла голову и посмотрела вверх, рот ее чуть приоткрылся, за вишневыми губами проглянула сахарная полоска зубов. И Лорка посмотрел наверх, а там ничего, серое рыхлое

небо, и не поймешь, высоко оно или низко. Прислонясь к Федору плечом, Альта тихонько сказала:

— Как в храме!

— В соборе святого Петра, — серьезно подтвердил Лорка. — Сейчас из тумана выйдет белобородый епископ в золоченой тиаре. И тайным словом навеки свяжет наши души.

Альта посмотрела в туман, поежилась от влажного воздуха и подняла на Федора серьезные светлые глаза.

— Зачем нам с тобой епископы, Лорка? Мы и так связаны навеки. Правда?

— Наверно, правда.

Ее глаза сразу потемнели:

— Почему наверно?

— Значит, просто правда.

Она на улыбку не ответила, показала, что сердится на неуместную реплику, прошла по дорожке вперед и лишь потом обернулась через плечо:

— Пойдем.

Лорка нарочно не сразу догнал ее, ему нравилось смотреть, как она идет. Альта двигалась неслышно, почти невесомо, точно плыла в тумане.

Черно-серый куст, большим глупым веником выплывавший из тумана, вдруг шарахнулся, из него кто-то выскочил и удрал. Альта замерла, вытянувшись стрункой, подоспевший Федор легонько обнял ее за плечи.

— Птица. А может быть, заяц, — успокоил он.

Альта огляделась вокруг, зябко повела плечами:

— Как-то не так сегодня. Тревожно. Правда, Лорка? Федор огляделся и грустно подтвердил:

— Правда.

— Это потому, что Тим погиб, — тихо сказала Альта.

Лорка помрачнел и ничего не ответил. Некоторое время они шли молча. Альта время от времени взглядыва-

ла на Федора, но он не замечал или делал вид, что не замечает ее взглядов.

— Каково сейчас Валентине!.. — вдруг вырвалось у Альты.

Лорка удивленно взглянул на нее и нахмурился.

— Она ничего еще не знает.

Альта остановилась на полушаге.

— Как?

— Да так, — недовольно проговорил Лорка, — меня просили пока ничего не говорить ей.

Темный румянец выступил на щеках Альты.

— Почему? — сурово спросила она.

— Не знаю. Просто попросили, — с тенью раздражения ответил Лорка.

— Каждый имеет право на свою радость и на свое горе, — сказала Альта, и голос ее дрогнул, — и никто не имеет права на ложь и обман.

— Мы не лжем, Альта, — примирительно сказал Лорка, — мы молчим.

— Молчание хуже, трусливее лжи.

Лорка отвел взгляд:

— Ты права. Но я обещал молчать.

— Иногда обещание можно нарушить, — Альта снова пошла вперед и сказала тихо и убежденно: — Бедная Валентина! Она и не знает ничего. Это вдвойне жестоко.

Лорка одобрительно взглянул на нее. Есть вещи, подумалось ему, которые до конца способна понять только женщина. Ведь и правда, беспечность незнания — разве она не оборачивается потом изощренной жестокостью?

— Ты права, Альта, — вслух повторил он, — я сегодня же расскажу ей обо всем.

Она молча взяла его за руку. Дорожка вилась между кустами, почтительно обходила большие деревья, прыгала через канавы. Возле одного деревца Альта остановилась и прислушалась, склонив голову набок.



— Слышишь? — вполголоса спросила она Лорку.

Федор прислушался и кивнул головой. Дремлющая роща сонно шептала тысячами дробных шелестящих голосов. Это капли и капельки воды падали с ветвей на влажную землю, на ковер увядших разноцветных листьев. Лорка покосился на грустное, отрешенное лицо Альты, вздохнул, а потом чуть улыбнулся, положил свою большую ладонь на тонкий ствол, поднял лицо вверх и крепко встряхнул деревце. Оно дрогнуло и обрушилось на них заряд крупного свежего дождя. Альта гибко метнулась в сторону, а Федор так и остался стоять, потряхивая мокрой головой, только глаза зажмурил.

— Сумасшедший! — преувеличенно сердито ворчала Альта, вытирая лицо платком.

По-настоящему сердиться она не могла, знала, что как раз что-нибудь вроде такого душа и нужно было, чтобы сбросить напряжение и прийти в себя.

— Тим не любил грустить, — сказал Лорка, подходя к ней. — Даже когда речь шла о погибших друзьях.

Тим любил жизнь, свою работу, шутки и розыгрыши. Дети, даже незнакомые, сразу чувствовали эту особенность его характера. Они липли, льнули к нему, охотно принимали его, такого большого и сильного, в свои детские игры, не давая ему послаблений и не прося уступок. А Тим с удивительным тактом соразмерял свою силу и ловкость с их грациозными, милыми, но такими несобранными движениями.

Роща оборвалась разом, выставив вперед надежную стражу — старые раскидистые деревья. Склон холма, покрытый желтеющей травой, круто падал вниз и растворялся в плотной массе тумана. Казалось, сбыв уходя в серую бездну, в клубящееся, безликое, бесцветное ничто.

— Преисподняя, — шепотом сказал Лорка. — Это неправда, что преисподняя — черное с красным. Она серая.

Лицо Альты было сосредоточенным, она прислушивалась к тому, что происходило внизу, в серой бездне. Прислушивался и Лорка. Внизу кто-то жил. Он был длинный, во весь овраг. Он вздыхал, ворочался и бормотал недовольно и непонятно.

— Змей Горыныч, — заговорщически шепнул Лорка. — Они всегда водятся в таких местах.

— Это ручей, — улыбнулась Альта. Она огляделась, зябко повела плечами. — Как-то не так сегодня, Лорка. Как будто мы не на земле, а в другом мире.

— Нет, мы дома, — Лорка глубоко, полной грудью вдохнул сырой, влажный воздух, — все тут родное: запахи, звуки и трава.

Он тронул носком туфли увядающий стебель.

— Видишь? Не пищат и не царапаются. А на Весталке сошел я с трапа на землю, на густую пружинящую траву, сделал по ней несколько шагов. И почудилось мне, что кто-то стонет, вздыхает. Прислушался, посмотрел, а это трава неуклюже, неловко отпихивает мои ноги стеблями и стонет.

Лорка замолчал, глядя вдаль мимо Альты, мимо серых в тумане деревьев, мимо всего-всего земного. Смотри на него снизу вверх, Альта вдруг попросила:

— Лорка, возьми меня с собой на Кику.

Лорка не сразу оторвался от своих мыслей и перевел взгляд на жену.

— Правда, Лорка, возьми. Я больше не хочу оставаться одна. Я твоя жена, а жены имеют не только обязанности, но и права.

Лорка легонько, снизу вверх погладил ей затылок, пропуская тяжелые волнистые пряди волос между пальцами.

— Мне вчера напомнили, что комитет общественных отношений отменил институт юридических жен еще полвека назад.

— Ты всегда говорил, что комитет поторопился. Что он дал нам взамен брачных уз?

— Свободу, Альта, — тихо ответил Лорка, — никакими узами, никакими цепями не омраченную свободу отношений двух людей, любящих друг друга.

— Свобода имеет свои оборотные стороны, — голубые глаза Альты смотрели на Лорку, точно из глубины ночи, — еще не все научились ею распоряжаться. Некоторым нужны цепи, с ними проще.

— Цепи всегда цепи. — Голос Лорки звучал мягко. — Любой вид рабства порочен в своей основе. Даже рабство любви.

— Что бы там ни говорил комитет, я твоя жена, и ты это знаешь, — упрямо повторила Альта. — Я люблю тебя, но я человек, всего-навсего человек. Возьми меня с собой, а то я наделаю глупостей.

Глаза Лорки разом похолодели. Теперь они смотрели отчужденно и даже не на Альту, а сквозь нее. Альта поспешно прикрыла рот Лорки своей темной сильной ладонью.

— Молчи! — она перевела дыхание. — Молчи, Лорка. Это я со зла.

Она улыбнулась ему сначала робко, а потом, видя, как тает холод в его глазах, уже и озорно.

— Я со зла, — повторила Альта. — Ты мужчина, муж и не должен сердиться.

Лорка наконец улыбнулся.

— Я не сержусь. А насчет Кики подумаем.

— Не шути, Лорка, — тихо попросила Альта.

— Я не шучу. Ты думаешь, я не скучаю по тебе в космосе? Думаешь, мне не надоело расставаться с тобой на многие месяцы?

Альта все смотрела и смотрела на Федора, глаза ее наполнялись слезами.

— Лорка!

Она порывисто прижалась лицом к его груди и при-

тихла. Лорка мягко обнял ее за плечи и с оттенком лукавства сказал на ухо:

— А потом я к тебе присмотрелся. Честное слово, у тебя неплохие задатки космонавта-разведчика.

— Ты правда не шутишь?

Отстранившись, Альта смотрела на него все еще недоверчивыми, но уже счастливыми глазами.

— Нет. Хотя хорошо понимаю, что вдвоем в космосе нам будет не легче, а может, и тяжелее.

— Почему?

— Потому что, когда придется трудно, мы будем болеть душой не только за дело, но и друг за друга.

Брови Альты сдвинулись.

— Почему, — она вздохнула, — ну почему жизнь так плохо устроена?

— Чтобы жилось веселее. — Лорка засмеялся и взлохматил ей волосы. — Почему, отчего. А если просто так? Сейчас вот я хочу разобраться, кто это ворочается и вздыхает в овраге — ручей или Змей Горыныч?

Он отступил назад, разбежался, сделал мощный прыжок и исчез в серой бездне.

— Лорка! — импульсивно вскрикнула Альта.

Снизу послышался звук падения тяжелого тела, зашуршали ветви. Вся обратившись в слух и ожидание, Альта смотрела вниз. Прошло несколько мгновений, и она заметила, как в клубящемся тумане поднимается, всплывает что-то темное. С захолонувшим от ужаса сердцем Альта смотрела, как обозначаются, прописываются два широких крыла, ушастая голова. Еще миг, и на Альту сурово взглянули огромные мудрые глаза.

— Угу! — дружелюбно сказал филин и бесшумно, неторопливо поплыл в глубину рощи.

Очнувшись от столбняка, скользя и спотыкаясь, Альта побежала вниз. Туман тут был плотнее, гуще, казалось, его можно было черпать горстями. Мир растворился в

этом густом невесомом молоке, даже земли почти не было видно.

— Федор!

Альта чуть не упала, ободрала руку о какую-то колючку и пошла медленнее, благо склон оврага кончался.

— Федор! — отчаянно крикнула она.

— Что? — послышался сзади спокойный голос.

Альта ахнула, испуганно обернулась и совсем рядом увидела зеленые глаза Лорки и растрепанные рыжие волосы, украшенные увядшими листьями.

— Лорка, — вздохнула она с облегчением, уткнулась лицом в его грудь и притихла успокаиваясь.

Лорка, обняв жену за плечи, осторожно гладил ее волосы. Но лицо его не выражало ни нежности, ни озорства, оно было суровым и тревожным. Увидев его таким, Альта не на шутку бы перепугалась.

Поглаживая пышные влажные волосы жены, Лорка напряженно размышлял. Почему он так глупо, неосторожно, рискуя сломать себе шею, прыгнул в овраг? Наверное, потому, что часто проделывал такие фокусы мальчишкой и до сих пор любил поозоровать, оставаясь наедине с близкими людьми. И еще потому, что этот овраг он знал как свои пять пальцев — мягкие песчаные склоны и плакучие ивы с пружинящими ветвями, о которые невозможно ушибиться. Но ведь туман, ни зги не видно!

Врезавшись в упругую крону ивы, Лорка инстинктивно ухватился руками за гибкий ствол. Он сработал как великолепный амортизатор, сначала опустил Лорку почти до земли — потом подбросил в воздух и не сразу успокоился. Раскачиваясь, Лорка огляделся, выбирая место посвободнее, чтобы спрыгнуть. Посмотрел и под ноги и вдруг похолодел. Прямо под собой он увидел полутораметровый сломанный ствол молодой ивы, грозно, как рогатина, направленный расщепленным острием вверх.

Если бы он не ухватился за ствол, то скорее всего накололся бы на эту рогатину. Мгновенный испуг Федора и был вызван тем, что он зримо, осязательно представил себе, как острый кол с хрустом вонзается в его тело, кроша кости и разрывая внутренние органы. Маловероятно, что Лорка после этого бы погиб: Альта рядом, а современная медицина во всем, что не коснется чудовищно сложного и тонкого мозга, практически всесильна. Но добрый месяц жестокого постельного режима был бы гарантирован: сначала реанимация с биомеханической заменой жизненно важных органов, а потом долгая и мучительная регенерация.

Сильно качнувшись, Лорка отпустил руки и приземлился метрах в трех от зловещего природного орудия убийства. Только природного ли? Вот об этом и размышлял Федор, машинально поглаживая влажные волосы жены.

— Когда ты станешь по-настоящему взрослым, Лорка? — с грустью проговорила Альта, все еще не отрывая лица от его груди.

Федор с трудом отвел взгляд от ствола-рогатины, который иногда смутно прорисовывался сквозь клубящийся туман, еще раз, теперь уже сознательно и нежно провел большой ладонью по волосам жены. Лицо его помягчело, оттаял тяжелый взгляд. Почти касаясь губами уха Альты, он тихонько спросил:

— А зачем это нужно — быть по-настоящему взрослым?

ГЛАВА 4

Валентина стояла под липой, опираясь о ствол отведенными за спину руками. У нее было округлое лицо, широкие, ровными дугами брови, ласковые

серые глаза, мягкий подбородок и полные губы, созданные для улыбок, поцелуев и веселой болтовни.

— Я Валентина, — представилась она. — Это вы хотели меня видеть?

— Я.

— По делу или просто так?

— Да как вам сказать... — Лорка заколебался, плутовато сощурил в улыбке свои зеленые глаза и вкрадчиво спросил: — А если я хочу просто поухаживать за вами?

Она негромко засмеялась, показывая крупные жемчужные зубы.

— Любовь с первого взгляда?

— Почему же? — Лорка соорудил серьезное лицо. — Может быть, я уже годы хожу за вами, оставаясь невидимым и неслышимым?

Она опять засмеялась, сразу догадавшись, что это шутка, только шутка, и ничего больше. Видимо, Валентина была очень чуткой от природы, только, видно, не всегда считала нужным пользоваться этой чуткостью. Для постоянной чуткости нужна нервность, отзывчивость, а Валентина выглядела благодушной, может быть, даже снисходительно равнодушной к окружающему.

— Вы не торопитесь? — спросила она.

— Я? Как можно торопиться, увидев вас?

Она улыбнулась уже устало, показывая, что ее начинает утомлять эта игра. Они разглядывали друг друга с интересом, даже с известной бесцеремонностью, но за этим интересом проглядывала настороженность.

— Вы ведь Федор Лорка? — вдруг спросила она. — Вы чуть прихрамываете, волосы у вас рыжие, глаза зеленые, и вы очень-очень сильный. — Валентина говорила уверенно, спокойно, но настороженность не исчезала из ее глаз.

Лорка засмеялся:

— Вот уж не думал, что вы такая ясновидящая.

— Что с Тимом? — быстро спросила она.

— Все в порядке, — безмятежно ответил Лорка. — Надеюсь, вам сообщили, что он срочно вылетел на базу?

— Сообщили. — Она внимательно смотрела на него.

— Ну а Тим просил меня, если он задержится, навестить вас. И вот я здесь, у ваших ног, — улыбнулся Федор.

Валентину удовлетворил этот ответ, и она вздохнула, успокаиваясь:

— Знаете, Федор, я ведь тороплюсь. Если у вас есть свободное время, проводите меня.

— Именно это я и хотел вам предложить.

Валентина очень непринужденно взяла его под руку. Фигура у нее была тяжеловатой — фигура зрелой женщины, хотя лицо было совсем молодым. Эта подчеркнутая женственность не воспринималась как недостаток — в линиях ее тела была своя законченность, своя стать, правда, совсем иного толка, чем у Альты или Эллы. Впрочем, кому дано право судить об эталонах?

Рука Валентины была тяжелой, мягкой и теплой, она лежала на предплечье Федора без всякого кокетства и тревоги. Откуда он взял, что Валентина насторожена? Чепуха, для этого она слишком ленива и благодушна. Самое обычное беспокойство о возлюбленном, вот и все.

Они медленно пересекли площадь. Когда их взгляды встречались, Валентина неизменно улыбалась. И, однако ж, улыбка ее не выглядела ни стандартной, ни искусственной. Люди со стандартными улыбками всегда хоть немного, но эгоисты, думающие о себе больше, чем о других. Не было в ее улыбке и того показного обаяния, которое свойственно женщинам, желающим, может быть бессознательно, очаровывать всех и каждого. Улыбка Валентины была ее естественным состоянием, она жила сложной, тонкой жизнью, отражая явные и даже тайные движения ее души. Зато глаза при этом оставались

ясны, спокойны и благожелательны. С площади они перешли на центральную скоростную магистраль. Видимо, ехать было неблизко, потому что Валентина предложила сесть на диван. Мини-солнце, стоявшее в зените, светило совсем по-настоящему. Лорка так и не знал, как, с чего начать тот страшный разговор, ради которого он встретился с ней. А Валентина, хотя и любила поговорить, об этом сразу можно было догадаться, ничуть не тяготилась молчанием. Она не искала первой попавшейся темы разговора и совсем не сгорала от любопытства, а, предоставив событиям развиваться своим чередом, ждала, поглядывая вокруг.

Когда они проносились мимо павильона-столовой, Лорка невольно проводил его взглядом.

Валентина спросила:

— Проголодались?

— А вы? — сейчас же спросил Лорка. — Может быть, зайдем перекусим?

Она с улыбкой покачала головой:

— Некогда. Да и не люблю я эти закусывания на бегу. Еда дело серьезное.

— Любите готовить сами?

— Ой, ужасно! — оживилась она. — У меня дома куча всякой всячины: соки, крюшоны, квасы, мясо и дичь — все это натуральное, рыба и специи. Прямо настоящий склад! Я сама знаю, что это нехорошо — тащить все к себе домой, как будто сейчас какой-нибудь двадцатый век. Да никак не могу удержаться!

Лорка бегло, но внимательно взглянул на нее:

— У вас, наверно, и одежды целая куча?

— А на что мне куча одежды? — равнодушно спросила она и засмеялась. — Думаете, я жадная? Совсем нет! Просто ужасно люблю все делать своими руками, как мне хочется и как нравится.

Лорка слушал с интересом. Валентина заметила это и еще больше оживилась.

— Вот это платье, — она встала, повернулась несколько раз перед Лоркой и села снова, — я тоже сама его шила. Правда, неплохо получилось?

— Хорошо, — не кривя душой, одобрил Лорка.

— Тиму тоже очень понравилось, — с удовольствием сообщила она. И, чутко заметив напряжение, появившееся на лице Лорки, вдруг спросила: — С ним что-нибудь случилось?

Лорка с трудом заставил себя иронично усмехнуться.

— С Тимом? Что с ним может случиться? — и поспешил вернуться к прежней теме разговора. — А как это вам пришло в голову — самой сшить себе платье?

— Знаю, знаю, знаю, — закивала она головой, — есть готовое платье с подгонкой, есть швейные автоматы с проблемно-эстетическими приставками, да все равно это не то! Как вы, мужчины, не понимаете, что если делаешь сама, так это совсем другое дело. Даже обидеться не на кого!

Это случайно промелькнувшее слово «мужчины» открывало Валентину с новой стороны. Она между тем продолжала все так же оживленно-доверительно:

— Знаете, я, наверное, родилась слишком поздно. Мне вот не совсем нравится этот принцип: каждому по потребности, — она взглянула на Лорку с улыбкой, в которой были и смущение и вызов, — ну что это такое? Пришел и взял — скучно!

— Так ведь за это надо и отдать по способности.

— Кто их мерил, наши способности, — равнодушно, даже с оттенком пренебрежения ответила Валентина, — это гениям легко отдавать свои способности. Он отдает, а все вокруг ахают — ух, как здорово получается! А если ты самый обыкновенный человек, если тебе и отдать-то нечего? Тогда что?

Она спрашивала о серьезных, наверное, тревожащих ее вещах, но глаза ее по-прежнему были ясны и покойны, только где-то в самой их глубине прятался вопрос.

— У вас нет законченной специальности? — предположил Лорка.

— Как это «нет»? — удивилась Валентина и с некоторым достоинством представилась: — Я дипломированный фильмограф. — И тут же заулыбалась, в этой улыбке была и легкая насмешка над собой, и легкая грусть. — Только разве в такой работе выразишь себя по-настоящему? Чтобы почувствовать радость от этого, а не просто удовлетворение?

— В экспедицию вам надо, — неожиданно даже для самого себя посоветовал Лорка, — в космос, на неосвоенную планету. Уж там для вас найдется возможность и шить, и готовить, и собирать всякую всячину.

Она согласно и очень уверенно кивнула головой.

— Знаю, Тим все время твердит мне об этом, — ее лицо осветилось какой-то особенной скрытой лаской, — только сейчас нельзя мне в космос.

Лорка секунду непонимающе смотрел на нее и вдруг догадался.

— У вас ребенок?

Он не сумел скрыть своего удивления; она услышала эту нотку, повернулась к нему и ответила с легким недоумением:

— Да.

— Девочка?

— Девочка. — Она засмеялась. — А как вы догадались?

Лорка готов был услышать все, что угодно, но только не это. У Валентины ребенок!

— Вы думали мальчик? — спросила она, не понимая его растерянности.

— Нет, я сразу догадался, что это девочка, — ответил Федор машинально.

— Как?

Она смотрела на него с настороженным, но веселым

любопытством, как смотрят на фокусника, пообещавшего показать интересный трюк.

Что мог сказать ей Лорка про интуитивное угадывание, похожее на озарение? Угадал, и все тут, угадал и остался жив, угадал, а потом и сам удивился, что угадал, если, конечно, все это происходит в спокойной обстановке и есть время и охота, чтобы размышлять об этом да удивляться. Но в любопытстве Валентины было столько бесхитростного интереса, что Лорка постарался, как мог, ответить ей.

— Вид у вас такой, — он оглядел ее с головы до ног, — мягкий, женственный. Вы ведь любите детей?

— Ой, ужасно! Вот еду сейчас с вами, я ведь к своей девочке еду, и все думаю, как она там?

Валентина сцепила руки, она постаралась сделать испуганное лицо, но из этого ничего не вышло — лицо жило, дышало ожиданием желанной встречи. — Изнаю ведь, что ничего случиться с ней не может, а все равно беспокоюсь. Вот говорю с вами, а сама потихоньку представляю, как возьму ее на руки, как она будет дышать вот тут, рядом, говорить, тянуть меня за волосы. Как я ее купать буду.

В глазах Валентины мелькнули слезы, она тут же засмеялась, смущенно поглядывая на Федора, и все так же увлеченно продолжала:

— Я всегда сама ее купаю. Там уж знают и не спорят со мной. Я слышала, они говорят — доисторическая мамаша.

— А почему бы вам не стать воспитательницей? Из вас бы, по-моему, получилась очень хорошая няня. Валентина с ясной улыбкой покачала головой:

— Я знаю, что получилась бы, но Тим говорит — очень глупо, когда муж уходит в космос, а жена месяцами и годами ждет его на Земле. Надо ходить вместе. Вот только как я оставлю дочурку — ну просто не представляю!

Лорка сидел, уронив на колени тяжелые руки. Он не мог, не хотел решиться на такой безжалостный удар. Каждый имеет право на свою радость и на свою горе, Альта говорила верно. Но как разны эти права!

Идя на встречу с Валентиной, Лорка молил судьбу о пустяке, о том, чтобы в ее характере найти достоинства или недостатки, позволяющие человеку выстоять в беде; все равно — окаменеть или расклеиться, лишь бы выстоять. Легкомыслие, непостоянство, сильный интеллект, расчетливость, крепкие цепи других интересов — все это смягчает тяжкий удар истины, приглушает эмоции. Он искал что-нибудь и не нашел ничего. Право! Да, у Валентины было право на свою горе, но было ли право у него, Лорки, бросить это горе в открытую беззащитную душу? Он задумался тяжело и надолго, поэтому вопрос Валентины хлестнул его кнутом.

— С Тимом что-нибудь случилось?

Любящее сердце — вещее сердце. Уже второй раз она спрашивала об этом. Лорка сумел заставить себя непринужденно улыбнуться.

— У меня сердце щемит, Федор. — Она сказала это совсем просто, без эмоций, но тревога так и лилась из ее глаз.

— Глупости, женские глупости, — резко, почти грубо сказал Лорка. — Если уж вы стали женой космонавта, надо привыкать к тому, что иногда щемит сердце.

Она закивала головой, успокаиваясь:

— Да-да. Тим говорил мне об этом.

Рассеянно оглянувшись, Валентина вдруг спохватилась:

— А ясли?

— Неужели проехали? — комично ужаснулся Лорка.

— Проехали. — Она смущенно улыбнулась. — Это все из-за вас. Напугали вы меня.

— Вот уж не думал, что вы такая пугливая. — Лор-

ка положил на ее теплую мягкую руку свою большую ладонь. — Рад был познакомиться с вами.

— Я тоже. Когда ждать Тима?

— Через неделю, — уверенно ответил Лорка и заискивающе добавил: — Вы не рассердитесь, если я покину вас? Мне нужно забежать к жене, она работает вот в этом здании.

— Пожалуйста, — Валентина засмеялась, — только здесь перехода нет.

— А зачем мне переход? Кто я — покоритель космоса или тюфяк?

Лорка засмеялся, подмигнул и прыгнул со скоростной магистрали через оградительный барьер.

— Упадете! — крикнула Валентина, вскакивая с дивана. Но Лорка еще в воздухе весь сжался и наклонил тело градусов под сорок пять к направлению движения. Шестидесятикилометровая скорость качнула его сильное тело, Федор спружинил ногами и стал прямо, приветственно подняв руку. Валентина была уже далеко и не могла видеть его лица, поэтому улыбаться теперь было совсем необязательно. Но он все еще улыбался. Какой-то прохожий с седой головой, свернувший к Лорке, видимо, для того чтобы сделать ему выговор за глупое лихачество, увидел эту улыбку и испуганно отшатнулся.

— Ничего, — успокоительно сказал ему Лорка, вытирая лицо платком, — ничего. Все в полном порядке.

ГЛАВА 5

Здесь, в спортзале фехтования, была своя особая и неповторимая атмосфера. Свежесть воздуха, напоенного запахами моря и соснового бора, за-

ставляла поеживаться неподготовленных зрителей: комфортная спортивная температура была ниже бытовой. По тренировочным дорожкам, будто связанные невидимыми нитями, двигались, шагали, танцевали и вдруг взрывались молниеносными флеш-атаками стройные фигуры бойцов, затянутых в эластичное трико-броню самых разных расцветок. На прозрачных, почти невидимых шлемах, защищавших лицо, шею и голову, мерцали тусклые блики рассеянного света. Плавали в воздухе, летали, со звоном перехватывая друг друга, жалили и кусались шпаги-молнии. И если укол был хорош, если «вес» его по древней традиции был не менее 750 граммов, срабатывал фиксатор, посылая незримый радиосигнал. Руководствуясь этими сигналами и общим рисунком боя, поединок оценивал контрольный автомат; на его табло, то зависая, то меняясь с почти калейдоскопической быстротой, высвечивались суммы уколов с вспомогательной оценкой их точности и силы. Когда одна из этих сумм набегала до установленной, раздавался легкий звуковой сигнал; на гарде победителя вспыхивал зеленый огонек, побежденного — красный. Фехтовальщики бережно ставили свое оружие в пирамиду гардами вниз, пуандарами вверх, садились возле автомата в кресла бок о бок и просматривали видеозапись боя, обмениваясь оживленными репликами. На боевой дорожке бои разыгрывались особенно неторопливо и хитроумно. Пуандары шпаг тут украшали пурпурные болевые разрядники. Если разрядник устанавливали на полную мощность, на все сто процентов, на «сотку», как говорили фехтовальщики, чистый укол в грудь своей неистойвой раскаленной болью валил с ног ничуть не менее верно, чем укол настоящей шпагой в самое сердце. Правда, на «сотке» работали очень редко, ограничиваясь полусоткой, которая называлась также коброй, или четвертью — шершнем. «Укус» кобры, как

правило, бросал фехтовальщика на колени, ну а шершня, чтобы не потерять лицо настоящего бойца, полагалось терпеть на ногах. Возле боевой дорожки всегда были зрители — и посторонние, и из числа отдыхающих фехтовальщиков, — с удобством располагавшиеся в мягких креслах на антресолях, где, кстати, и воздух был заметно теплее. За боем на этой дорожке следил не автомат, а судья-тренер. Перед началом боя он задавал древний, как сама спортивная шпага, вопрос: «Мсье прэ?», и после того как бойцы отвечали согласием, открывал бой жестом руки и короткой командой «алле!».

В общем, спортзал фехтования был спортзалом фехтования, спутать его с чем-нибудь другим было никак невозможно. Равно как невозможно было не любить его тому, кто по-настоящему держал в руке шпагу — благородное древнее оружие, которое за историю человечества, как феникс, несколько раз умирало и вновь возрождалось из пепла забвения обновленным и еще более прекрасным.

Вслушиваясь и вглядываясь в этот особый фехтовальный мир, Лорка, не снимая тренировочного защитного трико, с удовольствием отдыхал в низком кресле. Его зеленые глаза довольно щурились, как у кота на солнышке, поза была расслаблена, правая рука тяжело свисала до самого пола, левая с зажатым в ней мягким платком лениво вытирала вспотевшие в боях лицо и шею. Потерявший свою упругость защитный шлем прозрачным капюшоном висел за спиной, а шпага отдыхала рядом на стоечке, которая специально для этой цели была и приделана к креслу. Шпага, как и сам Лорка, казалась ленивой, усталой и беззащитной — не верилось, что это именно она, подвижная как ртуть, сияющая и вдохновенно-злобная, какую-нибудь минуту назад исполняла в воздухе свой затейливый и логичный танец угрозы, атаки и защиты.

Иван Франкетти, добрый, импульсивный и стремительный, как само фехтование, сидел рядом, сердито смотрел на Лорку и нехотя ругался, машинально следя за контрольным боем до первого «смертельного» укола, который участники разыгрывали неторопливо, осмотрительно, с теми неожиданными, похожими на каприз переходами от нарочито ленивых, вяло-грациозных движений к каскаду летящих шагов, запутанных финтов и молниеносных уколов.

— Это же не самбо, ржый ты дикарь, где много решает сила! Фехтование прежде всего искусство. Тренинг, тренинг и еще раз тренинг, если ты хочешь побеждать.

— А если я не хочу побеждать? — лениво, с еле уловимым лукавством спросил Лорка.

— Тогда катись отсюда и занимайся штангой, — скороговоркой ответил Франкетти и хлопнул себя по колену. — Нет, что он делает, а? Ты видел? Осторожничает в позиции, когда мог свободно достать его стрелой! Хочет играть только наверняка и проиграет, вот увидишь.

— А зачем мне штанга, Иван? Ты же все время твердишь, что мышцы у меня и так перетяжелены.

Франкетти, уловивший лишь конец последней фразы, быстро повернулся к нему.

— Перетяжелены! Я готов повторять это хоть до второго пришествия. Посмотри на себя, — Иван окинул его быстрым взглядом сначала скептически, потом почти любовно, — как ты с таким весом порхаешь по дорожке — великая тайна есть! Если хочешь знать, я всегда ставлю тебя в пример индивидуумам подобной комплекции. А ты? Подавай тебе Виктора, эту осу с каучуковой рукой и оленьими ногами!

— Так я все-таки выиграл у него.

— Видал? — снова хлопнул себя по колену Франкетти. — Что я говорил? Переосторожничал и полу-

чил чистый укол. Был бы настоящий бой, лежать бы ему сейчас на мать сырой земле. Выиграл, — это скептическое замечание относилось уже к Лорке, — один раз из восьми. Стыдно и срамно такое для Федора Лорки.

— Но вспомни, каким уколом я выиграл, — не без самодовольства напомнил Лорка.

Франкетти закрыл глаза и мечтательно потряс головой.

— Да, это был царь-укол! — Он сделал молниеносное движение кистью и прищелкнул языком. — Я думал, шпага сломается как тростинка.

Лицо Франкетти вытянулось и стало свирепеть!

— Нет, ты посмотри, что делает этот столб, эта мачта, этот неотесанный небоскреб! Не фехтовальщик, а вентилятор! Мне бы такие рычаги. Нет, такое видеть просто невозможно!

И Франкетти поспешил к третьей дорожке, где неуклюже работал высоченный новичок с прекрасными для фехтовальщика природными данными. Лорка, с улыбкой наблюдавший, как Франкетти, прекратив бой, взял в руки шпагу и стал в позицию, услышал голос:

— Надеюсь, ты не в обиде?

Это был Виктор Хельг.

— Это на что же? — откровенно удивился Лорка.

По губам Виктора скользнула и пропала легкая улыбка. Он пожал плечами — мол, тебе виднее — и сел в кресло напротив Лорки. Сел в подобранной, хотя и непринужденной позе. Он совсем не выглядел усталым и был так свеж, точно явился сюда не с фехтовальной дорожки, а с бездумной прогулки. Поглядывая на Виктора с явным одобрением, Лорка еще раз прошелся платком по разгоряченной коже. Великолепный образчик человеческой породы! Умен, дерзок, не в меру насмешлив, но это от молодости, прекрасно сложен — истинно оса! — и по-настоящему красив еще не вполне

созревшей, но яркой мужской красотой: темные вьющиеся волосы, высокий лоб, бархатные умные глаза, четко выписанные строгие черты лица и смуглый румянец на щеках. Хочешь рисуй, хочешь лепи — будет одинаково хорошо.

Виктор поймал взгляд Федора, и снова мимолетная улыбка, какая — разобрать не успеешь, скользнула по его губам.

— Можно с тобой откровенно, Федор? Я ведь не привык к дипломатическим тонкостям.

— Конечно, можно, — разрешил Лорка, продолжая разглядывать собеседника, словно по рассеянности, чтобы тот не обиделся ненароком. Ведь верно, и впрямь привык идти напролом и думает совершенно искренне, что ничего лучше и быть не может.

Среди красивых удачливых парней такой психологический комплекс встречается нередко. Это не всегда осознанное отражение своего обаяния. И виноваты в этом женщины, которые, несмотря на свою рассудочную деловитость и расчетливость, не могут их не баловать и не опекать. Впрочем, виноваты — это слишком крепко сказано. В разумных дозах самоуверенность и прямолинейность для космоса только полезны.

— Я слышал, тебе нужен напарник, — почти утверждающе сказал Виктор, прямо глядя на Лорку своими бархатными глазами.

Федор же взглянул на него лишь мельком и ответил не сразу.

— Мне нужен не только напарник. Я комплектую целый отряд.

— А я для этой роли не гожусь?

Нотка настойчивости в голосе Виктора не исчезала.

Лорка снова мельком взглянул на него и ответил, словно извиняясь:

— Пока я этого не знаю.

Хельг засмеялся. Он сидел, опираясь локтями на колени, и с откровенным интересом разглядывал Лорку.

— Но Ревский обещал специально поговорить о моей кандидатуре.

— А он и говорил, — спокойно ответил Лорка, — только это сразу не делается. Путь от Земли до Кики длинный. Да и на Кике не сразу заварится каша. Напарник, содруг командира, выделится в коллективе сам собой.

Виктор внимательно смотрел на Лорку, который не то не замечал, не то делал вид, что не замечает его взгляда.

— Федор, — вдруг спросил он, — у тебя же был напарник, отличный напарник — Тимур. Почему ты с ним расстался?

Лицо Лорки посуровело, лучше сказать потяжелело; разгладились мелкие морщинки и в то же время резче прописались основные черты.

— Мы не сошлись характерами, — медленно проговорил он.

— Но, кажется, вы были друзьями? — настойчиво допытывался Хельг.

Лорка провел рукой по колену, точно разглаживая некие невидимые складки на защитном трико.

— Были, — подтвердил Лорка и впервые за время этого разговора прямо и очень спокойно взглянул в глаза собеседника, — разве нельзя не сойтись характерами с человеком, который когда-то был твоим другом?

— Почему же нельзя? Можно. — Виктор отвел взгляд, шлепнул себя по ноге и засмеялся. — Как бы то ни было, ты командир экспедиции изначально, а вот твой напарник должен выделиться сам собой. Почему такая разница?

— В любом коллективе должна быть основа для

компоновки, — сказал Лорка почти добродушно, — иначе коллектив просто не состоится, развалится.

— Стало быть, ты основа?

— В некотором роде.

— Значит, ты считаешь себя лучше других? — настойчиво допытывался Хельг.

— Опытнее.

— Ну, это вопрос терминологии.

— Не совсем. Чтобы ты понял это, скажу — за моими плечами незримо, но очень весомо стоят удачи прежних экспедиций, которыми я командовал.

Темные густые брови Виктора сдвинулись к переносью.

— Это верно. — В раздумье согласился он, непринужденно возвращаясь к прежней легкой манере разговора: — А если это удача, именно удача, и ничего больше?

— Раз удача, два удача, — в голосе Лорки зазвучала легкая ирония, — помилуй бог, когда-нибудь надобно и умение.

— Знаю, — Виктор не удержался от нотки снисходительности, — ты любишь цитаты из старинных романов. Но стоит ли за них прятаться?

Лорка усмехнулся:

— Не стоит. Могу сказать тебе, что и командир экспедиции не наследует свой пост навечно, как император. В работе иногда выдвигается другой лидер, он и становится командиром. Такое случалось, хотя нечасто.

Виктор насмешливо поглядывал на Лорку своими бархатными глазами.

— Ты не боишься, что такое случится на Кике?

Лорка непонимающе взглянул на него. Виктор кивнул головой за спину и пояснил:

— Я победил тебя на фехтовальной дорожке. Разве то же самое не может случиться в космосе?

Лорка со сдержанным любопытством разглядывал своего фехтовального противника. Хельг открыто улыбался, но Лорка остался серьезным!

— Разве мы летим на Кику драться?

Тень смущения пробежала по лицу Виктора и пропала.

— Нет, не драться. Но соперничество возможно не только на фехтовальной дорожке.

Лорка кивнул, соглашаясь, и поинтересовался:

— Ты считаешь свое участие в разведке Кики решенным делом?

— А почему бы и нет?

Лорка усмехнулся. Виктор помолчал, ожидая его реплики, но, так как Федор и не думал открывать рта, заговорил сам, постепенно накаляясь:

— Что мне может помешать? Если откажешь ты, я обращусь прямо в Совет космонавтики. Я годен для разведки по всем статьям. Только ты мне можешь помешать. Но как? Расскажешь, как проиграл мне на дорожке?

— Далась тебе эта дорожка, — сказал Лорка спокойно, даже добродушно, — разве это настоящая схватка? Игра, театральное представление.

Виктор, закусивший удила, холодно сказал:

— Если хочешь, мы можем сделать этот бой настоящим. — И, расстегнув «молнию» защитного трико, достал из внутреннего кармашка пурпурный боевой разрядник. Лорка, не торопясь, достал точно такой же.

— И это, конечно, не настоящий бой, но уже ближе к истине. — Он повернул застрекотавшее регулировочное кольцо до упора, пока на основании разрядника не засветилась оранжевая кайма. Потом все так же неторопливо снял со стойки свою шпагу и аккуратно надел на ее пуандару наконечник. Только после этого он перевел взгляд на Хельга, который пристально и несколько недоуменно смотрел на него.

— За чем задержка? — весело спросил Лорка, поднимаясь из кресла.

Виктор встал вслед за ним и вместо ответа спросил:

— Ты хочешь работать на «сотке»?

— Конечно! Бой так бой.

— У тебя же нет никаких шансов, Федор, — задумчиво сказал Виктор.

Лорка засмеялся:

— Вот это меня и вдохновляет!

— У тебя нет никаких шансов, — настойчиво повторил Хельг, — и ты это знаешь. Почему же «сотка»?

— Для остроты блюда, — Лорка мазнул взглядом по собеседнику, — уж не испугался ли ты?

Виктор насмешливо передернул плечами, вывел свой разрядник на «сотку», надел его на пуандару и этаким рыцарски галантным жестом пригласил соперника на боевую дорожку. Она, очень кстати, оказалась свободной; судья-тренер вместо своей основной работы просматривал видеозапись контрольного автомата.

Иван Франкетти, заметив колоритную пару Лорка — Хельг, разом оживился, но чуть позже обратил внимание на ярко-оранжевую кайму на болевых разрядниках, и лицо его вытянулось. Бормоча: «Проклятый рыжий упрямец!» — Франкетти поспешил было к фехтовальной дорожке, чтобы помешать этому нелепому неравному бою на «сотке», который, он в этом ни секунды не сомневался, спровоцировал Лорка — страшный любитель такого рода экспериментов. Но вдруг, приостановившись, он пожал плечами и, с удовольствием мысленно констатируя: «Не тому, так другому это будет очень полезно», заторопился на антресоли посмотреть это увлекательное представление глазами специалиста и по-зрительски поболеть за Лорку, которому он уже давно отдал свое яростное спортивное сердце.

Когда он занял кресло, бой уже начался. Стремясь

разом закончить бой, Виктор без подготовки молниеносно флешировал, Лорка перехватил, но встретить не успел — Виктор легко, без усилия разорвал дистанцию. Теперь соперники лениво, будто нехотя двигались по дорожке: тяжеломерно, но с мягкой кошачьей грацией Лорка и легко, словно танцуя, Виктор. Они были совсем разными: один смуглый и черный, другой рыжий, зеленоглазый; один сухой — ни грамма лишнего веса, другой массивный, отягощенный развитыми мышцами; один озорной, с улыбкой на губах, другой спокойный, даже флегматичный. И в то же время они были странно похожи, похожи уверенной, сдержанной силой, непринужденностью своих таких разных движений, всем своим обликом гомо сапиенсов двадцать третьего века.

— Тигр и пантера, — вполголоса сказали сзади Франкетти.

— И пантера выиграет. Лорка явно тяжеломер, — ответили ему.

Иван, не оборачиваясь, скороговоркой бросил:

— Вес шпажисту не помеха, носили бы ноги.

— Но есть и в классе разница, — возразил тот, первый, говоривший вполголоса.

— Есть, когда этих боев десять, а когда один бой, Лорка не хуже самого...

Кого самого, Иван договорить не успел. Виктор снова провел неотразимую атаку стрелой. Казалось, все кончено, лишь в самое последнее мгновение Лорка каким-то чудом успел взять четвертую защиту. И снова движение по дорожке, похожее на замысловатый танец, составленный из самых разных, казалось бы, не вяжущихся между собой па; стремительные атаки Виктора и несколько тяжеломерная, но уверенная защита Лорки.

Теперь вела бой только эта пара — Хельг и Лорка, остальные шпажисты превратились в зрителей. Тот и другой были хорошо известны, к тому же, мало того, что они работали в болевом варианте, так еще и на

«сотке». А здесь, в спортивной среде, знали, а если и не знали, то отлично представляли, что такое болевой укол полной мощности. Сторонников Виктора и Лорки было примерно поровну. За Лорку болели преимущественно «старики», которые знали его с той поры, когда Виктор еще и не появлялся на дорожке, и которым теперь порядком доставалось от этой восходящей звезды фехтования. Ну а Виктор был признанным кумиром молодежи.

Картина боя между тем прояснилась: Хельг напал, Лорка защищался.

— Правильно, Федор, — бормотал Франкетти, захваченный боем, — умница. Контратака твой единственный шанс. Но надо потоньше, потоньше!

Лорка ясно показывал, что на всякую попытку уколоть он будет делать спасительный «круг шесть». Показал это раз, другой, третий, но не было в его показе непосредственности, и Виктор не шел на эту ловушку. Так долго продолжаться не могло. Виктор вел бой легко, с запасом, а Федор — к сожалению, это было видно очень хорошо — работал на пределе, выкладываясь полностью. Несколько раз от укола его отделяла тончайшая, едва уловимая грань; тогда нешумно, но темпераментно болевший зал дружно ахал. Однажды показалось, что шпага-молния Хельга, встретив вместо груди Лорки пустоту, на излете все-таки коснулась его руки. Во всяком случае, рука эта бессильно упала, а Лорка приостановился, даже не попытавшись достать Виктора, разрывавшего дистанцию. Видимо, Хельг мог в этот миг решить бой в свою пользу, но он промедлил. Может быть, решил, что бой уже закончен, может быть, попросту пожалел Лорку, а может быть, поопасался, что Лорка блефует — удар был скользящим. Виктор все не был уверен, сработал ли болевой разрядник, зато хорошо знал, что если и сработал, то далеко не на все сто процентов. Лицо Лорки не отражало ничего,

кроме угрюмой решимости и усталости, а «сотка» — Виктор знал это наверняка — заставит дернуться человека, будь хоть у него стальные канаты вместо нервов. Как бы то ни было, бой продолжался.

— Молодец все-таки, рыжий черт, — бормотал Франкетти, делая в такт бою произвольные движения рукой, ногой, а то и корпусом, — держится! На пределе, на ниточке, но держится! И хитрит, проклятый!

Несмотря на страшное напряжение и растущее утомление, Лорка и в самом деле нашел в себе силы поиграть. Сквозь основной, в общем-то, прямолинейный рисунок защиты опытный взгляд Ивана разглядел и другой, почти неуловимый, прописанный легчайшими, но четкими штрихами. Лорка теперь показывал, что его спасительный «круг шесть» — блеф, обман, вызов, что на самом деле он ждет перевода в «четвертую защиту». И что все это стало прорисовываться потому, что он, Федор Лорка, устал и у него уже нет сил вести бой с прежним вдохновением. И Виктор решил эффектно закончить бой. Двойной перевод — первый обман, и вот он, Лорка, беззащитен! Но в самый-самый последний миг, почти в столкновении, вложившись в это движение целиком, без остатка, Лорка успел-таки взять свою спасительную «шестую». Укол!

Переломившись пополам от нестерпимой боли, Виктор с глухим стоном упал на колени. Зал дружно ахнул и взорвался хором нестройных выкриков, реплик и споров.

— Молодец! — крикнул Иван, размахивая над головой руками.

— Выиграл. А жаль, — задумчиво проговорили сзади.

— Молодец! — снова крикнул Франкетти и, только теперь осознав услышанную фразу, возмущенно обернулся. — Жаль! Это еще почему?

Но рядом никого уже не было.

Выпрямившись, Лорка устало, всей грудью вздохнул, взял шпагу под мышку, смахнул с головы защитный шлем и помог подняться на ноги Хельгу.

— Пусти. Я сам, — сквозь стиснутые зубы выдавил Виктор, но ноги еще не держали его.

— Не дури, — устало сказал Лорка, закинул руку Виктора себе на плечо и отвел его в кресло. Хельг глубоко дышал, понемногу приходя в себя, взгляд его обретал осмысленное выражение.

— Перехитрил, — выдохнул он, мельком взглядывая на Лорку.

— Перехитрил, — согласился тот, — переиграл. Но еще полминуты, и я бы не выстоял.

— Я чувствовал, что ты почти готов. — Виктор перевел дыхание и закончил с сожалением: — Вот и затопился.

— Это был мой единственный шанс, чтобы ты затопился, — мягко сказал Лорка.

Виктор, уже пришедший в себя, рассеянно улыбнулся. Улыбка получилась напряженной. И это не потому, что у него все еще ныли мышцы и гудели кости после болевого удара. Его тревожило что-то другое, несравненно более глубокое, чем простая физическая боль. Это можно было понять по его пытливому, может быть, даже тревожному взгляду, который то и дело задерживался на Лорке.

— Скажи, Федор, — спросил он вдруг, — а почему все-таки «сотка»?

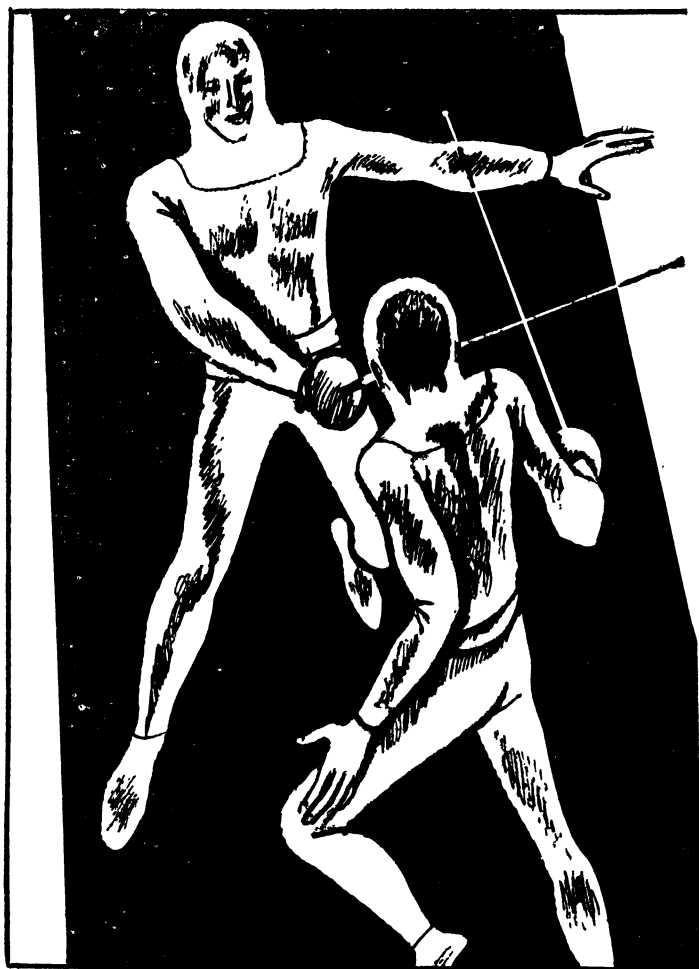
Лорка усмехнулся:

— Маленькая хитрость. В ситуации, когда обстановка накаляется на все сто процентов, я чувствую себя как рыба в воде. Может быть, — он пожал плечами, — отчасти в этом секрет моих удач?

— Ты решил меня запугать?

Лорка досадливо поморщился:

— Я знал, что тебя не запугаешь. Да и не в моих



привычках запугивать. Но ожидание боли сковывает, — он мельком взглянул на Хельга и добавил, — почти всех.

— И меня? — быстро спросил Хельг.

— И тебя. Хотя, в общем-то, держался ты молодцом.

— А тебя?

Лорка промолчал, плутовато улыбнулся, щуря свои зеленые кошачьи глаза.

В продолжение этого разговора взгляд Виктора сохранял непонятную непривычную сосредоточенность. Лорка догадывался, что Виктор хочет спросить его о чем-то, скорее всего об экспедиции в космос, о разведке, но ошибся. Хельг спросил его совсем о другом.

— Скажи, Федор, — медленно проговорил он, — это не из-за Альты? Бой на «сотке»?

— Что?

Лорка удивился так откровенно, что Виктор сразу все понял и закусил губу.

— Она тебе ничего не говорила?

— Нет.

— Я тут ухаживал за ней, когда тебя не было. Мы с ней одногодки. Я знаю ее раньше тебя, еще по школе. Это давало мне право.

— Право на ухаживание есть у каждого, — перебил Лорка, успевший взять себя в руки. Заметив, что Виктор собирается сказать что-то, он быстро попросил: — Давай не будем говорить об этом. Ухаживал так ухаживал. Это твоё дело. Твое и Альты.

Упрямо хмурия брови, Виктор все-таки хотел сказать что-то, но Лорка повторил решительно и даже угрожающе:

— Прошу тебя, не будем.

Виктор заглянул в его зеленые холодные глаза и понял, что говорить действительно не стоит.

— Да, — заключил он после долгой паузы, — теперь ты меня определенно не возьмешь в напарники.

Лорка ответил не сразу. Видно было, что он не вдруг осознал фразу собеседника, хотя его память хранила ее звучание.

— Верно, Виктор, — проговорил он наконец, — не возьму.

Хельг, как это и было в его характере, вспыхнул мгновенно.

— Почему? — спросил он очень воинственно.

— Рано тебе в космос командиром.

— Это мы еще посмотрим — рано или не рано.

— Понимаю, ты можешь обратиться прямо в Совет. Но, — лицо Лорки посуровело, — я сделаю все, чтобы завалить твою кандидатуру. И завалю, будь уверен.

Щеки Виктора стали совсем пунцовыми.

— И ты имеешь на это право?

— Имею, — голос Лорки прозвучал теперь по-дружески, — не сердись, ты еще просто зелен для командира.

— А ты не был зелен, когда пошел первый раз командиром? Ты был моложе меня на три года!

— Верно, — с некоторым удивлением подтвердил Лорка, прикидывая в уме возраст Виктора, — даже на три с половиной.

Он вздохнул, точно сожалея об этом.

— Но, видишь ли, разные овощи хороши в разное время.

— Какие овощи?

— Разные, — с ноткой таинственности пояснил Лорка, — огурчик хорош совсем зелененький, дыня бесподобна в стадии полной зрелости, а помидоры я обожаю, когда они уже красные, но еще с прозеленью.

Виктор, накал которого постепенно спадал, не выдержал и засмеялся:

— Стало быть, ты огурчик?

— Был.

— А я дыня?

— Скорее всего помидор.

Хельг потянулся, разминая затекшие мышцы, и, с сомнением глядя на Лорку, протянул:

— Не очень-то меня убеждает эта кулинарная классификация.

— Можно и без кулинарии. — Лорка помолчал и вдруг, не глядя на Виктора, спросил: — Зачем ты собираешься в космос?

Хельг, явно не ожидавший такого вопроса, с детской непосредственностью спросил:

— А ты? Зачем ты летаешь в космос?

Лорка усмехнулся:

— Это у меня в крови — страсть к странствиям и приключениям — от моих дальних и ближних предков: пиратов, мореходов и капитанов космических кораблей.

Хельг упрямо сдвинул темные брови:

— Среди моих предков я не знаю ни пиратов, ни капитанов космических кораблей. Но страсть, о которой ты говоришь, есть и в моей крови.

— Пожалуй, есть. Но что ее подогревает?

— Разве это так уж важно? Она может гореть и сама по себе.

— Может, — охотно согласился Лорка. — Во всяком случае, со мной так и было. Был я дурак дураком. Отправился в космос только потому, что надо было перебеситься.

— Почему же мне нельзя перебеситься?

— Потому что ты уже перебесился, — спокойно ответил Лорка.

Хельг взглянул на него удивленно и несколько растерянно.

— Да, да, — уверенно подтвердил Лорка, — ты собираешься в космос не просто так, не от одного избытка сил. Ты хочешь славы и бессмертия своего имени в грядущем.

Виктор молча смотрел на Лорку.

— Разве это не правда?

— А если правда, — Виктор проговорил это с видимым трудом, — разве это плохо — слава и бессмертие?

— Если за этим не стоит ничего другого — плохо.

— А что должно стоять? — быстро спросил Хельг.

— Добро, — просто ответил Лорка. — И не только абстрактное добро для человечества в целом. Добро для тех, кто рядом с тобой, кто слабее тебя душой и телом. В космосе иногда только от воли командира зависит — пойдут другие на смерть или нет. И если добро не стоит за его спиной, он может натворить страшные дела. Вот и скажи честно: готов ты быть командиром?

Хельг на секунду поднял глаза на Лорку и угрюмо ответил:

— Не знаю.

— Вот видишь. Командиром быть тебе рано. А вторые роли ты играть не захочешь, да и не сможешь.

— Можно попробовать.

— Попробуй это на Земле, — мягко посоветовал Лорка, поднимаясь на ноги.

Виктор придержал его за руку и настойчиво, страстно заговорил:

— А ты? Ты служишь только добру? Оберегаешь слабых и презираешь личную славу?

— Во всяком случае, я стараюсь так делать. — Он наклонился, взял свою шпагу на руку, придержи-

вая за гaрдy. — И потом тут есть одна тайна. Я могу открыть ее тебе, если это останется между нами.

— Ну? — жадно спросил Хельг.

— Впрочем, если и не останется, тебе все равно никто не поверит, — Лорка улыбнулся, — мне не так уж и хочется идти в космос — я ведь уже перебесился. Но надо. Понимаешь? Надо!

ГЛАВА 6

Игорь Дюк встретил Лорку шумно, со свойственной ему чуть нарочитой непринужденностью, к которой Лорка, впрочем, быстро привыкал и переставал ее замечать. Игорь ничуть не изменился, как и прежде, был строен, гибок, изящен и похож на д'Артаньяна, каким этот славный мушкетер рисовался в воображении Лорки. Но в его умных ироничных глазах Лорка разглядел легкую грустинку, которой не замечалось раньше. Игорь был чутким человеком и, видимо, догадался, что Лорка обнаружил в нем некие перемены, потому что спросил чуть насмешливо:

— Ну, каков я в новом амплуа — свободного от супружеских обязанностей мужчины?

Лорка легонько тронул его за плечо:

— Хорош! Таким и полагается быть преуспевающему служителю науки.

Лорка хорошо знал, что в свободное время Игорь Дюк увлекался математикой и философией, отличаясь этим от большинства космонавтов-гиперсветовиков, предпочитавших хобби гуманитарного уклона. К тому же он успел заметить и портативный компьютер, и большой шкаф с микрофильмами, и электронную пишущую машинку — эти неперменные атрибуты об-

становки в квартире человека, занятого научной работой.

— Преуспевающему или нет — сказать пока трудно, но работаю я усердно. А главное — с увлечением!

Когда Лорка убрал с плеча Игоря руку, Дюк неожиданно молниеносным движением перехватил ее и попытался заломить Лорке за спину. Точным рывком, скорее машинально, чем сознательно, Федор высвободился.

— Не балуясь.

— Ах ты, рыжий черт! — с откровенной досадой сказал Игорь.

— Ангел, уважаемый Дюк, ангел. Рыжий ангел — скромно и оригинально, — поправил его Лорка и посоветовал: — Вес у тебя маловат, милый.

— Маловат, — вздохнул Игорь, завистливо оглядывая могучий торс Федора, и добавил с досадой: — Ты бы хоть расслабился, что ли. Из уважения к хозяину.

— А ты предупреждай заранее.

Усаживая Лорку на диван и устраиваясь напротив него в кресле, Дюк ворчал:

— А все толкуем о равенстве. Я вот два месяца не выходил из спортивного зала, заработал кучу похвал за превосходную координацию движений и ловкость. Умудрился положить чемпиона нашего города. И вдруг является неотесанный дикарь из космических дебрей, который и понятия не имеет о тонкостях самбо, и страшивает меня как надоедливую муху.

— Каждому свое, — машинально ответил Лорка.

— Это верно, — охотно поддержал Игорь. — Пить есть будешь?

Лорка замотал головой:

— Не время.

— Как знаешь. А насчет того, что каждому свое, согласен, думал об этом. Если хочешь, Федор, это главная проблема нашего времени — раскусить, что тебе да-

но. Понимаешь, раньше человек хватался за что угодно — лишь бы утолить голод, отхватить кусок удовольствий, разбогатеть, добиться власти и славы. Что осталось сейчас от этих стимулов? — Игорь иронично усмехнулся. — Разве что слава?

— Это ради славы ты шелестишь на машинке?

— А что? Если эта капризная особа обратит на меня свой благосклонный взор...

— А если не обратит?

— Ну и черт с ней! Перетерплю как-нибудь.

Они уже несколько раз обменивались пытливыми взглядами. Чуткий Дюк догадался, что Лорка зашел к нему неспроста и ждал, а Федор все медлил, не решаясь начать.

— Наверное, уже виделся с Эллой? — довольно равнодушно спросил Игорь.

— Пока еще нет.

— Ты знаешь, — открыто глядя на Лорку, Игорь с некоторым недоумением пожал плечами, — я ведь доволен тем, что мы расстались с Эллой. Хотя это ее инициатива, а не моя.

— Доволен? — не поверил Лорка.

— Не пойми меня ложно. Конечно, это меня огорчило — к тому же отчислили из состава экспедиции. Но прошло время, и я понял, что разрыв был не только неизбежен, но и нужен.

— Почему?

Дюк внимательно взглянул на него.

— Экий ты сегодня настырный, все-то тебе нужно знать. Любовь бывает двух сортов, Федор. Одна помогает жить и трудиться, другая — мешает. Хотя и та и другая любовь — настоящая, искренняя. — Он помолчал, пожал плечами. — У нас с Эллой была типично та самая любовь, которая мешает. Ты можешь не поверить, но всего за два месяца я сделал, — Дюк кивнул в сторону пишущей машинки, — раза в три больше, чем

за предшествующие десять лет, проведенные рядом с Эллой. До работы ли, когда рядом такая женщина? То райское блаженство, то нестерпимый ад, то нежность, то озлобление, то ссора, то примирение, да такое, что весь мир готов бросить к ее ногам.

У Лорки постепенно складывалось мнение, что Игорь говорил не столько для собеседника, сколько для самого себя.

— В космосе я был многогранным человеком с широким кругозором, на Земле Элла заслоняла собой добрые полмира. Меня это не тяготило, мне это было любо, но не хватало времени оглянуться назад, подумать и выбрать дальнейший путь.

Лорка сдержал улыбку. Игорь Дюк играл, играл без нажима, почти незаметно, но играл. Небрежная поза, изящные, чуть расслабленные движения, легкая грусть во взоре, ироническая усмешка на губах — прямо-таки сноб, явившийся сюда из далекого прошлого. Игорь всегда принимался играть какую-нибудь роль, когда начинал откровенничать. Игра служила ему своеобразным щитом против психологических царапин.

— А теперь я осмотрелся, — продолжал Игорь. — Черт побери! Как слабо мы продвинулись вперед в овладении личным счастьем, хотя ради человечества в целом перевернули вверх дном кучу чужих миров.

— А может быть, это хорошо, что не для себя, а для человечества? — поддразнил Лорка.

— Я допускаю — лозунг «Общество прежде всего» был правомерен, когда боролись с эксплуатацией, голодом, расизмом. Но теперь, когда построен коммунизм? Не пора ли всерьез, на самом высшем научном уровне заняться каждым отдельным человеком?

Он покосился на Лорку.

— Мне иногда кажется, Федор, что счастливым сейчас стать труднее, чем в каменном веке. Как тогда все было просто! Огонь в очаге, много жирного прожарен-

ного мяса, безопасная пещера и женщина на звериных шкурах, жаждущая твоей ласки. Вот и счастье! А теперь? — Игорь скептически поморщился и махнул рукой.

— Кто спорит с тем, что счастливым сейчас стать труднее, чем в каменном веке, — тихо заметил Лорка.

— Тогда зачем все это? — сурово спросил Дюк, кивая головой на окно, за которым редкими иглами вздымались в небо многокилометровые здания.

И Лорка посмотрел в широкое окно:

— Счастье стало недоступнее — это правда, но оно и выше. Как эти дома выше средневековых хижин.

— Выше еще не значит лучше, — буркнул Игорь.

Лорка, приглядываясь к нему, засмеялся:

— Тебя бы на недельку в каменоломни, в Древний Рим или Египет.

— Ну а если без каменоломен и без рабов?

— Можно и без каменоломни. Коммунизм дает нам социальное и экономическое равенство, а вовсе не личное счастье. Любимая работа, хороший отдых, истинная свобода — разве это не полноценный фундамент для счастья?

— То-то и оно, что фундамент.

— А ты думал, счастье принесут тебе на блюдечке? Кому оно нужно — такое, дареное? Настоящее счастье надо выстрадать, милый Дюк.

Игорь вдруг засмеялся:

— Вот уж куда-куда, а в страдальцы я не гожусь. — И с неожиданной пронительностью добавил: — Ну его к черту, это личное счастье. Скажи мне, рыжий ангел, почему ты смотришь на меня так испытующе? И о чем хочешь спросить, да никак не решаешься?

— Все боюсь потревожить твой душевный покой.

— А ты не бойся.

Лорка внимательно взглянул на него и деловито спросил:

— Перед тем как произошел окончательный разрыв с Эллой, — Федор сделал неопределенный жест рукой в воздухе, — с вами ничего необычного не происходило?

Дюк, присматриваясь к Лорке, усмехнулся:

— Не видели ли мы вещих снов и небесных знамений? Не сходила ли на нас божья благодать или, наоборот, не являлся ли к нам Вельзевул с предложением пожертвовать наши грешные души в фонд безработных, голодающих бесов?

Лорка, любовно смотревший на Игоря, мягко попросил:

— Не дури. Необычное запоминается само собой.

— Да нет, ничего необычного. — Игорь пожал плечами. — Разве что были накануне в гостях у Теодорыча и пробовали его самодельное вино.

— И как, понравилось? — с любопытством спросил Лорка.

— Так себе. А вот Элке понравилось, она ведь страшная любительница всякой экзотики.

«Это верно, так себе», — проговорил про себя Лорка и поднял глаза на товарища:

— Ты меня прости, но еще один вопрос на ту же тему. Как у вас все-таки произошел с Эллой разрыв? Ведь обычно бывают не только причины, но и поводы.

Игорь с некоторым удивлением взглянул на Лорку, Федору вовсе не было свойственно копаться в интимной жизни своих друзей и товарищей. Да и вообще такое не было приятно!

— Появился у нее близкий друг, — неохотно сказал он вслух. — Уж есть у них любовь или нет — не знаю, но влияние он на нее имеет большое.

— Любопытно, — пробормотал Лорка.

Игорь Дюк смотрел на него с недоумением.

— Федор, — сказал он просительно, — ну зачем тебе копаться во всем этом?

Лорка мельком взглянул на него:

— Тим погиб, Игорь.

— Что? — шепотом спросил Дюк.

Лорка не удостоил его ответом, так и остался сидеть с опущенной головой.

— Тим? — Дюк неловко поднялся из кресла, оно упало. — Я думал, такие не погибают.

— Погибают.

Игорь поколебался, потом поднял кресло и пнул его ногой.

— Почему не сказал сразу? — спросил он, свирепея.

— Есть причина. — Лорка кивнул на кресло. — Садись. Да садись же и выслушай меня.

Лорка рассказывал не очень связно, а поэтому долго. Искреннее огорчение Дюка заставило его еще раз заново почувствовать всю нелепость и неотвратимость гибели друга. Рассказывая, он понемногу успокаивался и приходил в себя. Дюк, ошарашенный неожиданным известием и поглощенный собой, сначала слушал Лорку вполуха, но потом, как-то вдруг, он уловил странную и страшноватую логику цепочки несчастий и неудач, преследовавших руководителей Кикианской экспедиции.

— Погоди, погоди, — перебил он Лорку, хмурия брови, — ты подозреваешь, что Тима попросту убили?

— Нет, — сказал Лорка, — я не думаю столь прямолинейно. Возможно, его хотели просто вывести из строя, как вывели тебя, Барму, Сомова, и переборщили.

— Кому и на кой черт это могло понадобиться?

Лорка помолчал и теперь уже неторопливо и очень четко рассказал о всех соображениях Соколова. О его консультации с ГКЗ и о том, что компьютер допустил возможность существования тайной организации, противопоставляющей свои интересы интересам человечества в целом. О подростковой автономии и о том, какую странную, жестокую роль могли сыграть эти подростки в период подготовки Кикианской экспедиции. Рассказывая, Лорка с неприятным чувством отметил, что импуль-

сивный Дюк как-то уж очень легко забыл о гибели товарища и слушал Федора со все более возрастающим интересом. Он даже поднялся из кресла и принялся прохаживаться по кабинету.

— Соколов почти убедил меня, что все дело в Викторе Хельге и что ребята, решив восстановить справедливость, наделали непоправимых глупостей. Но оказалось, что все это ерунда и бред собачий.

— Так уж и бред? — несколько рассеянно спросил Игорь, думавший о чем-то своем.

— Бред, — со вздохом, но очень уверенно ответил Лорка. — Конечно, Виктор болен славой, но он чист и честен, он не способен на подлость и фальшь, ручаюсь головой.

— А если Виктор ничего и не подозревает о кознях своих обожателей?

Лорка усмехнулся:

— Маловероятно. Виктор общается со школьниками чуть ли не каждый день, человек он умный и чуткий. Он просто обязан был догадаться о фокусах ребят. Но я проверил и такую возможность — поговорил с юнцами, не в лоб, конечно, а обиняком. Там все чисто, можешь быть уверен. Я ведь тоже в некотором роде ребячий фаворит, мне они врать не станут. Так что, — Федор развел руками, — концепция о тайной организации лопнула с треском.

Игорь Дюк остановился прямо перед Лоркой и, глядя на него, спросил со скрытым вызовом:

— А если с треском да не лопнула, а родилась?

Сразу подобравшись, Лорка остро взглянул на товарища.

— У тебя есть какая-то идея?

— У меня есть десятки и сотни идей, — Игорь снова слегка играл, и в его тоне звучала снисходительность, — но я тебе подарю лишь одну из них, самую красивую и вдохновляющую.

Он подтащил ногой стул и сел напротив Лорки:

— А что, если мы имеем дело со скрытым сопротивлением некой неземной цивилизации?

Лорка, с острым интересом ждавший «красивой и вдохновляющей» идеи товарища, не мог скрыть своего разочарования. Чуткий Игорь, конечно же, сразу заметил это и рассердился:

— Ты что же, не допускаешь возможности контактов с инопланетянами?

— Почему же? У нас бывали встречи.

— Я имею в виду не дальний космос и не чужие планеты, консерватор! Я говорю о контактах прямо здесь, на Земле.

— Что-то вроде визита на чашку чая? Или явления Христа народу? — флегматично уточнил Лорка. — Думаю, что всемирное бюро информации уведомило бы нас о таком эпохальном событии.

— Нет, мой милый. Я имею в виду контакты односторонние: в виде скрытого сбора информации о землянах или активного, но тайного вмешательства в наши земные дела.

— В принципе возможно и такое. — Лорка не скрывал своего скептицизма. — Но уж очень все это легковесно, как в детском приключенческом фильме. Агенты инопланетной цивилизации на Земле! Под каким соусом и в каком облике, Игорек? Любая подделка под человека, будь то чистый робот, биомех или что-нибудь иное, саморазоблачит себя за несколько часов контакта.

— Это второй вопрос, — нетерпеливо перебил Дюк.

— Допустим. Итак, тайные агенты на Земле, а мы об этом не подозреваем. И чем же они занимаются? Я бы поверил в их существование, если бы они скопировали записи центрального информатория, взяли на абордаж и угнали бы наш лучший галактический корабль или поставили несколько хитрых экспериментов, чтобы определить характер и цели нашей цивилизации. А ино-

планетяне, видите ли, не нашли ничего лучшего, как потихоньку, но целеустремленно изводить одного кандидата в командиры Кикианской экспедиции за другим. Зачем?

— Очень просто — они хотят сорвать нашу экспедицию на Кикку! Может быть, не сорвать, а просто задержать; кто знает, вдруг у них на Кике собственные интересы? А может быть, они хотят, чтобы экспедицией командовал чем-то удобный для них человек, к которому они успели подобрать некие ключики.

Пожалуй, впервые за время разговора об инопланетянах на лице Лорки вместо скепсиса и иронии появилось выражение серьезного раздумья. Дюк немедленно заметил это:

— Хочешь, я объясню, почему тебя так шокирует идея об инопланетном вмешательстве в земные дела? Все дело в боге.

— В боге? В каком боге? — удивился Лорка.

— В самом обыкновенном. В том самом бородатом старике, который, сидя на облаках, за шесть дней сотворил целый мир, а потом время от времени считал нужным совать нос в земные дела, хотя его никто не просил об этом.

— Положим, — возразил Лорка, помимо воли увлекаясь этой интеллектуальной игрой, — до сотворения мира и облаков не было.

— Это детали, — отмахнулся Дюк. — Ты лучше вспомни, сколько тысячелетий человечество было задавлено богами. Богам строили храмы и приносили жертвы, во имя богов отказывались от радостей жизни и сдерживали жажду познания. В конце концов бога сбросили с его облачного трона, но упрямый старикашка сдался не сразу. Он еще долго, как таракан, прятался по темным щелям познания и исподтишка пакостил человечеству, появляясь в науке в самых непостижимых и несхожих обликах. Наконец полностью восторжествовал материализм, со старикашкой вовсе перестали счи-

таться. Но осталось наследие прошлого! Подсознательная память о былом рабстве духа, инстинктивный страх перед новым порабощением, что-то вроде клаустрофобии, или боязни темноты. И как только заходит речь о возможности вмешательства инопланетян в земные дела или о космическом разуме, мы немедленно встаем на дыбы! Не новые ли это происки хитрого бородатого старикашки?

— Да, — рассеянно сказал Лорка, думая о своем, — в космическом разуме есть что-то от бога.

— И ты туда же, несчастный антропоцентрист! — с досадой сказал Дюк. — Вдумайся, вселенная не имеет ни начала, ни конца, она существует вечно! Миллиард веков, миллиард раз возведенный в миллиардную степень, — ничтожный миг по сравнению с ней. Ты ощущаешь это?

— Да, — с легкой улыбкой ответил Лорка, — у вечности довольно острый аромат.

Но увлеченный Дюк уже не обращал внимания на шутки.

— Теперь подумай, как мы бесцеремонно обращаемся с этим колоссом. В бесконечной веренице времени мы выбираем крохотную точку: те самые двадцать-тридцать миллиардов лет, в течение которых существует галактика, звезды, планеты, и именно этому мгновению приписываем право на разум. Вот ведь какое нахальство и самонадеянность! А жалкий отрезок нашей звездногалактической эпохи ничем не лучше и не хуже любого другого, до сегодняшнего восхода солнца таких отрезков пролетело бесчисленное множество. Почему мы им отказываем в праве на разум?

— Мы не отказываем, — возразил Лорка.

— Ах, не отказываем, — сейчас же уцепился за эту фразу Дюк. — Но, кроме того, мы должны отдавать себе отчет, что по мере своего развития сообщество разумных постепенно приобретает все большую власть над приро-

дой и наконец перестает зависеть от нее совершенно. Такое сообщество приобретает право на неограниченное существование. Разве человечество не живой пример этому?

— Допустим.

— Ловлю тебя на слове. Сколько же таких могучих цивилизаций возникло в ходе вечного существования вселенной? И разве они не должны рано или поздно найти друг друга и объединиться?

Лорка и не думал возражать, он просто спросил с оттенком грусти:

— Почему же мы так одиноки среди звездных дорог?

— Может быть, мы просто не доросли до этого суперсообщества разумных. Не принимают же подростков в общество космонавтов или в члены Академии наук. А может быть, — по губам Дюка скользнула легкая усмешка, — наша галактика — своеобразный заповедник, за которым пристально наблюдают мириады мудрых глаз. Мы же создали на Земле такие заповедники для диких зверей и стараемся как можно меньше вмешиваться в их внутренние дела.

Игорь Дюк тихонько засмеялся, поглядывая на задумчивое лицо товарища.

— Я убежден, Федор — разум вечен, как и сама материя. И наверное, все, что мы видим вокруг себя и близко и далеко, так или иначе связано с ним. А если космическое сообщество разумных существует, оно просто обязано присматривать за человечеством если не явно, то тайно. Ведь мы мужаем, набираемся сил, все дальше и дальше проникаем в космос. И чем активнее мы становимся, тем жестче должен быть контроль за нами. Резвящийся львенок — это львенок, способный лишь на озорство: царапины на руке хозяина, разбитая ваза, разорванная подушка. Если же расшалится молодой, но уже полный сил лев, можно ждать настоящей беды.

— А факты? Есть у тебя конкретные факты этих тайных или явных контактов с инопланетянами здесь, на Земле?

Игорь снисходительно пояснил:

— Я философ, а не статистик. Я занимаюсь проблемами вселенского масштаба. Что мне маленькая старушка Земля?

— Маленькая старушка Земля, — с оттенком горечи повторил Лорка и суховатым добавил: — Тим погиб именно здесь, на Земле, Игорь.

Секунду помолчав, Дюк грустно и удивленно согласился:

— Да, гиперсветовик Тим Корсаков погиб на Земле. — Он вздохнул и виновато пробормотал: — Слаб человек. Тима нет в живых, а я уже забыл об этом. Но что тут поделаешь?

Он несколько театрально склонил свою красивую интеллигентную голову и, постепенно оживляясь, заговорил снова:

— Ты говоришь — факты. А ведь нет ничего глупее факта. Глупо как факт! Не помню, кто первым сказал это, кажется, Лаплас. Чтобы разглядеть в облачке факта его суть, нужно не только зрение, но и знание. Люди ежедневно видят восход солнца, но прошли долгие тысячелетия, прежде чем они поняли, что это следствие вращения Земли. Так и контакты с инопланетянами — надо острее, глубже глядеть вокруг себя.

Игорь вдруг оборвал свою мысль, присматриваясь к изменившемуся, похолодевшему лицу Лорки.

— Что с тобой, Федор? — участливо спросил он.

— Ничего, — не сразу, но очень спокойно ответил Лорка. Но это была неправда. Слушая Игоря, Лорка вдруг вспомнил свой глупый прыжок в овраг, заполненный туманом. И сломанное дерево-рогатину, направленное острием вверх.

Лорка пошел в павильон не только потому, что ему захотелось пить, — просто ему нужно было где-то собраться с мыслями и подумать.

Войдя в обширный полуоткрытый и полный света вестибюль, Лорка отметил любопытную новинку: внутренняя лицевая стена его, обычно занятая картинами, рельефами, скульптурами, вазами и другими предметами чистого и декоративного искусства, изготовленными городскими умельцами, сейчас была превращена в стереоэкспозицию. Это было яркое светозвуковое окно в северный осенний мир, окружавший город: еще зеленые, но уже с прожелтью холмы, серые облака с ярчайшими голубыми пятнами небесных прогалин, сколки деревьев: скромной желтой березы, горящей рябины и хмурых темно-зеленых елей. На переднем плане экспозиции ручей, кустарник, над которым порхали и звенели птицы, кажется, трясогузки или зимородки, Лорка не был силен в орнитологии.

Федор одобрил новинку, одобрил и некоторую искусственность, избыточную красочность пейзажа по сравнению с тем, что было за чертой городского купола. Лорке захотелось узнать фамилии авторов экспозиции, он подошел ближе и невольно поразился реальности этого мира, созданного воображением человека и его умелыми руками. Ручей был рядом — вот он, хотелось сделать еще шага два вперед, нагнуться и опустить руку в студеной прозрачной воде. С березы, кружась и покачиваясь, неторопливо падал лист. Вдоль ручья пробежала трясогузка, остановилась и покачала хвостиком, кося на Лорку любопытными глазами-бусинками.

А вот фамилий авторов экспозиции, как это нередко случалось, нигде не значилось — они пожелали остаться неизвестными. Только в самом углу экспозиции на вы-

соте груди Лорка обнаружил как бы парящий в воздухе авторский знак — вензель из нескольких затейливо переплетенных букв. Кто знает, пожелает ли когда-нибудь раскрыть свое инкогнито коллектив художников и инженеров?

Во всем остальном павильон сохранил свою типичность: слева — пища земная, справа — духовная. Посредине павильона — скромный, стеклянно звенящий фонтан, вокруг него неширокая полоса шелковистой травы и луговых цветов. В правом холле почти все посетители были в больших темных очках, они сидели в креслах, на диванах, за маленькими столиками, рассчитанными на одного человека, в самых разных позах, которые только может принять человеческое тело в состоянии физического покоя, интеллектуальной сосредоточенности и эмоциональности. Некоторые рассеянно прихлебывали или тянули через соломинку напитки.

Лорка вспомнил хроникальный фильм-очерк о прошлом, который он видел несколько дней назад, и усмехнулся. В этом фильме добрая половина людей была в больших темных очках. Как пояснил, вызвав общее оживление консультант, эти очки прошлого вовсе не были кинозвукорежиссерами, в стекла-кассеты которых вставлялись материалы хроники, произведения литературы, искусства и научные материалы, — все то, что заменило объемистые книги прошлого. Оказывается, тогда очки носили либо те, кто страдал недостатками зрения — медицина еще не додумалась, что их можно исправлять, либо те, кто попросту не хотел щуриться от яркого света, дабы не испортить морщинами гладкое, будто заглянцованное лицо. Эти невыразительные лица тогда почитались эталоном красоты. Будто и не было великих творений Леонардо, Рембрандта, Родена!

Левый холл был еще просторнее. Вдоль стен тянулись витрины — консерваторы-раздаточные, а само помещение было занято столиками и столами, рассчитанными

на одного, двух и больше человек. Блюды и напитков, выставленных в витринах, было предостаточно, чтобы удовлетворить и капризного гурмана прошлого. Но почти все они, если говорить о мясе, рыбе, дичи и деликатесах, были синтетами или композитами. Только две большие витрины были заняты натуральными блюдами, но людей возле этих витрин было совсем немного: существовал негласный этический закон, по которому этими блюдами пользовались лишь по предписанию врача и в особых случаях. Например, если у тебя день рождения, годовщина первого выхода в космос или если уж очень захотелось вцепиться зубами в сочный, еще дымящийся, в меру прожаренный бифштекс. Была и еще одна особая витрина, маленькая — «Натуральные деликатесы». В различных павильонах эти деликатесы были разными; в этом — черная осетровая икра. Мимо этой витрины проходило много народа, но брали редко, больше просто любопытствовали — недаром здесь было много детей с родителями. Эта сдержанность потребления объяснялась и этикой, и тем простым фактом, что рядом, в соседней витрине, было сколько угодно точно такой же синтез-икры, отличить которую от натуральной было совершенно невозможно. Прошел мимо деликатесной витрины и Лорка, он как гиперсветовик имел моральное право брать все, что вздумается, но никогда этим правом не пользовался. На секунду он все-таки задержался. Как же, икра! А что икра? Слизь, черненькие шарики, а внутри этих шариков варварски убитые, насмерть замученные в крепком рассоле существа-зародыши, из которых могли бы получиться великолепнейшие рыбешки — осетры!

С бутылкой ледяной минеральной воды Лорка шел к свободному столику, когда почувствовал прикосновение к своей руке.

— Федор!

Лорка обернулся и увидел Соколова. Перед ним

стоял высоченный, ополовиненный бокал томатного сока и тарелка малюсеньких бутербродов с самой разной снедью.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. — Лорка присел рядом.

— На ловца и зверь бежит, — не совсем внятно проговорил Соколов, рот у него был набит, отпил солидный глоток сока и уже членораздельнее пояснил: — Мне как раз надо видеть вас. Есть новости.

Лорка откупорил бутылку и сразу же, чтобы не терять газа, наполнил стакан. Отпил несколько глотков острого морозного напитка и, глядя на веселые пузырьки газа, рвущиеся вверх, сказал:

— У меня тоже есть.

— М-м? Отлично!

У Соколова был благодушный вид, лицо и вовсе порозовело, на лбу выступили бисеринки пота. Больше, чем когда-нибудь, он был сейчас похож на очарованного процессом еды поросеночка. Челюсти у него работали неторопливо, но методично и очень эффективно — бутербродики волшебным образом исчезали с тарелки один за другим. Лорка не успел прикончить бутылку, как с едой было покончено.

Соколов вытер салфеткой губы, потом платком лицо и улыбочиво взглянул на Лорку своими голубыми глазами.

— Кто же первый выложит новости? — благодушно полюбопытствовал он.

Эта улыбочивость и благодушие были Лорке не совсем понятны. Соколов знал, что его гипотеза о подростковом вмешательстве в дела взрослых рухнула окончательно и безвозвратно. Они долго обсуждали это по видеофону, Соколов выглядел тогда раздосадованным и огорченным — как и любой одержимый, он был очень откровенен и непосредствен в своих эмоциях. И вдруг такая метаморфоза настроения!

— Могу начать, — вслух сказал Лорка.

— Слушаю.

Слушал Соколов внимательно, он вообще был превосходным слушателем — наверное, без этого качества просто невозможно быть профессиональным экспертом-социологом. Сначала на его лице был написан живой интерес, его сменило недоумение, а потом и растерянность.

Вдруг полные, бантиком губы Соколова дрогнули раз, другой, и он захохотал. Захохотал беззвучно, но от всей души, содрагаясь всем своим плотным литым телом, вытирая платком слезы, выступившие в уголках глаз. Лорка хотел было рассердиться, но, вспомнив свою собственную реакцию на предположение Игоря Дюка об иноземном вмешательстве, только усмехнулся.

— Простите, — с трудом выговорил Соколов, постепенно успокаиваясь. — Уж очень это неожиданно и забавно.

— Что вас забавляет? — сухо спросил Лорка.

Соколов заглянул в его похолодевшие глаза и пожегся.

— Простите, — теперь уже покаянно повторил он. — Не считайте меня бессердечным. Но я эксперт и порой увлекаюсь делом больше, чем нужно.

«Да, ты профессионал», — с горечью и уважением подумал Лорка, постепенно оттаивая. Видимо, Соколов заметил это. Он помолчал, постукивая короткими сильными пальцами по столу, и уже рассудительно и деловито продолжал:

— Знаете, уж очень мудрена ваша инопланетная версия. Тайные галактические агенты на Земле, а мы не догадываемся об этом! Кто они — невидимки, бесплотные духи? И решают они, вы уж простите, слишком малокалиберные задачи.

Лорка не сдержал улыбки — Соколов говорил ему почти то же самое, что в свое время сам Лорка говорил

Игорю Дюку. Соколов же, подавшись вперед, осторожно спросил:

— А что, если во всей этой кикианской истории нет ни мудреной тайны, ни замысловатости, ни происков инопланетной цивилизации, а одна только пошлость и мещанство?

— Не совсем понимаю.

Некоторое время Соколов молча смотрел на Лорку, поджав губки и хитровато щуря голубые глазки. И вдруг сказал:

— Совет рекомендовал вам нового напарника вместо Тимура. Знаете об этом?

— Не знаю, — медленно ответил Лорка. Ему не хотелось показывать, как больно резанул его этот простой вопрос, как бы ставивший точку над гибелью друга. — Кто он?

— Виктор Хельг.

— Рекомендация мягкая: вы сами должны решить — годится он в помощники и содруги командира экспедиции или нет. Но рекомендация есть рекомендация.

Все-таки Виктор, — в глубоком раздумье повторил Лорка и поднял глаза на эксперта. — Наверное, вы решили воскресить подростковый вариант?

Словно защищаясь, Соколов выставил перед собой маленькие сильные ладошки.

— О нет! Ту версию мы похоронили окончательно. Но когда кандидатура Хельга упрямо и уже явно всплыла снова, мне пришла в голову интересная мысль, — маленькие глазки Соколова обрели мечтательное выражение. — Такие таинственные и вместе с тем перспективные, многообещающие планеты, как Кика, открываются раз в столетие, не чаще.

— Ну и что?

Соколов снисходительно улыбнулся:

— А то, что командиру Кикианской экспедиции да и его помощнику в случае удачи уготована вечная сла-

ва — бессмертие в человеческой истории. Как Христофору Колумбу, Юрию Гагарину, Ростиславу Лодыгину или Ивану Лобову.

— Что из того? — Лорка был само терпение.

Соколов вздохнул. Он посмотрел на космонавта со странным, непривычным для себя выражением — почти любовно и вместе с тем с сожалением.

— Добры вы слишком, Федор, а потому, вы уж простите меня, в чем-то наивны. Будете постарше, почерствеете.

Лорка усмехнулся, а Соколов продолжал:

— Вы же сами говорили, что Виктор Хельг болен славой. А ведь в этой болезни есть что-то древнее, мещанское. Если настоящий человек ждет славу спокойно, как естественную благодарность других людей, то мещанин этой славы жаждет, активно ее домогается, а уж заслужил он это право или нет — дело десятое. И вдруг такая возможность — Кика! Для мещанина упустить такую возможность — значит стать несчастным, казнить-ся и скрипеть зубами от досады всю остальную жизнь. Он постарается сделать все возможное и невозможное, чтобы ухватить капризную фортуна за хвост.

Соколов умолк, ожидая реплики, но и Лорка молчал. Странно, он думал сейчас не о своем друге Тимуре, не о Викторе Хельге и даже не об экспедиции на Кику. Он думал о том, что прожил длинную — ему ведь уже сорок, — интересную, богатую приключениями жизнь, а ни разу всерьез не задумался о вечной проблеме мещанства. Конечно, классический махровый мещанин в эпоху коммунизма редчайшее исключение. Но разве иногда и при определенных условиях мещанство не бросает свои блеклые тени на мысли, чаяния и поступки даже очень хороших людей? Мещанство именно тень, которая тайно сопутствует всему истинно великому и забывает о том, что оно тень, и ничего больше. Самолюбие и себялюбие, скромность и трусость, мужество и показ-

ное геройство, любовь и интрижка, гордость и высокомерие — несть числа этим таким разным внутренне и так иной раз похожим внешне понятиям. Да, рядом с истинными идеалами человека и человечности неизменно следуют их мишурные, яркие, но трухлявые и мерзостные двойники. Подобно тому, как с благородным шампиньоном соседствует лжешампиньон — смертельно ядовитая бледная поганка. Удивительно живуча эта ядовитая мишура, даже в коммунизм исхитрились тайно прорасти отдельные корешки мещанства.

— Что же вы мне ответите?

Лорка не сразу оторвался от своих мыслей.

— Я могу только повториться. Да, Виктор Хельг болел славой. Но он прямой, честный парень. Я не думаю, что он способен на двурушничество, а тем более на подлость.

На круглом розовом лице Соколова ясно отразилось недоумение.

— Вот видите, вы не думаете, — пробормотал он, хмурия свои редкие белесые брови. — А есть у вас стопроцентная уверенность?

Лорка иронично полюбопытствовал:

— А вы сами можете быть уверены на сто процентов в том, что касается человеческих взаимоотношений?

— Вот видите, — будто и не слыша Лорки, недовольно повторил Соколов. — И потом вы говорите, что Хельг не способен на подлость. Охотно допускаю, что на прямую подлость такой парень действительно не способен. Но он может быть косвенно к ней причастен.

— Не совсем понимаю.

Соколов вздохнул, в его голосе послышались менторские нотки:

— Вы знаете, что такое протекционизм? Здоровый, принципиальный протекционизм — явление не только неизбежное, но и нужное, например, за вас горой стоит

Ревский. Он готов отстаивать вашу кандидатуру где угодно и перед кем угодно. И это прекрасно!

Соколов передохнул:

— Но есть и двуличный, мещанский протекционизм. Это когда папы, мамы, друзья и близкие готовы лопнуть, но помочь своему протеже, а уж заслуживает он протекции или нет, дело десятое.

Видя, что Лорка собирается возразить, Соколов замотал головой, на его румянном лице отобразилось страдальческое выражение.

— Знаю, знаю! Такие случаи редки, даже исключительны. Но ведь исключительна и цепочка несчастий с кандидатами в экспедицию на Кику! Мы не можем, не имеем права упускать из виду такую возможность. Разве есть, например, гарантия, что некто без ведома Виктора Хельга или при его молчаливом попустительстве не попытается протащить его в экспедицию ради грядущей славы, которой он так жаждет?

— Кто? — устало спросил Лорка. — У Виктора нет ни отца, ни матери, они погибли, когда он был еще мальчишкой.

В голубых глазах Соколова появилось хитроватое выражение:

— А вы знаете, что Виктор очень дружен с Эллой Дюк?

— Что? Да она лет на двадцать его старше!

Соколов сокрушенно вздохнул:

— Бог мой! Элла — женщина без возраста, неужели это непонятно?

Это была правда, и Лорка невольно призадумался.

— А почему между вашим другом Игорем и Эллой вдруг произошел разрыв? — вкрадчиво спросил он. — Ведь они по-своему крепко любили друг друга. А если говорить честно, я не встречал женщины умнее Эллы Дюк. Она одна стоит целой тайной организации. И уж если такая женщина поставит себе задачу протащить

возлюбленного в экспедицию, никакие препятствия ее не остановят.

— Будет вам фантазировать, — добродушно сказал Лорка.

— Так уж и фантазировать? Вы же любите и знаете мировую литературу и историю, Федор. Вспомните леди Макбет и госпожу Помпадур, вспомните о вековой загадке женской натуры. Да, сейчас этот женский комплекс в полной мере проявляется редко: не та жизнь, нет стимулов и экстремальных обстоятельств. Но в определенных условиях этот бесовский синдром может и нынче вспыхнуть со страшной силой.

Лорка смотрел на эксперта с некоторым удивлением, он еще не видел его таким. Наверное, Соколов почувствовал его взгляд, а потому без паузы перешел на деловой тон:

— Пусть это звучит напыщенно, но мы с вами, Федор, стоим на страже устоев коммунистической морали. Мы должны быть бдительны, дотошны, а если нужно, беспощадны.

— А равно умны и деликатны, — философски добавил Лорка.

— Это само собой разумеется, — отмахнулся Соколов. — Вам нужно обязательно встретиться с Эллой Дюк, на вас вся надежда, Федор. Я, грешный, пробовал говорить с ней, но вся моя дипломатия разбилась о нее, как о скалу.

Он мельком взглянул на Лорку и медленно поднялся на ноги.

— У меня есть для вас еще одна новость. Я расскажу по пути.

По широкой пологой лестнице они спустились к эскалатору, и здесь, под старой липой, Соколов приостановился.

— Тело Тимура найдено, Федор, — сказал он, не глядя на Лорку.

Федор молчал, хмурия брови. Соколов, мельком взглянув на него, вздохнул и, вдруг хлопнув себя по бедру, убежденно проговорил:

— И что-то тут не то!

Лорка мгновенно насторожился:

— Вы о чем?

— Я о Тимуре. Что-то они темнят.

— Кто они?

Под холодным, «тигриным» взглядом Лорки Соколов поежился.

— Врачи. Чего-то они не договаривают.

— Что они могут не договаривать?

— Откуда я могу знать? — вдруг рассердился Соколов. — Но не договаривают, это точно. Я, знаете, очень чуток на фальшь, на полуправду, на умолчание.

Он взглянул на Лорку и хитренько улыбнулся:

— Вот и вы что-то не договариваете, верно?

Лорка припомнил терпковатое вино Ревского, свой глупый прыжок в овраг, дерево-рогатину, с любопытством заглянул в простодушные голубые глазки Соколова:

— Да неужели?

— Представьте себе. Таите что-то, убежден. Голову готов положить на плаху, как говаривали в старину.

— Таить можно не только плохое, — мягко заметил Лорка.

— Верно! Но почему бы вам не поделиться со мной — хорошим или плохим — какая разница? — Соколов говорил просительно, даже заискивающе. — Любая тайна — тяжесть на душе. Откройтесь, и легче будет.

— Экий вы дипломат, Александр Сергеевич.

Соколов грустно взглянул на него.

— Уж какой я дипломат, — он достал большой платок и аккуратно вытер лицо и шею, — эксперт. Да еще профессиональный.

Сначала Лорка хотел договориться о встрече с Эллой заранее, но, хорошенько подумав, отказался от этой мысли. Конечно же, Элла начнет гадать, зачем Федору понадобилась эта встреча, выберет для себя определенную роль и будет ее разыгрывать с таким увлечением и искренностью, что разобратся, где правда, а где вымысел, будет совершенно невозможно.

А «случайно» встретиться с Эллой было совсем нетрудно. Она жестко выдерживала трудовую дисциплину, заканчивая свой рабочий день в один и тот же час. И все-таки встреча едва не сорвалась. Хотя Лорка заблаговременно подошел к Институту энергопроблем, его отвлек разговором знакомый, и Федор заметил Эллу в самый последний момент, когда она уже скрывалась за поворотом аллеи. Но узнал ее Лорка сразу: тонкая точеная фигура, туго обтянутая мягкой тканью; небольшая голова, гордо посаженная на длинную шею; легкая походка, которую вовсе не портила едва уловимая нарочитость движений бедер и кистей рук. Походка у Эллы, как и многое другое, была глубоко продумана, многократно примерена и тщательно отрепетирована.

Лорка извинился перед знакомым, прибавил шагу, легко догнал ее и, поравнявшись, сказал приветливо:

— Здравствуй, Элла.

— Лорка! — она привычно, ослепительно улыбнулась. — Рада тебя видеть.

Наверное, она и правда была рада встретить его. Их связывали добрые отношения, что было совершенно естественно, ведь речь шла об отношениях с женой товарища по космической работе.

У Эллы были нежные, но определенные, будто вы-

гравированные черты лица, большие удлинённые глаза, тонкие брови. В пышных вьющихся каштановых волосах — крупный изумруд, привезённый со Стикса, — подарок Игоря. Лорка невольно задержал на нём взгляд. Элла сразу заметила это и погрустнела.

— Вот так, Федор, — сказала она философски меланхолично своим хорошо поставленным голосом. И легко коснулась густо-зеленого камня кончиками длинных пальцев. Как и все движения Эллы, это движение рукой было закончено, изящно и чуточку нарочито.

Лорка подумал, что если он сейчас заговорит об Игоре, то скорее всего Элла продолжит развивать философски меланхоличную линию, ей нравилась эта роль — об этом красноречиво говорил зелёный камень, и откровенности не получится. Поэтому он отложил разговор и попросил:

— Можно я провожу тебя?

Почти не поворачивая головы, она провела по нему взглядом:

— Проводи.

— Может быть, перекусим?

— Что ты! На кого я стану похожа, если буду трапезничать по пять раз в день? Если не возражаешь, давай просто посидим.

— А почему я должен возражать? — Лорка оглянулся в поисках скамьи, но Элла, притронувшись к его руке, предложила:

— Спустимся к озеру, там прохладнее.

Этот парк, прилегающий к институту, был, конечно же, хорошо знаком Элле. Она свернула с аллеи, пересекла ленту эскалатора и вывела Лорку на крутую тропу, выбитую прямо в земле. Федор галантно предложил ей руку, но Элла шлепнула по его широкой ладони и легко сбежала вниз. Она бежала то прямо, то левым боком, то правым, удерживая равновесие раскинутыми

в стороны руками, это был даже не бег, а непринужденный танец — импровизация.

В черную прозрачную воду озера грустно смотрелись старые-престарые желтеющие ветлы. На воде застыли увядшие листья и лебеди, белизна которых по контрасту с водой казалась до оскомины режущей.

Двигалось, устало плыло куда-то лишь отраженное, а поэтому тусклое, стертное небо.

— Садись, — сказала Элла, взглядом показывая на место рядом с собой на скамье. И спросила: — Нравится?

— Жуть! Вот только замка не хватает. И чтоб в окошке — юная дева с распущенными волосами.

— Верно, и замок был бы к месту, — равнодушно сказала Элла. — Банально. Но ведь и в банальности есть своя красота. Египетские пирамиды по-своему банальны.

Лорка ничего не ответил, только усмехнулся.

Наверное, Элла уловила перемену его настроения, потому что покосилась на него уже с улыбкой.

— Вот я, банально красива, а разве это плохо?

— Да, — рассудительно согласился Лорка, — но ты ведь не египетская пирамида.

Элла рассмеялась и деловито спросила:

— Ты уже виделся с Игорем?

— Виделся, — коротко ответил Лорка, выдерживая ее испытующий взгляд.

Да, Элла была человеком без возраста. Сколько знал ее Лорка, она всегда выглядела одинаково: ослепительно, холодновато и молодо, но за этой молодостью опытный взгляд безошибочно угадывал и прожитые годы, и дисциплинированный недюжинный интеллект. Элла была талантливым физиком, вела отдел в Институте энергетических проблем, а в свободное время увлекалась ваянием, художественной гимнастикой и танцами. У них с Игорем была шестнадцатилетняя дочь.

Воспитывалась она в интернате, но дни отдыха регулярно проводила в семье. Дочь обожала свою мать, на которую была очень похожа, а к отцу относилась со снисходительным дружелюбием.

— Осуждаешь меня?

— Почему тебя? Вас обоих.

Элла ответила ему привычно-ослепительной, но все-таки благодарной улыбкой. И деловито сообщила:

— Это было неизбежно, Федор. На одной любви далеко не ускачешь.

Видя, что Лорка не понял ее, она пояснила:

— Знаешь, что такое жизнь? Болото, где по трясине раскинуты более или менее надежные кочки. Пройти можно или галопом, напролом, или шагом, хорошенько выбирая дорогу. А стоит перейти на рысь, как непременно увязнешь и выпачкаешься в грязи.

Она пожала плечами удивленно, без сожаления:

— Мы ведь никогда не были с Игорьком друзьями. У него своя жизнь, у меня своя, у него космос, у меня Земля; у меня одни идеалы, у него другие. Мы были любовниками, Федор. Искренними и пылкими любовниками, но не единомышленниками. Когда мы неслись вскачь и в ушах свистел ветер, все было хорошо. Но стоило сбавить ход, как мы начинали тонуть в трясине будней.

Элла говорила искренне, мало того, искренне ведь и лгут — она говорила сущую и горькую правду, хотя в ее голосе не было и намека на горечь, разве что самая легкая ирония. Она ухитрилась прожить с Игорем семнадцать лет, но это были годы длинных разлук и коротких встреч — праздников, когда жизнь у них действительно неслась вскачь.

И стоило очередной такой встрече затянуться, как начинались, казалось бы, необъяснимые ссоры: из-за того, что пить утром — чай или кофе, куда идти — на стадион или в цирк, с кем танцевать и с кем и как

разговаривать. Об этих ссорах знали все их друзья, у всех они вызывали лишь улыбку: милые бранятся, только тешатся.

— Кто же мешал вам стать друзьями, единомышленниками? — подумал вслух Лорка.

— Мы сами. В дружбе всегда кто-то уступает, а мы оба гордецы.

— А если уступают оба?

Элла взглянула на него с сожалением:

— Ты все-таки немножко рыба, Федор. Большая, ловкая, но хладнокровная рыба.

— А может быть, я просто человек?

Элла холодно взглянула на него:

— Ты хочешь сказать, что я не совсем человек? Не извиняйся, бога ради, ты сказал мне комплимент. Да, я не просто человек, я женщина. Женщина с большой буквы, потому что женского во мне больше, чем абстрактно-человеческого.

Может быть, ее все-таки обидела реплика Лорки или тема разговора волновала, но щеки Эллы порозовели, глаза заблестели, она стала чудо, как хороша.

— Вот этого-то не хотел или не мог понять Игорь! Он все время пытался вести себя со мной как с напарником в ходовой рубке или с коллегой по эксперименту. А я женщина! Я люблю поклонение, ухаживание, рыцарство во всех его формах! Я люблю вертеться перед зеркалом и украшать себя, обожаю кокетничать. Мне забавно и приятно видеть, как по моей прихоти из полубога, воспарившего к звездам познания, вдруг выльдыбает обыкновенный нетерпеливый мужчина.

Она и теперь говорила правду, но не всю правду. Элла любила не только покетничать, ее увлечения были много глубже, впрочем, верней было говорить не о глубине, а о бурности. Некий зрелый, но невротический мужчина, один из немногих ваятелей-профессионалов, пытался покончить из-за нее жизнь самоубий-

ством, хотя, судя по всему, делалось это театрально, дабы произвести впечатление на ветреную красавицу. А одич юноша явился к Игорю для мужского разговора — он был твердо убежден, что Элла искренне любит его и что ее удерживает возле Игоря лишь чувство долга. Юноша полагал, что Эллы не было дома, но жестоко ошибся. Элла была и, конечно же, не преминула полюбопытствовать, о чем идет разговор. Юноша был изгнан с превеликим позором, Элла даже не удостоила его пощечины, удовольствовавшись подзатыльником. Лорка застал самый финал этой истории. Он пришел, когда Игорь еще помирал в кресле от смеха, а Элла рассказывала по комнате разгоряченная, злая и, судя по всему, счастливая.

Игорь вообще очень легко относился к увлечениям своей жены. Лорка догадывался о причинах этой снисходительности, он и сам не терял уважения к Элле по той же самой причине. Элла позволяла себе увлекаться другими только тогда, когда Игоря не было на Земле. Стоило его ноге коснуться матушки-планеты, как для Эллы оставался на всем свете один-единственный мужчина — Игорь. Если она и кокетничала с кем-нибудь в это время, то просто по привычке или, чаще всего, чтобы позлить Игоря. И за это, за своеобразную, небезжертвенную верность Лорка охотно прощал Элле тысячи других грехов. С улыбкой глядя на нее, он искренне сказал:

— Никак не могу понять, как ты управляешься со своим отделом в институте?

Она поскучилась:

— На работе я не женщина, а человек. Тот самый абстрактный человек, который так мил твоему сердцу. Мне стоило немало сил и нервов убедить в этом своих научных коллег, но я победила.

Лорку поразило, как изменилось ее лицо за те немногие секунды, в которые она произносила эту фразу.

Оно осталось тем же самым холодно-красивым лицом с тонкими, гравированными чертами, но стало суше, законченнее, будто его осветили резким боковым светом. Но в то же время оно стало человечнее, добрее; слегка прищурились глаза, и поэтому на атласной холеной коже в самых уголках глаз появились легкие морщины.

— Почему бы тебе не послать эту надоевшую работу к черту? — вдруг сказал Лорка совсем не то, что ему хотелось. А ему хотелось сказать, что, если бы Элла тратила меньше сил и нервов на работе, она бы отлично ладила с Игорем и вообще была бы счастливее.

Она провела по нему взглядом.

— Надоевшую? — Брови ее хотели нахмуриться, но сработал самоконтроль, и лоб снова стал чистым, атласным лбом.

— Если я и уважаю что-нибудь по-настоящему в этом мире, так это труд. — Голос ее звучал сухо, без следов эмоций. — Если у меня отнять мою работу, я стану настоящей стервой, Федор. Труд создал человека, труд и позволяет оставаться ему человеком. — Она покосилась на молчавшего Лорку и спросила: — Разве это не так?

Лорка подобрал плоский камешек и швырнул в темную воду. Оставляя после себя пухнущие блинчики, камешек весело поскакал по озерной глади. Удивленно кувыркнулись и растеклись на пятна отраженные облака. Лебедь расправил и несколько раз лениво взмахнул крыльями, отчего стал похож сразу и на сказочную, дикий лодку, и на неуклюжий самолет.

— Может быть, и так, — нехотя согласился он, — только уж больно все это скучно.

У него и правда было скучное лицо, даже озорная зелен в глазах точно выцвела — завяла.

Элла легонько прикоснулась к его руке кончиками пальцев:

— Что с тобой, Федор?

Он пожал плечами:

— Так, легкий приступ меланхолии.

Элла тихонько засмеялась:

— Лорка и меланхолия! Это что-то новое.

Судя по всему, она была и удивлена и довольна тем, что Лорка может пребывать в таком состоянии.

— Меланхолия — сестра разума. — Лорка поднял глаза на Эллу и серьезно спросил: — Ты когда-нибудь видела меланхоличных зверей, Элла?

Она подумала и ответила:

— Видела.

— В зоопарке, — уверенно уточнил Лорка, — а если на воле, то это были больные или ущербные звери. Свободные здоровые звери — существа жизнерадостные и веселые. Для них жизнь — это игра. Они играют, ухаживая друг за другом в пору любви, играют, скрадывая добычу, играют, удирая от врага.

— Хм!

— А ты вспомни, как танцуют влюбленные журавли, как кошки играют с пойманной мышью и с каким азартом под самым носом сытого льва танцуют зебры и антилопы.

Элла не без труда разглядела в глубине Лоркиных глаз лукавинку и покачала головой.

— Ничего-то для тебя нет святого! — но в тоне ее слышалось не осуждение, а интерес.

— Да, — упрямо повторил Лорка, — звери — счастливые существа. А вот неуклюжий предок человека, неудачник-меланхолик, которому недоставало ловкости жить на деревьях, в минуту озарения изобрел труд, отделив его от игры.

— Тот самый труд, который создал человека, — проговорила она.

— Верно. Но он отделил человека от природы, лишил его первозданного счастья бытия. А ты подумай,

с каким наслаждением со всеми тайниками своей многогранной души человек окунается в природу: в морские волны, степное разноцветье или любовную игру?

Элла будто вновь разглядывала литые мышцы Лорки, его сумрачное лицо и лукавые глаза. Но ее дисциплинированный интеллект между тем работал холодно и логично.

— Да, Федор, слияние с природой — это счастье. Но ведь мы не журавли, не кошки и не зебры, нам этого мало. У нас есть и другое счастье, — глаза Эллы похолодели, а голова гордо вскинулась, — власть над природой! Разгадка самых заклятых ее тайн, движение в ширь и в глубь вселенной.

— Да, труд вознес человека так высоко, что кружится голова, — Лорка пытливо взглянул на женщину, сидевшую рядом с ним, — но сделал ли он его счастливым?

— Разве сам труд не счастье? — быстро спросила она.

— В дальнем пути саму дорогу не так уж трудно принять за цель путешествия.

— Значит, долой труд и да здравствует природа? Голый, счастливый человек на первозданной земле? — Элла вдруг засмеялась. — В принципе я не прочь попробовать. Боюсь только, что быстро надоест.

— Я хаю не всякий труд, Элла, а тяжкий труд.

— А если он служит великой цели?

— Цель у нас одна — сам человек, все остальное от лукавого. А тяжкий труд, какой бы великой цели он ни служил, деревенит человеческое тело, сковывает разум, а самое худшее — сушит душу. И этому нет оправдания.

Разглядывая вдруг помрачневшее лицо Лорки, Элла с неожиданным, но так понятным для женщины ее склада прозрением поняла наконец ход его мыслей.

— Ты мечтаешь о том, чтобы превратить труд в увле-

кательную игру? Это было бы прекрасно! Иногда труд и игра похожи как близнецы, но, по существу, их всегда разделяет бездонная пропасть.

— Все-таки, — с мягкой убежденностью возразил Лорка, — эта пропасть иногда исчезает. Тогда труд и игра сливаются вместе, образуя гармоничное целое. Тогда говорят об озарении, о звездных часах бытия, о постижении тайн мироздания не только разумом, но и каждой клеточкой тела. Труд — наслаждение, труд — радость, а не просто привычка или потребность...

Наступила минута молчания. Заходящее солнце, прорвавшись сквозь поредевшую листву старой ветлы, брызнуло в лицо Эллы горстью света.

— Никогда не думала, что у нас получится такой разговор, Федор.

— И я не думал, — откровенно признался Лорка, возвращаясь к действительности. — Скажи, Элла, ты веришь, что я, может быть, и не очень близкий, но все-таки настоящий друг тебе и Игорю?

— Игорю, да. — Элла привычно и холодно улыбнулась. — Хотя бы потому, что ты один из немногих, кто видел во мне прежде всего человека, а не женщину, за которой любопытно поухаживать.

— Тогда скажи, почему у вас произошел разрыв? — Лорка заметил, что она начинает раздражаться, и поторопился добавить: — Я понимаю, дело это сложное, интимное...

— Вот именно, интимное, — перебила его Элла, — и мне не совсем понятно, почему им интересуется так много посторонних людей.

Она разглядывала Лорку, почти не поворачивая головы, лишь скосив глаза и чуть приподняв брови не удивленно, а снисходительно и, может быть, брезгливо. Лорка вдруг и очень ясно понял, что никакие дипломатические хитрости с такой женщиной, как Элла не помогут. Стоит ей почувствовать неискренность, даже не-

договоренность, а Элла, безусловно, уже почувствовала это, как она замкнется и откроет лишь тот минимум, к которому обязывает ее простая вежливость и старая дружба, не больше. Если он, Лорка, хочет узнать ее настоящие, истинные мысли, помочь ему может только откровенность. Лорка провел ладонью по лицу и сказал негромко, без всякой аффектации:

— Тим погиб, Элла.

— Тим? — не поверила она.

Лорка скупно рассказал ей о том, что случилось с Тимуром. Лицо Эллы постепенно смягчало, на нем отразилось раздумье и печаль.

— Тим погиб, — спокойно повторила она, но это было не равнодушие, а сдержанность человека сильной воли. — Какая нелепость! Прими мое сочувствие, Федор.

Лорка помолчал, а когда хотел заговорить, перехватил взгляд Эллы, это был необычный, несвойственный ей взгляд — в нем было нечто материнское. И Лорка сжал челюсти, снова опуская голову. Он не рисовался, ему вообще были чужды поза и рисовка, он и правда никак не мог привыкнуть к тому, что его друга Тима нет в живых.

—Хуже всего, — проговорил Лорка после долгой паузы, — может быть, это не простая смерть, а убийство.

По лицу Эллы пробежала тень изумления:

— Это несерьезно, Федор.

— Это серьезно, — возразил он упрямо и рассказал Элле все, от начала до конца, он умолчал только о своем дурацком прыжке в овраг. Элла почти не перебивала его, она умела слушать, когда считала это нужным.

— Я помню Соколова, — сказала она с ноткой насмешки, — этакий розовый поросенок, который, набив желудок, пришел в бодрое настроение и задумался над тайнами мироздания.

— Соколов хороший, принципиальный человек, — Лорка улыбнулся, — разве что несколько фанатичен, чрезмерно углублен в свою профессию.

— Фанатизм — это всегда плохо. — Элла холодно и ослепительно улыбнулась, как бы подводя итог предшествовавшему разговору и начиная новый. — Итак, многоуважаемый эксперт-социолог решил, что, влюбившись в красавца Хельга, Элла Дюк потеряла голову и решила огнем и мечом проложить ему путь к славе. — Элла помолчала и вдруг резко спросила: — Ты знаешь, что я довольно стара?

— Не знаю, — не совсем искренне ответил Лорка.

— Но догадываешься, — спокойно закончила она за него, — я почти на десять лет старше Игоря, Федор. Еще несколько лет, и я начну стремительно увядать. Я уже не смогу быть для него возлюбленной, к ногам которой готовы бросить весь мир. А я женщина, Федор, прежде всего женщина, другая роль меня не устраивает. Я не хочу ни жалости, ни восхваляемой тобой дружбы взамен любви. Я хочу, чтобы по мне сохли и сходили с ума. И наплевать, что они, эти сохнувшие, старше и хуже Игоря.

Она помолчала и повторила насмешливо:

— Старше Игоря. А Виктор Хельг моложе его на добрый десяток лет. Тебе интересно, кто он, мой старый друг?

— Для дела интересно.

— Ты его прекрасно знаешь. Известнейший психиатр и психолог, референт и эксперт Совета космонавтики, член медкомиссии по отбору космонавтов Соркин Герман Петрович. Кстати, родной дядя Виктора Хельга.

Пока Лорка переваривал услышанное, Элла продолжала:

— Вот кто любит меня покорно и беззаветно. Пожелай я, — в голосе Эллы послышалась усмешка, — и Герман не только сорвал бы экспедицию на Кику, но

и вообще разрушил бы космодром вместе с корабельными эллингами. Но мне незачем желать этого, милый Лорка.

Элла тихонько засмеялась:

— Кстати, Герман горячий сторонник участия Виктора Хельга в Кикианской экспедиции. И не только потому, что уверен в его превосходных качествах. Он готов сплавить его куда угодно, потому что ужасно ревнует ко мне. Я ведь отчаянно флиртую с Виктором, — Элла легонько потянулась плечами и грудью, — мне любопытно проверить, не угасли ли мои чары, а попутно позлить Германа и Игоря.

Она встретила холодный взгляд Лорки и ослепительно улыбнулась.

— Я тебе не нравлюсь?

— Не нравишься, — откровенно сказал Лорка, отвел взгляд и добавил грустно: — Зачем тебе все это? С твоим-то умом и красотой! Родиться бы тебе лет на полтысячи позже.

— А почему не на полтысячи раньше? Красивым да умным женщинам всегда жилось хорошо, даже в самые мрачные периоды человеческой истории. Всегда они были своевольны и капризны, такими они и останутся на веки вечные.

— Стоит ли тогда жаждать будущего? — философски заметил Лорка, настраиваясь на шутливый лад.

— Рядом со мной? Конечно, не стоит, — в том же тоне ответила Элла.

Вот тут-то во время шутливой близости и понимания, Лорка и решил задать свой главный вопрос:

— Скажи, Элла, как вы порвали с Игорем? Ведь бывают не только причины, но и поводы. Предшествовало этому что-нибудь необычайное? Поверь, это не праздное любопытство.

Ясные глаза женщины испытующе смотрели на него.

— А что же это?

— Я объясню потом, обещаю. А пока поверь мне на слово.

Элла отвела взгляд.

— Хорошо, поверю. — Она на секунду задумалась. — Говоришь, необычное? Накануне мы были у Ревского, очень мило провели время, пили превосходное вино.

— А еще, непосредственно перед ссорой? — попытался Лорка.

— Никакой ссоры не было, просто я вдруг отчетливо поняла всю бессмысленность нашей дальнейшей жизни и очень логично, убедительно растолковала это Игорю.

Она вдруг нахмурила брови, припоминая что-то.

— А перед этим меня укусила в шею муха, а может быть, пчела или оса, в общем, что-то крылатое. Было не так уж больно, но образовалась припухлость. Разглядывая ее в зеркало, я злилась на муху, на себя, на весь мир. Тут на меня и снизошла ясность мысли. Это ведь довольно необычно, правда?

— Правда, — подтвердил Лорка, не поднимая глаз.

Он был уверен, что на вершине оврага пчелы или осы его не кусали. А вот мухи и комары? Он никогда не обращал внимания на такие пустяки, особенно в те минуты, когда рядом с ним была Альта.

ГЛАВА 9

Ночью над побережьем пронесся шквал с сильнейшим ливнем. Садовые дорожки усыпали сорванные листья, веточки, разноцветные лепестки роз. Дождь не унимался, но он уже не буйствовал, не лил как из ведра, а сеял и сеял с флегматичной настойчивостью.

Оглядывая поутру растрепанный сад, Лорка с удовольствием потягивал обжигающий губы черный кофе.

— Разбой и беспорядок, — благодушно проговорил он.

— Беспорядок, — со вздохом согласился Ревский, сидевший на открытой террасе своего дома напротив дома Лорки, и вдруг спохватился: — Ты о чем?

Лорка с улыбкой взглянул на старшего товарища.

— Я о саде.

— А я о вине, — буркнул Ревский.

Сразу после разговора с Игорем Дюком Лорка встретился с Ревским и выяснил, что в общем-то все кандидаты в командиры Кикианской экспедиции побывали у него в саду и всех он почел нужным угостить своим знаменитым, завоевавшим гран-при вином. Лорка откровенно поделился с Ревским своими сомнениями, не забыв красочно расписать приключения в овраге, уж кому-кому, а Теодоровичу он доверял безусловно и до конца. Ревский посмеялся над его подозрительностью, но пообещал произвести самый тщательный биохимический анализ своего призового напитка. Результат оказался неожиданным во всех отношениях. В вине обнаружили сложное органическое соединение, родственное рибонуклеиновым кислотам. Главный компьютер установил: вещество не известно науке, и занес его в каталог под названием Н-РНК, приписав его открытие Ивану Теодоровичу Ревскому.

— Вот ты и прославил свое имя не только в космонавтике, но и в биохимии, — сказал по этому поводу Лорка с нарочитой серьезностью.

Ревский зыркнул на него:

— Нужна мне эта честь!

Ревский развил бурную деятельность. В результате сотен контрольных опытов установили, что Н-РНК присутствует только и исключительно в том самом вине, которое завоевало гран-при и которым гостеприимный

Ревский так усердно потчевал своих гостей-космонавтов. Длинная серия других контрольных опытов позволила выяснить, что Н-РНК в тех дозах, в которых она присутствует в вине, оказывает на психику человека лишь слабо выраженное наркотическое, нейростимулирующее действие, сходное с воздействием экстрактов коки. Вызвать какие-либо реакции, опасные для человека в физиологическом или психологическом плане, Н-РНК не в состоянии, если даже увеличить дозы его приема десятикратно. Этот успокаивающий вывод несколько портила маленькая приписка, уведомлявшая о том, что воздействие Н-РНК на человеческий организм тонко, многопланово и что исследования еще продолжаются.

Каким образом Н-РНК оказалась в вине, выяснить не удалось, точнее, таких путей было несколько, и ни одному из них не было оснований отдать предпочтение. Рибонуклеид мог попасть в вино совершенно естественно, вместе с виноградным соком. Правда, анализ этого сорта винограда не выявил в составе ягод ничего похожего на Н-РНК, но это ничего не значило: вино было семилетней выдержки, оно хранилось открыто, и если кому-нибудь — злоумышленнику или шутнику, землянину или инопланетянину — вздумалось бы туда что-нибудь подсыпать или подлить, он мог сделать это без малейших затруднений. Кроме того, для улучшения букета Ревский добавлял в вино некоторые посторонние ингредиенты: мед и тонкие пряности, он даже и сам не смог бы дать их полный перечень, делал смесь на вкус, по наитию.

— Теодорович, — просительно проговорил Лорка, бережно ставя на стол чашку из нежнейшего фарфора, — давай на время забудем об этом проклятом рибонуклеиде и решим, что же все-таки предпринять дальше.

— Нечего и думать, — без паузы, ворчливо ответил

Ревский, — надо встретиться с Германом и прощупать его по всем правилам космической психологии.

Лорка вздохнул.

— Легко сказать. Соркин не Игорь Дюк и не Виктор Хельг. У тебя есть какая-то альтернатива моему предложению? — сухо спросил Ревский.

— А вдруг вся эта цепочка несчастий вплоть до Тима и меня все-таки случайность. Случайность, и ничего больше?

— А если не случайность? Что тогда? Сидеть и ждать заклятия очередного агнца?

— То есть меня, — заметил Лорка.

Ревский бросил на него быстрый взгляд, мотнул головой и сухо усмехнулся — уж очень Лорка не походил на беззащитного агнца.

— Почему же обязательно тебя, — медленно проговорил он, сцепляя пальцы сухих сильных рук. — Удар может обрушиться и на тех, кто тебе особенно дорог.

Лорка взглянул на старого космонавта с молчаливым вопросом.

— А ты вспомни, как вывели из строя Игоря. — Ревский помолчал и уже совсем сердито спросил: — Сможешь ты пойти в космос, если с Альтой что-нибудь случится?

— С Альтой? — раздельно переспросил Лорка, пристально глядя на старого космонавта.

— Да, с Альтой, — подтвердил Ревский.

Лорка отвел наконец взгляд, лицо его помрачнело. Настырный дождь там и сям в саду налил большие и маленькие лужи. Вода в них под каплями дрожала и рождала веселые пузыри, чем-то похожие на огромные лягушачьи глаза.

— Я как-то не думал об этом, — наконец невесело признался Лорка.

— То-то... Слишком мы стали благодушны и беспеч-

ны, избаловались. Как же, цари и господа всея все-ленной!

Уже хмуро он продолжал:

— Игорь прав. Чужой, могучий разум может пристально следить за нами и даже, по возможности незаметно, вмешиваться в наши дела. Конечно, не обязательно такое вмешательство должно быть враждебным. Во всяком случае, встречи с сапиенсами на других планетах чаще всего проходили дружелюбно.

— Верно, — согласился Лорка и добавил сухо: — Но гиперсветовик Тимур Корсаков погиб не в космосе, а на Земле.

— Да, конечно, — задумчиво подтвердил Ревский. — Но чтобы допустить земное присутствие инопланетян, не хватает фактов. Есть, конечно, кое-что, я копался в фильмотеке. В двадцатом веке гипотеза о пришельцах была довольно популярна, но аргументация разрозненная, бессистемна, а порой наивна.

— А все-таки?

— Интерпретации библейских и шумерских легенд, загадочные рисунки и надписи, статуэтки, похожие на людей в скафандрах, неопознанные летающие объекты.

— Летающие тарелки? — усмехнулся Лорка.

— Они самые, — Ревский поморщился, — неубедительно. Особенно если говорить о тайных контактах и тайном вмешательстве. Эти экстравагантные тарелки сразу привлекли бы к себе всеобщее внимание. Какая уж тайна! Проще предположить, что на Землю заброшены роботы — андройды.

— Ничем это не лучше.

— Это почему же? Даже земная техника позволяет изготовить искусственную биомеханическую подделку под человека. Пообедаешь за одним столом и не отличишь. Такие опыты ставили и чаще всего успешно.

— За несколько минут, может быть, и не отли-

чишь, — согласился Лорка. — Но что сделает тайный агент за несколько минут? А за несколько часов, а тем более дней он саморазоблачит себя непременно. У нас ведь чудовищная тонкость восприятия всего человеческого, Теодорович. Мы узнаем знакомых по силуэту или походке за сотни метров. Мы чувствуем настроение близких по выражению лица и тембру голоса. Как уж тут не распознать какую-то дурацкую подделку-робота?

Сохраняя суховатое выражение лица, Ревский внимательно слушал Лорку.

Под монотонный шум дождя хорошо думалось. Этот шум приглушал все остальные звуки, даже рокот взволнованного моря, даже остервенелый лягушачий концерт, звучавший сейчас поэтому в непривычной, минорной тональности. Приглушены были не только звуки, но и краски: сад будто вылинял.

— Стало быть, тайная инопланетная агентура — идея несостоятельная? — спросил вслух Ревский.

— Почему же? — улыбнулся Лорка. — Я бы, например, решил эту задачу очень просто — воспользовался косвенно услугами наших меньших братьев, животных.

Он сделал паузу, с удовольствием наблюдая, как меняется лицо Ревского, и продолжал:

— Мы очень чутки ко всему человеческому, но разве к животным мы приглядываемся так внимательно? Если даже мы привязаны к своим собакам, кошкам или птицам, если даже любим их, то это любовь олимпийцев к простым смертным, ребенка к своей игрушке. Мы легко разоблачим человекоподобного робота, но разглядим ли мы робота под шкурой собаки или перьями сойки?

Лорка покосился на Ревского — не насмешничает ли, но космонавт слушал внимательно и с интересом.

— В детстве я одно время подозревал, что наш ленивый пушистый кот — инопланетянин. Уж очень он любил во время наших семейных разговоров усесться где-нибудь в сторонке и тарашить свои желтые глаза то на одного, то на другого. Время от времени кот таинственно исчезал дня на два, на три, а потом являлся истощенный, грязный и очень ласковый. Мне думалось, что в эти дни кот бегаёт на свою тайную базу — сдавать собранную информацию.

— Итак, неземные коты-агенты? — с подчеркнутой серьёзностью уточнил Ревский.

— Почему же обязательно коты? Если ориентироваться на твоё вино, то это скорее птицы или муравьи. Котам вряд ли сподручно транспортировать рибонуклеиды.

Ревский прямо скривился, услышав про своё злополучное вино, и Лорка пожалел, что напомнил о нём.

— Ладно, — примирительно проговорил Ревский, — ты сам предлагал временно забыть о моем напитке. Вернемся к твоей инопланетной версии. Есть в ней какая-то изюминка. Чем черт не шутит, может быть, тот филин, что вылетел из оврага и до смерти напугал Альту, на самом деле замаскированный кикианин, пытавшийся нацепить тебя на рогатину! Но видишь ли, чтобы проверить правильность твоей версии, надо перетряхнуть буквально все живое, что есть на Земле, а это задача нереальная.

— Зачем же так, в лобовую? Надо подставить этим проблематичным пришельцам какую-то приманку, ловушку, чтобы они сами туда полезли. Вот там-то их и прихлопнуть с поличным!

— Ну-ну, — поощрил старый космонавт, — у тебя есть что-то конкретное?

Лорка засмеялся:

— Ты слишком много от меня хочешь, я ведь все-

таки не специалист по отлову инопланетян. Подумать надо.

— Думай, — отрезал Ревский, — а пока думаешь, главная твоя задача — Соркин. Кстати, и при разработке инопланетной версии он может быть полезен. Голова у него светлая.

— Соркин так Соркин, — покладисто сказал Лорка, задумался и поскучнел. — Хотя Тима всей этой мышинной возней не воскресишь.

— А если воскресишь? — буркнул Ревский, погруженный в свои мысли, и осекся под холодно блеснувшим взглядом Федора.

— Ты что сказал, Теодорович? — тихо, невыразительно спросил Лорка.

— Я? Ничего. Так, подумал вслух.

— Теодорович, ты не шути такими вещами, — еще тише сказал Лорка, не спуская со старого космонавта тяжелого взгляда. — Что с Тимом?

— Мало ли что болтнешь иногда языком? И не смотри на меня как удав на кролика! — вдруг взъярился Ревский. — Мальчишка!

Лорка не произнес ни звука, только лицо у него отяжелело. Он так и не отвел взгляда. Ревский вздохнул и осторожно положил свою сухую руку на большую Лоркину ладонь:

— Не сердись, Федор. Ну?

Лорка оттаял не сразу:

— Темнишь ты что-то, Теодорович.

— Не мудрствуй, — отмахнулся Ревский и не совсем логично добавил: — А если и темно, так мне по штату положено. Я ведь председатель Совета, не забывай об этом, милый друг.

Он помолчал и уже совсем серьезно добавил:

— Береги себя. И Альту. Где гарантия, что над вами не занесен незримый дамоклов меч?

Свежий ровный пассат все пытался сдуть жесткие кожистые кроны кокосовых пальм, словно это были пушистые головки одуванчиков. Пальмы принимали озорство нехотя и туго гнулись под напором ветра, туго натягивали свои стволы.

— Доброе утро.

Лежащий в шезлонге Лорка повернул голову и увидел Соркина. Тот стоял с шезлонгом в руках, массивный, хорошо сохранившийся для своих лет. Длинные светлые волосы Германа Петровича струились по ветру. Здоровый бронзовый загар покрывал лицо.

— Доброе утро, Герман Петрович.

Соркин поставил шезлонг поудобнее.

— Не помешаю?

— Мешайте, — улыбнулся Лорка.

Шезлонг закрипел, принимая на себя груз массивного тела.

— Люблю океан, — пробормотал Соркин, устраиваясь поудобнее.

Могучие водяные валы один за другим катились к берегу. Их прозрачные сине-зеленые тела венчала белая пена. Потом они вдруг с гулом и плеском рассыпались на потоки и брызги.

— Что вы сказали? — не расслышал Лорка.

Соркин искоса взглянул на него:

— Счастливый вы человек, Федор.

— Вы уверены?

— Уверенность — сестра ограниченности. — Соркин движением головы откинул волосы. — Сколько видели вы разных океанов? Тридцать, сорок?

— Я как-то не занимался такой статистикой. Но если включить в перечень океаны жидкого гелия, кипя-

щие ртутные моря и прочую экзотику, то около сотни наберется.

— Вот видите. А я, прожив чуть ли не вдвое больше вашего, видел лишь земные океаны. Разве это справедливо? И разве вы не счастливее меня? — И, не давая Лорке ответить, добавил: — А у меня к вам деловой разговор, Федор.

— Вот совпадение! — удивился Лорка. — У меня тоже.

Соркин внимательно взглянул на него, но Лорка, закрыв глаза, мечтательно улыбался, подставляя лицо утреннему солнцу.

— Вам рекомендован новый напарник, — продолжал Соркин после паузы, — Виктор Хельг. Я прихожусь ему дядей и после гибели родителей Виктора в какой-то мере заменял ему отца.

— Я знаю, — безмятежно сказал Лорка, не меняя позы. Но внутренне он весь подобрался.

— Рассказали бы вы мне про Кику, Федор. Интересно знать, куда забрасывает Виктора судьба. — Он секунду помолчал и добавил, словно оправдываясь: — Конечно, я знакомился с этой планетой по официальным документам, но одно дело сухой текст, и другое дело живой разговор с командиром экспедиции.

— А что вас интересует больше всего? — Лорка открыл глаза и повернул к Соркину голову: — Комплекс сведений о планете многообразен.

Лицо Соркина было сосредоточенно, даже сумрачно.

— Как вам сказать? Пожалуй, больше всего меня интересует, насколько опасна предстоящая экспедиция. По вашей личной оценке.

Конечно, вопрос Соркина выглядел вполне естественным — он заботился о безопасности молодого человека, которому заменял отца. Но разве не лучше, не рациональнее выяснить все это до рекомендации Виктора?

В поведении Соркина было нечто похожее на демонстрацию, тем не менее Лорка решил быть откровенным:

— Трудно ответить на ваш вопрос однозначно, Герман Петрович. С одной стороны, Кика если не родная, то двоюродная сестра Земли. Там можно обходиться без скафандра, можно купаться в морях и озерах, есть многие овощи, фрукты и мясо зверей. Кика не Тартар и не Стикс с их экстремальными условиями.

— Именно это меня и успокаивает, — пробормотал Соркин.

— И напрасно, — жестко сказал Лорка. — Защищаться от открытого удара в лицо куда проще, чем от удара в спину. На Стиксе человек все время находится в состоянии наивысшей готовности, на планетах типа Кики такое состояние поддерживать в себе очень трудно. Сбитый с толку сходством с Землей, человек рано или поздно расслабляется. Это сходство коварное, оно похоже на провокацию. Образно говоря, под одной и той же вывеской на Земле может быть санаторий, а на сходной планете — ловушка. А человек очень часто действует по голым стереотипам и, случается, попадает в ситуацию, откуда нет выхода. — Лорка говорил неторопливо, спокойно, точно размышляя вслух.

— Что произошло на Кике с поселянами и самим Петром Лагутой? Только ответив на этот вопрос, можно решать, насколько опасна или безопасна Кика.

— Есть официальное заключение о причинах их гибели, — заметил Соркин, — смерть от ужаса, от паралича сердца.

Лорка резко повернулся к нему:

— Петр Лагута, опытный гиперсветовик, как ребенок умер от страха? Чепуха!

— Несмотря на свою уникальную надежность, сердце — капризный механизм.

Лорка упрямо покачал головой:

— Дело не в капризах сердца, Кика хранит какую-

то тайну. И может быть, разгадку ее стоит поискать на Земле.

Лорка сделал этот намек по наитию, без заранее обдуманного намерения. Но тут же осознал, как это своевременно, и с острым вниманием ждал реакции врача. К его удивлению, Соркин пропустил намек мимо ушей.

— Значит, Кика по-настоящему опасна. — Соркин обеими ладонями провел по лицу. — А тайна Кики крайне интересна прежде всего для меня, психолога и психиатра. Может, сойти с ума на старости лет и отправиться с вами? Вместо Виктора.

Это было полужутливое-полусерьезное предложение, но за шутливостью стояли напряжение и боль. Лорка почувствовал это сразу. Почувствовал и решил еще больше обострить ситуацию. Оглядев врача, он негромко, но уверенно сказал:

— Нельзя вам на Кику, Герман Петрович.

— Почему?

— Стары, — отрезал Лорка.

Соркин засмеялся открыто, но несколько принужденно, была в этом смехе и дань уважения за откровенность.

— Да вы и сами знаете об этом, — продолжал Лорка, — уже не та реакция, не та выносливость, не тот настрой мыслей. Разведчик неосвоенной планеты тот же спортсмен. Только борется он не за метры и секунды, а за свою жизнь.

— Тогда это уже не спортсмен, а гладиатор, — констатировал Соркин.

— Гладиатор, — спокойно согласился Лорка, — по собственной воле и желанию. Наши предки сломали немало копий, пока не утвердили за человеком полную свободу, в том числе и свободу распоряжаться собственной жизнью и смертью. Я горжусь этой свободой.

— Да, — рассеянно согласился Соркин. — Прежде

существовали ограничения. Экспедицию на Кику попросту бы запретили. И не возникло бы никаких проблем.

— Какие же проблемы существуют сейчас?

Соркин досадливо поморщился и снова провел ладонями по лицу.

— Федор, — в голосе врача звучали непривычно просительные нотки, — ведь от вас в конце концов зависит — пойдет Виктор в экспедицию или нет.

— Совершенно верно.

— Так вот я прошу вас, убедительно прошу — откажите ему.

— Почему? — довольно резко спросил Лорка.

Соркин шумно вздохнул, очевидно подавляя внезапное раздражение.

— Все очень запутано. Просто я никогда не прошу себе, если с Виктором на Кике случится несчастье.

— Так, — жестко констатировал Лорка. — Стало быть, ради вашего спокойствия я должен покривить душой. Обеспечить Виктору спокойную жизнь на Земле, а вместо него на опасное дело взять другого?

Лорка ждал бурной реакции, но ошибся. На крупном лице Соркина появилось беспомощное, даже жалкое выражение.

— Все так запутано, — безнадежно повторил он. — Вы правы, Федор. Достаточно того, что я покривил душой, когда так настойчиво рекомендовал Виктора в экспедицию.

Скосив глаза, Лорка наблюдал за Соркиным. Тот сидел, откинув крупную голову. Его лицо казалось темным, почти черным.

— И все из-за Эллы? — негромко спросил Лорка.

— Да, — тяжело ответил Соркин. — Она совсем смяла меня. Хотя я не устаю благодарить судьбу за встречу с ней.

Лорка подумал о том, как хитро все запутано в этом

чудном и чудном мире. Как незаметно крохотная ложь оборачивается недоразумением, а недоразумение драмой.

— Не терзайте себя понапрасну, — мягко сказал Лорка. — Если Виктор и не пойдет сейчас на Кикку, он пойдет потом на другую, может быть, еще более опасную планету. Мир отваги, риска и удачи его стихия, он рожден для него. А вот как сделать экспедицию на Кикку более безопасной, стоит подумать всерьез. И тут, Герман Петрович, вы можете сказать очень веское слово.

— Слушаю вас, — без особого воодушевления ответил Соркин.

Лорка понимал, как трудно ему сразу перестроиться, отвлечься от тяжелых мыслей, поэтому вел свой рассказ неторопливо и очень пространно. Соркин довольно быстро «отошел» — сказывалась многолетняя тренировка — и активно заинтересовался странной судьбой Кикианской экспедиции.

— Меня самого удивляла цепочка несчастий с кандидатами, — признался он, — но я считал это случайностью.

— На этот счет есть и другое мнение. — Дипломатично не останавливаясь на земной версии, Лорка со всех сторон обрисовал космическую.

Соркин слушал внимательно, но без особого энтузиазма, отдавая традиционную дань скептицизму в отношении инопланетного вмешательства. Однако он мгновенно насторожился, как только Лорка упомянул о таинственном рибонуклеиде, найденном в вине.

— Я осведомлен о контрольных опытах, но и понятия не имел, откуда взялся этот странный стимулятор. — Соркин задумчиво поглаживал свой квадратный подбородок. — Все рибонуклеиды действуют мягко, я бы даже сказал, деликатно. Они могут обострить память, эмоции, лишить сна или, наоборот, усыпить, но заставить

человека галлюцинировать, а тем более кинуться в бушующие волны или в овраг — это исключено.

Несмотря на безапелляционность заключения, Соркин еще не высказался до конца; Лорка хорошо видел, как напряженно работала его мысль, просматривая не только генеральный, но и боковые варианты возможных последствий. С профессиональной бесцеремонностью внимательно оглядев Лорку, он даже не попросил, а почти приказал:

— Расскажите-ка мне еще раз, как вас угораздило нырнуть в овраг.

Он выслушал, не перебивая, и глубоко задумался.

— Так-так, — пробормотал он и вдруг спросил: — Вы очень любите летать?

Лорка усмехнулся:

— Если бы не любил, кой бы черт понес меня в космонавты?

Соркин покивал головой, но чувствовалось, что ответ его не удовлетворил. Он поиграл пальцами в воздухе, точно пытаясь поймать нечто невидимое.

— Я не о том, я имею в виду первозданную жажду птичьего полета в голубом просторе.

— Понимаю, — вздохнул Лорка. — Какими только способами я не пробовал летать! Прыгал в воду как только мог, прыгал с обрывов на мягкие песчаные склоны. Но, увы, летать как птица мне удавалось лишь во сне.

Лорка покосился на Соркина. Тот слушал внимательно, терпеливо.

— Впечатления от этих волшебных полетов во сне были у меня пронзительно яркими. Наверно, моим дальним предком, архипрабабушкой, была сильная и ловкая обезьяна, как птица летавшая с дерева на дерево. Иначе, откуда все это?

— Вот вам и объяснение, Федор. Рибонуклеид может сыграть роль превосходной смазки, растормаживающей

родовую память. Мощная волна наследственных впечатлений на короткий срок может полностью затопить сознание.

— И заставить человека прыгнуть в овраг? — быстро спросил Лорка.

— И в овраг, и в море, и через расщелину, — уверенно ответил Соркин.

— Но почему же, — Лорка размышлял вслух, хмуря брови, — почему же я не начал «взбрыкивать» сразу после того, как выпил вина?

Соркин пожал плечами:

— Какое-то время нужно для усвоения. Не исключено, что у рибонуклеида длинная экспозиция. Кроме того, соединения типа РНК охотно вступают в реакции. А даже легкие трансформации таких соединений могут менять их активность в сотни и тысячи раз. Разумеется, это предположение, и только.

— Разумеется, — согласился Лорка, но сразу вспомнил Эллу. И ее рассказ о том, что ее укусила не то муха, не то пчела. Впрочем, эту проблему можно было отложить и на потом, чтобы обдумать и рассмотреть ее со всех сторон. Была другая, откладывать которую Лорка не хотел.

— Герман Петрович, — сказал он негромко, — вы врач, член комиссии по отбору космонавтов. Вы не можете не знать, что случилось с Тимуром Корсаковым. Что? Почему в его смерти есть какая-то недоговоренность? Почему из нее делают тайну?

Соркин великолепно владел собой. В его лице ничего не изменилось, оно как было, так и осталось несколько сумрачным, четко вылепленным лицом. Но Лорка сейчас, когда он начал разговор о Тиме, был похож на тончайший психологический инструмент — по чуть изменившемуся прищурю глаз и бог знает по каким еще почти неуловимым признакам он сразу понял, что его сомнения имеют под собой какую-то почву.

— Герман Петрович, — он говорил теперь почти умоляюще, — Тимур был мне другом. Самым близким другом.

— Я могу сказать вам только одно, — проговорил Соркин, — не торопитесь с выводами. Подождите.

Лорка повернулся к нему так резко, что шезлонг покачнулся:

— Подождать? Чего?

— Просто подождать. Все разъяснится само собой.

— Вы что-то знаете, — уверенно сказал Лорка.

— Знаю, но это не моя тайна.

— Герман Петрович, я прошу вас!

— Это не моя тайна, — негромко, но твердо повторил Соркин. — Надеюсь, вы знаете, что такое закрытая информация?

Вопрос был чисто декларативным; каждый взрослый человек отлично знал, что такое закрытая информация, и относился к этому не всегда удобному и приятному явлению с уважением и пониманием. Когда-то думали, что секреты и умолчания порождаются лишь неравенством, социальной неустроенностью и несправедливостью. Конечно, вместе с крахом капитализма и эксплуатации безвозвратно исчезли многие темные тайны, жизнь стала более открытой и ясной. И все-таки без секретов оказалось невозможным обойтись. Тайна та же одежда на теле человека, те же двери и стены жилища, тот же защитный купол над городами-чашами. Тайны личные, тайны за семью печатями, лишь изредка приоткрываемые себе самому. Интимные тайны любящих людей, выставлять напоказ которые кощунственно и гнусно. Тайны науки и техники — иногда светлые, иногда страшные, — сама смерть и разрушение. Если открыть шлюзы закрытой информации, человечество захлебнется и утонет в ней. Сколько возникнет радужных надежд, которым не суждено будет сбыться! Сколько ненужных потрясений, обид и отчаяния вспыхнет из-за отсутствия

психологической готовности и тренировки! Сколько разгорится неподготовленных бесплодных споров!

— Все, что я могу для вас сделать, — вдруг нарушил затянувшееся молчание Соркин, — это дать один совет. Вы знаете, кто такой Латышев? Профессор Латышев?

— Геронтолог?

— Тот самый, — с легкой улыбкой подтвердил Соркин и, помолчав, отдельно сказал: — Так вот, мой совет — поговорите с ним о Тимуре.

Это было странное утро и странный разговор, полный неожиданных поворотов. Снова Лорка почувствовал тревожное ощущение, что все это: солнце, небо, океан и разговор — уже было когда-то.

— Поговорите, — настойчиво повторил Соркин в ответ на молчаливое удивление Лорки, — это все, что я могу посоветовать. И поверьте — это много.

ГЛАВА 11

Труды и эксперименты Латышева в области геронтологии столь же оригинальны, сколь и популярны — не знать о них было просто невозможно. В отличие от классической школы геронтологии, которая видела свою задачу в своеобразной консервации дряхлеющего организма, Латышев разрабатывал сложнейшую систему юнизации — систему активного омолаживания, которая позволила бы самых дряхлых стариков превращать в молодых, полных сил и здоровья людей. Но какое отношение юнизация могла иметь к погибшему Тиму?

Прямо с пляжа Лорка отправился в фильмотеку, решив просмотреть о работах Латышева все, что было ему, неспециалисту, по зубам. Лорка шагал торопливо.

В душе его теплился легкий огонек надежды, даже не самой надежды, а ее предтечи. Велики были возможности реанимационной техники двадцать третьего века, регенерации и восстановительной хирургии. Конечности, части лица и скелета, любые внутренние органы — все могло быть создано человеку заново. Все, за исключением мозга, средоточия человеческого чувства и разума, этой сложнейшей «машины» — результата миллиардолетней эволюции живой материи. Треть часа, двадцать минут — вот короткий, предельный срок, который отпустила врачам слепая природа для ремонта и восстановления этой «машины». Через двадцать минут, а иногда и раньше, в высших отделах мозга, хранилищах мысли и разума, наступали необратимые изменения, человеческая личность гибла безвозвратно. Но, робко думал Лорка, ведь юнизация это не только восстановление, но и коренная переделка всех живых тканей, может быть, это открыло перед врачами такие возможности, о которых они и не подозревали?

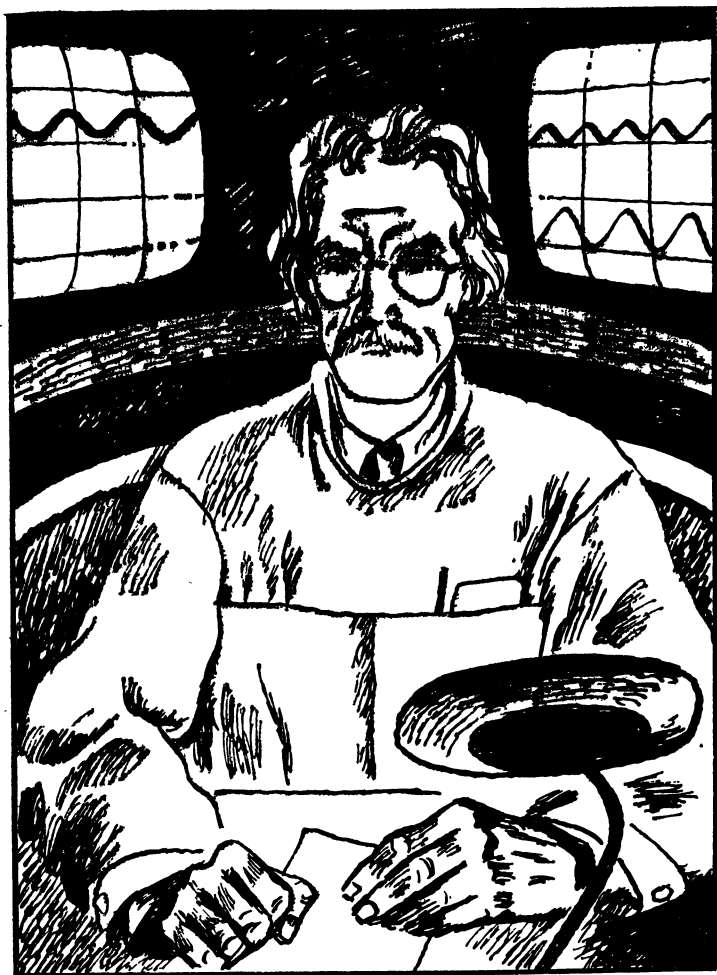
В фильмотеке Лорку ждало разочарование: гавайский курортный центр не специализировался на геронтологии, поэтому не удалось найти ни одной оригинальной работы Латышева. Популярной общедоступной полемики по проблемам юнизации было предостаточно. Идеями Латышева и восхищались, и критиковали их с самых разных позиций. Жизнь и смерть, говорили оппоненты Латышева, существуют в диалектическом единстве. Смерть является естественным и необходимым завершающим жизненным этапом. Бороться со смертью как таковой бессмысленно, ибо это борьба и против самой жизни.

Лорку интересовала не полемика, а сами идеи Латышева. Он было почти уже совсем отчаялся найти что-либо, принадлежащее его перу, когда в отделе, весьма далеко от геронтологии, в отделе переписки, наткнулся на открытое письмо Латышева своим оппонентам.

«Я никогда не посягал на полное отрицание смерти, — писал Латышев, — я работаю над юнизацией организмов, а вовсе не над бессмертием. Любое живое существо, в том числе и якобы бессмертное, погибает самым вульгарным образом, если случайно упавшее дерево размозжит ему мозг. Я и не думал отрицать, что старение и старческая смерть являются естественными процессами; они столь же естественны, как зачатие, рождение и развитие. Могу признаться наконец: я согласен и с тем, что смерть носит необходимый характер, хотя знаю, что это рассердит тех, кто приписывает мне противоположные взгляды. Однако в это бесспорное утверждение я вношу небольшой корректив: необходимость смерти носит не общий, не философский, а частный, биологический характер. Естественное старение и смерть не фатальный процесс, изначально присущий живому, а всего лишь один из способов, с помощью которых увеличивается видовая жизнестойкость.

Зависимость между видом и особью сложна и противоречива. Известно, что короткоживущие, слабые, казалось бы, совершенно беззащитные существа могут образовывать процветающие виды поразительной жизнестойкости, а могучие гиганты, которым, казалось бы, никто не страшен, бесследно вымирать. Очень часто видовая жизнестойкость достигается окольными путями: прямого или косвенного паразитизма, симбиоза и содружества, аномальной интенсификации размножения. Одним из таких древних, как и сама жизнь, способов является естественное ограничение продолжительности жизни отдельной особи для обеспечения процветания вида в целом.

В самом деле, чем короче жизнь отдельной особи, тем быстрее свершается смена поколений, тем быстрее совершенствуется и приспособляется к обстановке и вид в целом. Поразительная жизнестойкость одноклеточных predetermined именно этим фактором. Однако,



прежде чем сойти со сцены, старое поколение должно породить новое, защитить его в фазе становления, а иногда и воспитать. Нетрудно показать математически, что каждый вид живых существ в заданных экологических условиях имеет некоторую оптимальную продолжительность жизни отдельных особей. Она и закреплена естественным отбором.

Такова природа естественной смерти. Применимо ли все это к человеку? Да — к его истории, и нет — к настоящей его действительности. Тысячелетия назад человек вырвался из оков естественного отбора. Развитие человеческой личности в наше время строится на принципах, которые страшно далеки от тех, что породили фатальную неизбежность смерти. В коммунистическом обществе смерть перестала быть необходимой, а поэтому с ней не только можно, но и должно бороться...»

Лорка снял микроочки, помассировал уставшие глаза и задумался. Все, что писал Латышев, было интересно, а замыслы юнизации просто фантастичны. Но черт возьми, какое отношение имеет это к гибели Тима? Может быть, Латышев с согласия родных использует тело Тима для некоего эксперимента? Такое случается, но возможно ли, чтобы родные Тима не посоветовались с ним, с Лоркой? И вообще, непонятна эта завеса молчания и тайны, которой посчитали нужным окутать смерть его друга.

Покинув фильмотеку, Лорка пошел сквером, чтобы выйти на радиальный экспресс-эскалатор, ведущий на стоянку аэротакси. Сквер был своеобразной рощей. В ней росли карликовые вековые деревья: дубы, сосны, кедры, кипарисы. И все тут было карликовым, вплоть до мостиков и переходов. Люди, ходившие здесь каждый день, наверное, привыкли к этому загадочному миру, сделанному по канонам древнего садоводческого японского искусства. Но Лорка, бывавший здесь редко, всегда испытывал странное ощущение сказочной двой-

ственности рощи. То она представлялась ему настоящей рощей, в которой росли высокие раскидистые деревья. Тогда декоративный ручеек казался ему большой рекой, холмик — горой, а сам он, Лорка, — могучим былинным великаном. И вдруг из-за бабочки, перепорхнувшей на вершину дуба, иллюзия мгновенно исчезала. Мир, созданный усилиями садоводов-искусников, мгновенно приобретал реальные масштабы, и от этой молниеносной метаморфозы слегка кружилась голова.

— Лорка?

Он обернулся и увидел девушку, сидящую на скамье с альбомом микроснимков на коленях; очки для их просмотра лежали рядом.

На ней была полуспортивная одежда: легкие туфли, плотно облегавшие ногу, длинные брюки из мягкой и тяжелой вязаной ткани и почти невесомая блузка, оставлявшая открытыми руки до самых плеч и шею, которая казалась особенно стройной из-за короткой стрижки.

Когда Лорка обернулся к ней, девушка медленно поднялась со скамьи и проговорила уже утвердительно, с нотой не то боязни, не то растерянности:

— Лорка.

Альбом соскользнул с ее колен и упал на песок. Лорка подошел, поднял его, положил на скамью и улыбнулся:

— Да, я Лорка. А что?

Она не ответила на улыбку. Просто стояла и смотрела на него большими и спокойными светло-кариыми глазами. Это была совсем обыкновенная девушка, но чем больше Лорка смотрел на нее, тем больше им овладевало если не беспокойство, то неясное смущение. Девушка казалась не совсем реальной, двойственной, как рощица, окружавшая их, — и маленькая и огромная в одно и то же время.

— Вы меня не узнаете? — спросила она после дол-

гой паузы, как-то трудно, хотя совсем негромко, выговаривая слова.

Вглядываясь в ее лицо, Лорка вдруг отдал себе отчет в том, что девушка очень красива. И тут же подумал, что, будь он не зрелым мужем, а юнцом, вряд ли бы он заметил эту неброскую, но законченную, в своем роде совершенную красоту.

— Знаете, на кого вы похожи? На Афину Лемнию. Ее смугло-золотистые щеки чуть порозовели.

— Не надо придумывать, — с укоризной сказала девушка, но было видно, что она польщена таким сравнением.

Лорка смотрел на нее с возрастающей симпатией. Во-первых, она была знакома с древним и вечно юным искусством Эллады, которое любил и сам Лорка. А во-вторых, она действительно походила на эту юную богиню — олицетворение мысли и целомудрия.

— Вы меня так и не узнали, — в раздумье сказала она, и к Лорке тут же вернулось его странное беспокойство, похожее на смущение.

— Кто же вы?

— Я Ника, — сказала она.

Лорке стало немножко смешно, она сказала это с таким видом, будто все, а тем более Лорка, должны знать, кто скрывается под этим коротким именем.

— Ника? — с улыбкой переспросил он.

— Ника, — подтвердила она, по-прежнему не отвечая на его улыбку, — та самая Ника.

Лорка испытал мгновенное психологическое потрясение. Он перестал видеть город, небо, рощу и даже лицо Ники — он видел теперь только ее глаза.

— Так вот ты какая, — сказал он, беря ее за руки.

— Да.

Она сказала это с тенью гордости, гордости за то, что ей не стыдно показаться ему на глаза. А Лорка смотрел уже не на нее, а мимо нее, в прошлое. Губы

его плотно сжались, лоб прорезала глубокая морщина страдания, а на губах застыла улыбка. В душе Ники метнулся страх — однажды она уже видела это лицо. Ей тогда было всего пять лет.

Она поднимала мяч с зеленой травы, когда услышала какой-то гулкий выстрел. Она выпрямилась, не выпуская мяча из рук, и увидела над собой сказочного могучего гиганта. Лицо его было искажено тяжким страданием, мускулы вздулись резкими узлами и буграми. Он был так могуч, что, казалось, мог удержать само небо на плечах, как это делал Атлас. Но держал он совсем не небо, а какую-то нелепую громадину с металлическими полозьями, и эта громадина безжалостно гнула его мощное тело к земле.

— Вам тяжело, да? — спросила она с беспокойством и страхом.

Не отвечая, сказочный гигант грубо отшвырнул ее ногой, и Ника, и рядом с ней мячик покатались по траве. Когда обиженная и возмущенная Ника приподнялась на локте, сказочный гигант уже лежал на спине. А на него валилась громадина. Это было нелепо и непонятно потому, что с голубого неба светило теплое солнце и зеленела трава. Раздался хруст костей. Солнечный воздух вдруг задрожал от чьего-то неистового крика. Но кричала не Ника. И не поверженный человек, он просто не мог кричать — так крепко были стиснуты его зубы. Металлический полоз громадины вонзился человеку в живот. А сама она ткнулась в землю, едва не задев голову человека, перевернулась раз, другой и застыла в тупом бессмысленном покое.

Ника хотела закричать, но не смогла. Она вскочила на ноги, но земля и весь мир вдруг опрокинулись, синим озером блеснуло и разом погасло небо.

Это было тогда, а сейчас Лорка почувствовал, как отяжелели ее руки, заметил поблекшее лицо и прикрытые глаза.

— Что с тобой?

Ника со слабой улыбкой покачала головой:

— Ничего, сейчас пройдет.

Лорка бережно посадил ее на скамью. Он хорошо знал, что с ней, — она вспомнила. Им недаром не рекомендовали видаться, воспоминание было безжалостно, ослепительно и ярко, как то солнечное утро одиннадцатилетней давности. Тогда беспечная пятилетняя девчушка в погоне за непослушным мячом забежала в зону испытаний «катера невесомости». Произошла нелепая случайность — отказала основная энергосеть, заградительный барьер переключался на резервный источник питания, и этой полусекунды оказалось достаточно, чтобы девочка беспрепятственно проникла туда, где находиться было совсем небезопасно.

Катер невесомости пользовался у детей огромной популярностью. Это вагончик, сделанный в форме космонавтики, катавшейся по рельсовой дороге с умопомрачительно сложным профилем. Перепады высот, эффектные закругления — все это известно издревле. Новым было то, что отдельные участки дороги высотой в десятки метров были выполнены в форме параболических кривых, и, когда вагончик проносился по ним, пассажиры испытывали подлинное космическое чувство невесомости. Если учесть, что особая стереовизуальная аппаратура создавала в эти недолгие секунды эффект подлинного космического небосвода: то вблизи Земли на фоне океанских островов; то в районе Луны, когда на Землю можно взглянуть, как на глобус; то в дальнем космосе, когда Солнце видится просто ярчайшей оранжевой звездой, — можно понять, почему этот аттракцион так любили.

В катере в качестве эксперта-наблюдателя находился Лорка. Когда катер сорвался с креплений и его начало закручивать, Лорка усмехнулся — надо же, попал в аварию не где-нибудь, а в детском парке. А потом,

благоразумно опасаясь ненужных осложнений и травм, сбросил аварийный люк, мягко оттолкнулся ногами и, сгруппировавшись, с грацией и ловкостью огромной кошки приземлился на мягкий склон насыпи.

Еще в воздухе он услышал гулкий выстрел лопнувшей штанги, поэтому, приземлившись, он сразу же огляделся. И увидел, как несколько в стороне от него на склонившуюся к мячу девчушку, тупо вспахивая травяной дерн, съезжает катер в несколько центнеров весом. Лорка так никогда и не мог вспомнить, как он успел оказаться между вышедшей из-под человеческого контроля машиной и маленьким хрупким человечком. Но он успел и принял эту слепую упрямую машину сначала на руки, а потом на плечи. И все-таки Лорка вывернулся бы, если бы девчонка догадалась отбежать. Но нет, она изумленно смотрела на него и спрашивала с беспокойством и страхом:

— Тебе тяжело, да?

Несмотря на нечеловеческое напряжение, голова Лорки работала четко. Он знал, что пропал и в его распоряжении доли секунды. Единственный шанс — сохранить голову и пройти все семь кругов адских мучений регенерации искалеченного тела. Лорка отшвырнул ногой девчонку и рухнул на луговые цветы. Он успел услышать дикий, почти нечеловеческий вопль — это кричала мать девочки — и ощутить раскаленную вспышку боли, смявшей его тело. Но еще долгие мгновения, кто знает, сколько они длились — секунды, их доли, — Лорка неистовым усилием воли заставлял себя не терять сознания. И на фоне испепеляющей все его существо муки ликовать: он все еще мыслит, значит, он использовал крохотный шанс, дарованный ему судьбой, — голова цела.

Сжигающая боль и ликующая радость продолжающегося бытия оставили вечный след в его душе. И вот сейчас эта девочка, Ника, коснулась невидимой раны.

Ника смотрела на него, кумира своих грез, и детский ужас, вдруг прорвавший плотины забвения, медленно отступал.

— Тебе лучше? — Лорка легонько встряхнул ее руки, которые держал в своих ладонях. — Все в порядке, девочка, видишь — я здоров.

Она благодарно взглянула на него, благодарно потому, что он догадался о ее страхе, осторожно освободила свои руки и сказала укоризненно:

— Вы хромаете.

— Ты заметила? — удивился Лорка.

— Да. Это из-за меня?

Лорка кивнул и, увидев, как изменилось ее лицо, поспешно добавил:

— Хромота пустяковая. Но я привык, ликвидируешь хромоту, придется менять всю координацию движений. — Ника, не отвечая на его улыбку, серьезно смотрела на него, и Лорка, поколебавшись, признался: — Я берегу свою хромоту как память о том дне.

Она понимающе сказала:

— У меня тоже осталась память: я немножко заикаюсь, когда сильно волнуюсь. Это тоже легко ликвидировать, но я не хочу.

— Я знаю, ты долго болела.

— Долго, — согласилась она, — почти год совсем не говорила, только кричала во сне. Мне все снилось, как на вас валится та тележка. Я и сейчас это вижу. Закрою глаза и вижу.

Ника и правда закрыла глаза. Ресницы у нее были длинные, они не лежали спокойно, а мелко-мелко подрагивали.

— Не надо об этом, — мягко попросил Лорка.

Она открыла глаза и, встретив его взгляд, впервые ответила улыбкой на его улыбку. И сразу изменилась — суровое лицо помягчело, стало тоньше, одухотвореннее.

— Так вот ты какая, — повторил Лорка.

— Какая?

— Красавица.

— Что стоит внешняя красота, — сказала она равнодушно.

Лорка откровенно любовался ею.

Она это видела, и ей было приятно.

— Духовная важнее, — сказала она со спокойной убежденностью.

— Это почему?

— Потому что люди сейчас и так слишком увлечены телесной красотой.

Глаза Ники стали серьезными. Это были глаза человека, уверенного в себе, хорошо знающего, что он хочет и что он может. Лорка испытал легкий укол робости, а может быть, лучше сказать, почтения; такое случилось с ним в детстве, когда он, слушая рассказы о вселенной, которые вела его мать, нечаянно заглядывал ей в глаза. Ему всегда казалось, что мать знает еще нечто мудрое и тайное, чем высказанное словами. Может быть, это чувство сохранилось и сейчас вот всплыло во всей своей первозданной яркости потому, что мать его погибла во время испытаний новой модели нейтринного телескопа, когда ему было всего десять лет, и навечно осталась в его памяти мудрой полуженщиной-полубогиней. Лорка не без труда стряхнул с себя светлые и тяжкие воспоминания прошлого.

— Разве это плохо? — мягко спросил он. — Культ человеческого тела жил в Древней Греции, а греки создали одну из величайших человеческих культур.

Ника уже успокоилась и с интересом разглядывала Лорку. Она не была разочарована, в нем было меньше скульптурности, чем ей представлялось. Он был человеческое монументального образа, созданного когда-то ее детским воображением. Такой человек не мог не знать; что культура древних греков была сложнее и многограннее

простого поклонения человеческому телу. У греков была не только мать всего сущего Гея, но и богиня мудрости Афина, не только любвеобильная Афродита, но и богиня-девственница, отважная Артемида. И вообще, почему сейчас, в двадцать третьем веке, так много говорят о величии греческой культуры? Тоска о прошлом, о детстве, истинной человечности, к которой уже нет возврата? Но ведь детство — это не только светлое мироощущение и бездумная радость, но и беспомощность и слабость. Греки были если не рабами, то покорными поклонниками Судьбы — фатума.

— Греки были великими, — сказала Ника вслух, — но они были детьми. Мы же взрослые. Даже тогда, когда еще дети.

Она хотела добавить, что повзрослеть нелегко. Тяжело прощание с детством, переход в зрелость — страдание, безжалостное крушение одних кумиров и торопливое сотворение других. Но поймет ли это Лорка?

— Пожалуй, — согласился Лорка, — а двадцать второй век? Совсем недавно люди упивались простыми радостями жизни и возродили культ тела. Благодаря им мы покончили с хилостью и уродством, стали такими, как сейчас.

Ника улыбнулась:

— Люди, разделавшись с голодом, войной и эксплуатацией, просто немного сошли с ума от радости. В двадцать втором веке был праздник человечества, но ведь праздник не может длиться вечно.

Откуда такие мысли у этой девочки? Лорку поражало ее уверенное спокойствие, сквозь которое просматривалась легкая грусть. Словно еще не успев толком вступить в жизнь, Ника уже рассталась с какой-то желанной, но несбыточной мечтой.

— Чего же ты хочешь, девочка?

— Быть человеком, — ответила Ника без всякой аффектации, — только это очень трудно.

Она попала в самую точку, трудно быть настоящим человеком. Да, чтобы стать истинным гомо сапиенсом, человеку пришлось пройти через арены римских цирков, костры и пытки инквизиции, фашистские фабрики смерти, горнило революций и национально-освободительной борьбы. Чтобы быть настоящим человеком, не слугой, а господином своей судьбы, надо не только любить свое тело, но и уметь обуздывать его. Был еще один штрих в этой вечной проблеме, догадывалась ли о нем эта не по годам мудрая девушка-подросток?

— Быть просто человеком невозможно. Людей как таковых на свете не существует, есть мужчины и женщины. Ты женщина.

— Да, по рождению, — в голосе ее прозвучала досада, — но я не хочу быть женщиной. Не хочу быть ни возлюбленной, ни женой, ни матерью. Меня унижает все это.

Лорка молчал, и после паузы Ника продолжала:

— Есть девочки, которые жалеют, что не родились мужчинами. Я не жалею. Не хочу быть ни мужчиной, ни женщиной. Хочу быть просто человеком.

Лорка подумал, что было бы интересно встретиться с ней лет через пять и снова поговорить обо всем этом. А Ника, помолчав, сказала мягко, точно извиняясь:

— Скорее умру, чем стану рабой инстинктов.

Лорка понял, что это не просто слова, и сердце его сжалось: она выбрала светлый, но тяжкий путь. Наверное, бунт человеческого духа против тела в ее возрасте неизбежен. Так было, когда место звериных инстинктов с мучительной медлительностью заступали первые моральные правила и социальные законы.

Неизбежен конфликт между телом и духом и на высших стадиях разумного бытия. И может быть, Ника, ошибаясь, преувеличивая, увлекаясь, делает первые, неумелые, но все-таки верные шаги на этом пути. Вряд ли это принесет ей счастье. Что будет с ней, когда она

полюбит? А это случится с неизбежностью, восхода солнца.

— Зовешь ты меня Лоркой, а почему? — спросил он, меняя тему разговора. — Разве ты не знаешь моего имени?

— Знаю, — спокойно согласилась Ника, — но я уж так привыкла. Ведь Лоркой вас зовут и жена, и ваш лучший друг Тим, правда?

— Правда, — не сразу ответил Федор, голос его прозвучал сухо, почти бесстрастно. — Только нет уже моего лучшего друга Тима. Он погиб неделю назад.

Лорка проговорил это, не поднимая на девушку глаз, но все-таки уловил какое-то импульсивное ее движение и взглянул на нее. Ника была удивлена, даже больше — изумлена.

— Что с тобой? — встревожился Лорка.

— Со мной ничего, — медленно проговорила Ника, теперь Лорка разглядел в ее глазах не только изумление, но и тревогу.

— Да что с тобой?

— Лорка, — Ника волновалась, но она умела владеть собой, и голос ее звучал негромко и спокойно, — я не знаю, что и как, но вчера вечером, еще в Приморье, я видела Тима.

— Тима?

— Да. Тима, живого и здорового.

Лорка глубоко вздохнул.

— Ты ошиблась, девочка, — мягко сказал он.

Ника упрямо покачала головой:

— Я не ошиблась. Он ехал в закрытой машине вместе с Отаром Неговским. Отар лечил меня после того самого случая. Он всегда здоровается со мной, разговаривает. И на этот раз он остановил машину. Я хорошо рассмотрела — с ним вместе был Тим.

— Отар Неговский? Он работает в клинике Латышева?

— Да, у Латышева. — Ника видела, как тяжело задумался Лорка, и осторожно прикоснулась к его руке. — Что все это значит, Лорка?

— Не знаю, — медленно проговорил Федор.

ГЛАВА 12

Боковым зрением уловив некое движение, Отар Неговский поднял голову и изумленно откинулся на спинку кресла: на подоконнике окна, что выходило в парк, стоял человек могучего сложения. Отар прикинул, на каком этаже его кабинет — на первом или на втором? На втором. Оставалось предположить, что странный посетитель забрался на окно по наружной стене. Если учесть, что она увита диким виноградом, это не так уж сложно. Однако интересен способ наносить визиты! И что в конце концов нужно этому рыжему геркулесу? Перехватив взгляд Неговского, визитер бесшумно спрыгнул на ковер и, мягко, по-кошачьи ступая, направился к столу. Неговский сел в кресле поудобнее и приветливо проговорил:

— Присаживайтесь, гостем будете. — И несколько принужденно усмехнулся: — Вы частенько навещаетесь вот так?

— По мере необходимости, — хладнокровно ответил гость, опустил в кресло и представился: — Федор Лорка.

— Припоминаю. Отар Неговский.

— Знаю, — отрезал незванный гость. — Мне до смерти надоела ваша клиническая бюрократия, поэтому я и решил максимально ускорить процедуру проникновения к вам в кабинет.

За этой фразой стояла масса усилий и несколько

часов напрасно потерянного времени. После разговора с Никой Лорка ближайшей орбитальной ракетой вылетел с Гаваев в Приморск, где располагалась клиника Латышева. Попытка связаться со старым профессором по обычным каналам успеха не принесла — его видеофон был отключен от общей сети. Лорке разъяснили, что Латышев занят чрезвычайной работой и никого не принимает. Начиная раздражаться, Лорка пустил в ход весь свой немалый авторитет и добился-таки разговора по видеофону с профессором-затворником. Но это ничего не дало. Едва услышав, что с ним хотят говорить по важному, но личному делу, Латышев раздраженно бросил, что для личных дел у него сейчас нет времени, и выключил аппарат. Тогда Лорка рассердился окончательно и решил, несколько поступившись традиционной земной этикой, перейти на методы, которые он привык применять при разведке неосвоенных планет.

— Могу сказать со всей откровенностью, — Неговский говорил холодно, как и Лорка, — если вы и встретились с какими-то затруднениями, то не с бюрократией, а врачебной этикой. Точнее, врачебной тайной.

— Мне надоели и тайны.

— Вы ведете себя довольно оригинально. Если не сказать — бестактно. — У Неговского даже губы дрогнули от обиды.

— Мне не до пустопорожней пикировки. — Лорка в упор смотрел на Неговского холодным взглядом. — В вашей клинике тайно содержится мой друг, Тимур Корсаков, который официально считается погибшим. Я хочу знать, что это значит.

Лицо Неговского мгновенно смягчилось, отразив сложное чувство, похожее сразу и на сожаление и на сочувствие.

— Вот оно что, — пробормотал он вполголоса.

— Вы не отрицаете, что Тимур у вас?

Неговский взглянул на Лорку, тут же отвел глаза и глубоко вздохнул.

— Разумеется, не отрицаю. Тайна вокруг этой истории чисто вынужденная и временная мера. Через день-другой мы бы сами пригласили вас в клинику.

— Когда я смогу его увидеть?

Неговский взглянул на Лорку с каким-то странным выражением и опять отвел взгляд.

— Простите, но это невозможно.

— Я настаиваю. — Голос Лорки зазвучал негромко, но непреклонно.

— Я не так выразился, — поспешно поправился Неговский и досадливо поморщился. — Как бы это объяснить попроще? — Он на секунду задумался. — Вы знаете о последних экспериментах Латышева по юнизации?

— Нет.

— Эта информация во избежание ненужного ажиотажа распространена лишь в очень узком кругу специалистов. — Неговский помассировал себе лоб большим и указательным пальцами. — Надежда обрести вторую молодость, знаете ли, способна вскружить голову кому угодно.

— Я не понимаю, какое отношение все это имеет к Тимуру Корсакову, — холодно заметил Лорка.

— Сейчас поймете, — спокойно сказал Неговский. — Однако вам нужно набраться терпения и выслушать то, что я расскажу.

Рассказ Неговского чем-то походил на сказку, не на волшебную сказку седой древности, а новоявленную, принадлежащую двадцать третьему веку. Оказывается, от теоретических и технических изысканий к практическим опытам по юнизации Латышев перешел еще около года назад. Сначала активному омолаживанию были подвергнуты три дряхлые собаки, едва таскавшие от старости ноги. Одна из них погибла в ходе эксперимен-

та, зато две другие превратились в отменно здоровых псов. Опытные специалисты-кинологи, которым, не открывая тайны опыта, их предъявили для установления возраста, единодушно решили, что каждой из собак не более трех лет. Эксперимент по юнизации собак повторили много раз, пока Латышев не добился устойчивого и надежного эффекта омолаживания. Клиника перешла к юнизации обезьян, при этом выяснилось, что переход с одних видов животных на другие не ставит перед этой своеобразной системой лечения, лечения от самой смерти, каких-либо новых проблем и принципиальных трудностей. И тогда старый профессор решился на последний, ответственный шаг, завершивший его многолетние настойчивые поиски.

Рассказывая, Неговский увлекся, поднялся из кресла и начал расхаживать по кабинету; в его голосе зазвучали характерные лекторские нотки — наверное, он не первый раз и с удовольствием рассказывал эту почти фантастическую историю. Поначалу Лорку раздражал этот тон, и он применял некоторые усилия, чтобы быть внимательным и не перебивать Неговского. Но понемногу холодноватый академический рассказ врача, солидно приправленный специальными терминами, увлек Федора не меньше истории, изобилующей крутыми сюжетными поворотами. Трудно остаться равнодушным, когда слышишь об овладении одним из самых сокровеннейших и желанных для человека секретов — секрете второй, а может быть, и вечной молодости. Нет, он не забыл, подобно Неговскому, о Тимуре Корсакове, просто рядом с его еще не совсем понятной Лорке драмой встала другая, куда менее личная, но и куда более высокая и всеобщая проблема.

— Неужели Латышев решился на омолаживание людей? — спросил Лорка, в его голосе звучало недоверие.

Неговский, прерванный на полуслове, с некоторым

удивлением взглянул на Лорку, точно спрашивая самого себя: зачем в кабинете сидит этот человек

— Да, — торжественно сказал Неговский после паузы, — решился. Хотя лечение было применено, естественно, к добровольцам.

Неговский вдруг расплылся в счастливой улыбке:

— Успех был сенсационный, похожий на чудо. Оба старика, их было двое — один такой крепышок, а другой совсем уже древний дед — стали похожи на свои фотографии вековой давности. Молодые, красивые парни! Хоть в космос их посылай, хоть к центру Земли!

— Трудно поверить в это, — вслух заметил Лорка.

— И мне трудно! — проникновенно откликнулся Неговский. — Хотя я один из тех, кто своей мыслью, своими руками свершил это чудо!

И вдруг Неговский потух, точно внутри его померк некий волшебный светильник. Лицо его постарело, он усталыми движениями помассировал кончиками пальцев лоб и сказал, будто недоумевая:

— Недавно я прочитал «Фауста», сказку в стихах поэта Гёте. Не думайте, я не любитель древней поэзии, я вообще к ней равнодушен, да и времени у меня нет. Мне настойчиво посоветовали прочитать эту странную сказку для взрослых. — Неговский помолчал, сжав в одну линию тонкие бескровные губы, на лице его появилось выражение значительности, почти торжественности. — Знаете, наши предки размышляли над многими вещами, которые волнуют и тревожат нас с вами. Они знали поразительно мало, разум их опутывали глупые предрассудки, но каким-то наитием они угадывали тайны из тайн природы и человека. Они ставили и мысленно решали проблемы, которые мы решаем или только пытаемся решить сейчас!

Неговский на секунду остановил на Лорке задумчивый взгляд и спросил с некоторым сожалением:

— Вам, наверное, не довелось читать «Фауста»?

Лорка сдержал улыбку и серьезно ответил:

— Почему же? Случайно как-то попался под руку.

— Вам повезло. — Неговский снова задумался, сжав в одну линию губы. — Фауст получает вторую молодость, но взамен черт забирает его душу. Смысл тут в том, что человеку никогда и ничто не давалось даром. Всегда приходилось платить трудом, мыслью, отказом от удобств, самой жизнью, наконец. Но черт забирает у Фауста душу, понимаете? Фауст-юноша — уже другой человек, вместо счастья он приносит людям только горе и беды. Человек без старой души и еще не обретший новую. Как Гёте мог догадаться, что плата за вторую молодость будет такой дорогой?

Лорка уже понял, куда клонится причудливо развивающаяся мысль врача, и сердце его болезненно сжималось.

— Да, — продолжал Неговский скорее философски, чем с горечью, — плата за юнизацию оказалась именно такой — обоих добровольцев постигла полная амнезия — абсолютная потеря памяти. Они забыли все и вся, свое прошлое и настоящее, самих себя и своих близких. Они разучились читать, писать и считать. Они вернулись к новой жизни другими людьми — большими младенцами, впервые взирающими на мир. Полная амнезия — та же смерть личности, ничуть не менее определенная, чем при остановке сердца или потери крови. Разум возвысил человека над остальным миром, но тот же разум расширил власть смерти над человеком — он может умереть не только физически, но и психически. сойти с ума или потерять память.

— По этой причине, — помолчав, продолжил Неговский, — Латышев временно отказался от юнизации и попросил все, что касается его опытов, сохранить в полной тайне.

Лорка воспользовался паузой и наконец-то задал вопрос, который давно жег ему язык:

— Тимур реанимирован в вашей клинике?

— Да, — не сразу отвечал Неговский.

— И потерял память?

— Полная, абсолютная амнезия, — Неговский исподлобья сочувственно поглядывал на Лорку. — Вашего друга случайно подобрал исследовательский батиход на шельфе Гавайских островов. Его подобрали слишком поздно: восстановить дыхание и работу сердца удалось, но кора головного мозга успела умереть. К счастью, на подводном корабле находился представитель нашей клиники. Он знал, что комплекс юнизации позволяет в принципе восстанавливать нервные клетки даже после их фактической смерти, и настоял на срочной транспортировке утонувшего сюда, в Приморск. Тут и приняли решение об экспериментальном юнировании пострадавшего, а также о том, чтобы сохранить все в тайне до тех пор, пока не выяснятся результаты этого лечения. К сожалению, они не радуют.

— Но если лечение было начато, — не совсем уверенно предположил Лорка, — значит, кто-то надеялся и на лучший исход?

Неговский удивленно взглянул на него:

— Как это — кто? Разумеется, Латышев. Если бы не надеялся, он бы никогда не взялся за лечение вашего друга. Он и сейчас надеется, но на что надеется, не говорит.

Опершись рукой о край стола, Лорка поднялся на ноги.

— Я должен увидеть Латышева, — проговорил он, высказывая скорее решение, чем просьбу.

— Разумеется, — поддержал его Неговский, — он охотно поговорит с вами.

Лорка в сомнении качнул головой.

— Не уверен. — И коротко рассказал врачу о своих затруднениях.

Неговский поморщился:

— Скорее всего профессор просто не разобрался, в чем дело. Не судите его строго. Он своенравен, даже капризен, но очень честен и справедлив. А проблема юнизации так популярна, что нет-нет да и тревожат по пустякам.

Неговский оказался прав. Латышев принял Лорку в своем просторном кабинете буквально через минуту. Латышев долго молчал, иногда взглядывая на посетителя, сидевшего за столом напротив него. У профессора была еще крепкая фигура, львиное лицо и утомленные глаза. Большие старческие руки тяжело лежали на столе.

— Вы друг Тимура Корсакова? — спросил он наконец.

— Да.

— Близкий друг?

— Близкий.

Латышев провел ладонью по щекам, точно пытался разгладить свои морщины.

— И вы явились сюда, чтобы узнать, можно ли вернуть ему прежнюю жизнь?

— Не только узнать, но и сделать все возможное для этого.

В утомленных бесцветных глазах Латышева мелькнула насмешка:

— А по-вашему, что нужно сделать?

— Не знаю. Впрочем, мне известен рибонуклеид, который довольно эффективно стимулирует подсознательную память.

Латышев взглянул на него с некоторым интересом:

— Рибонуклеид Ревского?

— Он уже известен вам? — не скрыл удивления Лорка.

— Вся мировая информация, касающаяся мозга и его функций, в частности и памяти, поступает в нашу клинику по каналу, параллельному с главным компью-

терским. — Профессор пожевал губами. — Конечно, когда мы предпримем очередную попытку разбудить память Тимура Корсакова, он получит ударную дозу нейростимуляторов. Возможно, в составе препарата будет и рибонуклеид Ревского. Но этого мало. Мало!

Латышев внимательно взглянул на Лорку, потом прикрыл глаза густыми седыми бровями и спросил: —

— Тимур любил свою жену? Я имею в виду настоящую любовь. Как близкий друг вы должны знать об этом.

Лорка не отвечал, удивленно глядя на старого профессора.

— Я спрашиваю не из праздного любопытства. — В голосе Латышева послышалось раздражение.

— Думаю, что любил.

— Думаете?

— Уверен.

Старый профессор секунду пристально смотрел на Лорку, потом отвел взгляд, пожевал губами и ворчливо спросил:

— Вам говорили, что мои методы вызывают полную амнезию?

— Говорили.

— Чепуха, — сказал старик сердито, — не верьте этому.

И пояснил удивленному Лорке:

— Это верно лишь в отношении сознательной памяти, а мозг неизмеримо глубже этой верхней надстройки. Если бы амнезия была тотальной, разрушилась бы не только сознательная, но и подсознательная, родовая память. Исчезли бы все инстинкты и безусловные рефлексы. Остановилось бы дыхание, замерло сердце, прекратился обмен веществ. Люди умирали бы в ходе самой юнизации. Но они живут! Я уверен, — Латышев костяшками пальцев сердито постучал по своему высоченному лбу, — прошлое крепко хранится в их головах и

после юнизации, но оно спит! Спит летаргическим сном, а я, старый, не знаю, как разбудить его.

Латышев пошевелил губами и, глядя в сторону, продолжил:

— Есть одно чувство, глубокое, как сама жизнь. Любовь. Она пронизывает человека от самого сна инстинктов до снежных вершин разума. — Латышев усмехнулся, и притихший Лорка догадался, что старый профессор видит себя со стороны и сам посмеивается над своим красноречием. — Я не верю, что настоящую любовь может стереть клиническая амнезия. Раньше остановится сердце, а потом уже умрет любовь.

Латышев замолчал. Лорка сидел тихонько, боясь потревожить его мысли. А старик потер ладонью лоб и продолжал уже другим тоном, в котором не было ни ворчливости, ни скрытой боли, зато слышались менторские нотки:

— Любовь, как я мыслю, и есть та самая ниточка, которая может из бодрствующего подсознания привести в спящий разум. И разбудить его.

Латышев поморщился и добавил:

— Конечно, я не открыл ничего принципиально нового. И в античном мире да и в двадцатом веке при лечении психических недугов колоссальное значение придавали прямому влиянию одной личности на другую. В состоянии бодрствования или гипноза — сие не так уж существенно. — Он опять пожевал губами. — Потом мы увлеклись субмолекулярной биохимией нейтроников и как-то потеряли интерес к несколько таинственному и трудноконтролируемому влиянию одной личности на другую. А это влияние, хотя эффективность его невелика, многогранно и универсально. Новое — хорошо забытое старое.

Он вдруг оборвал себя, в упор взглянул на Лорку и предложил:

— Вот, если вы уверены, что Тимур Корсаков ис-

крепне и глубоко любил свою жену, можно рискнуть и устроить им встречу.

— А в чем риск?

Латышев объяснил это толково, подробно, обстоятельно. И пока он объяснял, сочувственно и в то же время чуточку ехидно поглядывая на Лорку, Федор внутренне поеживался — для любящего сердца риск был страшным.

ГЛАВА 13

Валентина пришла запыхавшись, щеки ее зарумянились от быстрой ходьбы, волосы растрепались.

— Что случилось, Федор? — напряженно улыбаясь, спросила она. — Почему от Тима нет вестей? Лорка улыбнулся ей в ответ:

— Сейчас объясню. Сядем, Валя. Так будет удобнее.

Беседка была скрыта в густой зелени. Лорка, придерживая за локоть, бережно усадил Валентину на диван, оставшись стоять на ногах.

— Валентина, — сказал он без паузы, — об этом вы должны были узнать раньше. Но все так перепуталось.

Он умолк, потому что Валентина стала бледнеть. Вопросительная, ждущая улыбка так и застыла на ее губах, но в ней не осталось ничего живого. Значит, она догадывалась. Значит, у нее не шла из головы их прошлая встреча, она думала о ней, значит, она тревожилась, интуицией любящей женщины чувствуя — с Тимом что-то неладно.

— Он жив? — шепотом спросила она.

Бледность Валентины приобрела меловой оттенок, по глазам ее Федор понял — она вот-вот потеряет сознание.

— Успокойтесь, — он сел рядом и взял ее за руку, — жив.

Руки ее были влажными и вялыми. С заметным усилием она овладевала собой.

— Жив? — недоверчиво переспросила она.

— Жив, — подтвердил Лорка. — Вы сегодня сможете его увидеть.

Кровь медленно прилиwała к ее щекам, мелкие капельки пота высыпали на верхней губе, глаза переполнились слезами.

— Зачем же вы так, — с укором сказала она.

Тут наконец слезы хлынули из ее глаз.

Лорка молчал. С нелегким сердцем он думал о том, что главное объяснение с Валентиной еще впереди. Вот он сказал ей, что Тим жив. И это правда, но не вся правда.

Лорка глубоко задумался и перестал контролировать себя. Лицо его отяжелело.

— Тим тяжело болен, Валентина, — начал он издаля.

Она перебила с вновь вспыхнувшей тревогой:

— Он может умереть?

— Нет!

— Он изувечен...

— Нет, уверяю вас.

— Да что же с ним такое? — с сердцем спросила она.

— У него амнезия. — Лорка, решившись наконец открыть ей истину, сказал это, будто прыгнул в воду холодную.

— Что? — она не поняла, а поэтому испугалась.

— Амнезия, — пояснил Лорка, — полная потеря памяти.

— Да-да, знаю, — быстро сказала она, — а это страшно?

Наморщив лоб, Валентина настороженно вглядывалась в лицо Лорки. Она не столько вникала в смысл его слов, сколько вслушивалась в интонацию его голоса, старалась догадаться, чем все это грозит ее Тиму. В эти мгновения она была почти ясновидящей, бесполезно бы попытаться скрыть от нее правду или смягчить ее.

— Страшно, Валя.

Она отвела глаза, задумалась, потом спросила быстро:

— Он и меня забыл? И Ниночку?

— Забыл.

— Совсем?

— Совсем.

— Навсегда?

Большие серые глаза Валентины смотрели на Лорку опустошенно, только где-то в самой их глубине пряталась отчаянная искра надежды.

— Может быть, и нет...

Она сразу оживилась:

— «Может быть»?

— Да, если вы согласитесь пойти на риск.

— Конечно, соглашусь. — Валентина уже улыбалась.

— Рисковать-то придется не собой.

Она сразу потускнела:

— А как же?

— Да в принципе-то очень просто. Вам нужно встретиться с Тимом, вот и все. Профессор, который его лечит, надеется, что Тим вас вспомнит. И тогда болезнь его пройдет.

Лорке и в голову не пришло рассказать Валентине, какое жестокое условие выдвигал Латышев как основу для преодоления амнезии — Валентину и Тимура

должна связывать подлинная, настоящая любовь. Только тогда возможна победа над забвением.

— А если не вспомнит?

— Тогда придется ждать — годы, десятилетия, а может быть, и всю жизнь.

Валентина глубоко задумалась.

— Все это мне понятно, — проговорила она почти про себя с оттенком недоумения. — Не пойму одного: в чем здесь риск?

— А в том, что Тим может полуузнать вас, — пояснил Лорка невесело. — Знаете, бывает такое мучительное состояние, когда вот-вот вспомнишь, а не вспоминается.

Валентина, не спуская с Лорки глаз, закивала головой.

— Такое может произойти и с Тимом, только чувство это будет гораздо глубже, шире и охватит все сознание.

— Он сойдет с ума? — быстро спросила Валентина.

— Возможно. Чтобы его вылечить, придется принудительно стирать в его сознании память о вашей последней встрече. И тогда он забудет вас навсегда.

— Это жестоко!

Что мог ответить Лорка? Он молчал, давая возможность Валентине взять себя в руки. Она посидела неподвижно, глядя в землю, потом тыльной стороной руки вытерла глаза и решительно поднялась на ноги.

— Я согласна!

Перед тем как идти на встречу с Валентиной, Лорка обговорил с Латышевым детали предстоящего свидания супругов, если, разумеется, Валентина согласится. Уладил он и все формальности, связанные с проблемами врачебной этики и тайны, что в душе, может быть и неправильно, он все-таки упрямо считал бюрократизмом.



Лорку и Валентину беспрепятственно пропустили в больничный парк. На этой поспешности Лорка тоже настоял заблаговременно, представляя, как мучительно будет Валентине каждая лишняя секунда ожидания.

Выйдя на широкую дорожку, обсаженную соснами и усыпанную светлым песком, Лорка остановился, легонько придерживав Валентину за локоть:

— Это и есть центральная аллея. А там сосна — видите, какая громадина? Возле нее скамья.

Море разгулялось, и с него дул ветер. Он ворошил траву, клонил ветки кустарника и трепал кроны вековых сосен. Сосны глухо роптали.

Лорка с трудом расслышал ответ Валентины:

— Вижу.

— На этой скамье и ждите Тима.

Она кивнула в знак согласия, но продолжала стоять на месте. Лорка осторожно подтолкнул ее вперед. Валентина оглянулась, точно прося помощи, но Лорка покачал головой — ее встреча с Тимом должна была состояться наедине, таково было жесткое условие Латышева. Тогда Валентина сначала медленно, неловко, будто только училась ходить, а потом уже быстрее, постепенно обретая свою обычную походку, пошла к сосне. Но дойти до нее она не успела, боковой тропинкой на центральную аллею вышел Тим. Валентина сразу узнала его. Это был ее Тим — высокий, худощавый, с рельефной мускулатурой шеи и оголенных рук. Он шагал уверенно, спокойно, рассеянно поглядывая по сторонам. Ветер трепал его мягкие русые волосы.

Так же рассеянно, как по деревьям и кустарнику, его взгляд скользнул по Валентине. Лорка, спрятавшийся при появлении Тима за сосну, крепко, так, что стало больно, прижался щекой к ее шершавому, золотистому, пахнущему смолой стволу.

Валентину била лихорадка ожидания, слабели, подкашивались ноги, но она упрямо шла вперед. Мир качался, плыл перед ее глазами, превращаясь в разноцветные радужные пятна. Она даже не знала — далеко ли, близко ли ее Тим. Ей казалось, что она идет в этом тумане сдерживаемых слез, долго, ужасно долго, целую вечность. Погас шум сосен. Всплыли звонкие, чистые вязи птичьих трелей. Валентина слышала только мерный шорох песка — это были шаги Тима. Она остановилась, провела рукой по лицу. Перед ней стоял Тим, вопросительно, непонимающе глядя на нее. «Тим!» — хотела крикнуть Валентина, но у нее только беззвучно пошевелились губы.

— Что с вами? — участливо спросил он.

— Тим! — наконец-то удалось выговорить ей.

Что-то дрогнуло, затрепетало в глазах Тимура. Как замороженный смотрел он в самую глубину больших серых глаз, полных слез.

— Валя? — испуганно спросил он.

Серые глаза закрылись, а на измученное лицо легла покойная усталая улыбка.

— Где же ты была, Валька? Так долго?

Шумно вздохнули сосны. Это озорной ветер, переводя дух, снова примчался с моря.

ГЛАВА 14

Лорка вел прогулочный глайдер над самыми вершинами деревьев. Внизу сплошным ковром тянулась дикая нетронутая сельва; здесь, в истоках Амазонки, располагался огромный заповедник тропического леса. Перевалив плоскую столовую гору, где лес был пореже, с проплешинами редкого кустарника и пу-

стошами, Лорка увидел тянувшееся до самого горизонта только что разбитое пространство нового жилого района. Остатки девственного леса были здесь облагорожены и превращены в сады, скверы и парки, русла речушек спрямлены и местами облицованы синтетиком, через них перекинuty ажурные мосты, кое-где синели пятна искусственных озер и прудов, небольшими комплексами грудились вспомогательные сооружения, дома отдыха и развлечений, а на все это была наброшена геометрически четкая сеть автострад, дорог и тропинок. Мельком оглядев это поле, отнятое человеком у природы, Лорка сориентировался и круто положил глайдер на крыло, направив его к операторской, стоявшей на краю гигантской строительной площадки. Сегодня здесь должен быть сооружен высотный город-дом на несколько десятков тысяч жителей — центр и средоточие нового жилого района. Здесь, глубоко под зеленым покровом леса, в верхних слоях мантии было неожиданно-негаданно обнаружено богатейшее месторождение тяжелых и долгоживущих трансурановых элементов, этого ценнейшего сырья энергетики, ядерной химии и нейтронной техники. Месторождение было настолько перспективным, что Всемирный совет решил отрезать у заповедника несколько десятков гектаров первозданной сельвы.

Операторская представляла собой прозрачный купол — фонарь полусферической формы высотой метров двадцати. Три мощных телескопических ноги поддерживали основание купола на высоте пятиэтажного дома. По краям купола торчали три реактивных сопла двигателей аварийной посадки, из центра днища спускалась ажурная шахта выдвижного лифта. К лифту и направился Лорка, оставив глайдер четырехколесному многорукому роботу на техосмотр и заправку. Проходя мимо телескопической ноги, Лорка с уважением шлепнул по сверхпрочному композиту — эти ноги должны

были вознести операторскую почти на трехкилометровую высоту. Когда Лорка подошел к лифту, дверь кабины распахнулась, Федор вошел в нее и через несколько секунд оказался в просторном вестибюле операторской. Здесь былолюдно и шумно, отдельными группами стояли и сидели гости, приглашенные на сборку дома-города.

К Лорке подошел дежурный в светлом костюме с оранжевой повязкой на рукаве. Федор представился, дежурный с улыбкой сказал, что его хочет видеть мастер-сборщик. Пройдя через вестибюль, дежурный остановился перед дверью с красной светящейся надписью «Операторская» и жестом пригласил войти. Вопросительно глядя на него, Лорка помедлил — красный цвет надписи говорил о том, что посторонним без крайней нужды вход в комнату воспрещен.

Дежурный улыбнулся:

— Входите, вас ждут.

Лорка нажатием кнопки открыл дверь, беззвучно скользнувшую в стену, и оказался в небольшой, но очень светлой комнате. За круглым столом сидела группа монтажников: мастер-сборщик и ассистенты. Мастер-сборщик, старый товарищ Лорки, Ришар Дирий отличался от других широкой зеленой повязкой на рукаве. Лорку заметили не сразу, а он сам намеренно задержался на пороге, чтобы понаблюдать за колоритной группой монтажников. Шел непринужденный разговор, сыпались шутки, но за этой внешней легкостью Лорка сразу уловил скрытую напряженность, умело спрятанное волнение, которое сопутствует любому ответственному делу, требующему мобилизации всех человеческих ресурсов, будь то спортивное соревнование, научный эксперимент, старт трансгалактического корабля или сборка дома-города. Новые жилищно-промышленные центры с основой в виде дома-города даже в двадцать третьем веке строились редко — не чаще одного раза в

несколько лет. Подготовка дома-города к сборке ведется месяцами, а сама сборка выполняется монтажниками за один рабочий день, в течение нескольких часов. Процесс сборки давно стал своеобразным видом искусства и спорта. Мастер-сборщик назначался на свою почетную и ответственнейшую должность после многих туров конкурсных соревнований, которые проводились, разумеется, на макетах. Сборка транслировалась по всем главным каналам мирового стереовидения и собирала сотни миллионов зрителей-болельщиков. Она была для монтажников не только трудом, работой, но и источником радости, творческого наслаждения. Пожалуй, именно в сборке наиболее полно и непосредственно находила выражение изначальная и неискоренимая жажда человека к созиданию. Едва Лорка шагнул вперед, как Ришар Дирий, сидевший на подлокотнике кресла, заметил его и поднялся навстречу. Они обнялись и легонько потискали друг друга — не виделись больше года. Ришар не изменился. Высокий, худой и жилистый — кости и туго свитые мышцы, рельефно обрисовывающиеся даже при легких движениях, ни грамма лишнего жира. На аскетичном удлиненном лице с запавшими щеками — большие глаза, то грустные, то озорные, то лучащиеся юмором, то цепкие. Глаза исследователя и философа. Ришар был феноменально одаренным человеком. Чем он только не занимался! Несколько лет ходил вместе с Лоркой в космос бортинженером и великолепно справлялся со своим делом. Он был отличным художником и скульптором, увлекался субмолекулярной биохимией и за серию теоретических изысканий получил звание доктора наук. Он занимался почти всеми видами спорта, отлично бегал, прекрасно плавал. Но добившись успеха, Ришар быстро охладевал к содеянному, некоторое время бездельничал, а потом с неслыханной энергией принимался за что-нибудь другое. Дирия ругали, увещевали, умоляли, ему говорили,

что он не бережет свой талант, что он неразумно теряет лучшие годы своей жизни, что талант — это не только одаренность, но и целеустремленность, и труд, труд и еще раз труд. Ришар выслушивал все это с озабоченным, даже виноватым лицом. Выслушивал и делал по-своему. Однажды, после долгого разговора с крупным ученым, который с жаром уверял, что истинное призвание Дирия общая философия, Ришар с какой-то грустью сказал Лорке: «Ну, как можно не понимать таких простых вещей?» И пояснил: «Одаренные люди бывают разными. Такими, как Ньютон, Микеланджело, Эйнштейн, всю свою жизнь отдающими одному-единственному делу. И такими, как Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гумбольдт, которых лишь одно, единственное дело способно было засушить и загубить на корню. И знаешь что, Федор? По-моему, время Эйнштейнов проходит, вернее, оно уже прошло, только мы еще не отдали в этом себе отчета. Грядет время Ломоносовых и Леонардо».

— Как здоровье Тима?

— Отлично! Уже приступил к тренировкам, — Лорка лукаво улыбнулся. — Как видишь, любовь делает чудеса.

— Н-да, — неопределенно заметил Ришар, — с этим, пожалуй, можно согласиться. Надо только учесть, что чудеса бывают разными. То, что Тим полез в штормящее море, тоже чудо, и скорее всего оно не обошлось без этой самой любви.

Большие глаза Дирия смотрели на Лорку сочувственно и немного насмешливо. И это было очень понятно: по отношению к любви они занимали различные позиции. Что касается Лорки, то его позиция была традиционна, как мир. Подростком, укоряя себя за грубую чувствительность, он едва сдерживал слезы, читая старинные и вечно юные строки «Ромео и Джульетты». А вот Ришар утверждал, что любовь — это тяжкое на-

следие животного прошлого человечества. С самым серьезным видом он уверял, что любовь мешает людям: вместо того чтобы творить и постигать сокровенные тайны природы, ошалелые люди часами смотрят друг на друга, бродят как лунатики ночью, вместо того чтобы спокойно спать и набираться сил на следующий трудовой день, горами изводят для подарков великолепнейшее порождение земной природы — цветы. Ришар сокрушенно говорил, что если бы ликвидировать эту пресловутую любовь или, по крайней мере, перевести ее на более рациональные, научно обоснованные рельсы, то производительность труда, особенно среди мужчин, повысилась бы, по крайней мере, раза в два. Надо было хорошо знать Ришара, чтобы во время этих академических холодных рассуждений заметить в его глазах и легкую грусть, и юмор.

Действительное отношение Ришара к женщинам было много сложнее, многограннее и тоньше его шутиливо-ядовитых деклараций. С любым существом женского пола, будь то девушка или зрелая женщина, Дирий вел себя с подчеркнутой деликатностью, которая, однако ж, была несколько суховата и почти никогда не переходила в нежность.

Все это не помешало ему пережить несколько любовных историй. Справедливости ради стоит сказать, что всякий раз активную роль в этих историях играли женщины, причем женщины волевые, умные и самолюбивые. Тем не менее Ришар оставался убежденным холостяком.

— Значит, ты отдыхал, — задумчиво проговорил Ришар и поднял на Федора серьезные глаза. — А до меня долетели слухи, что дело с экспедицией осложнилось.

Взгляд Лорки мгновенно обрел цепкость:

— Что-то случилось?

— Чего не знаю, того не знаю. — Ришар положил

руку на плечо Лорки. — У меня есть к тебе разговор, но это потом. Я рад, что ты прилетел. Мне очень хотелось, чтобы ты посмотрел нашу работу.

— Желаю удачи, Риш.

Когда Федор вышел в вестибюль, приглашенные уже тянулись по ажурным, невесомым лестницам в зрительный зал. Поднимаясь вслед за другими, Лорка думал о Ришаре. Сборка высотных домов-городов и других крупных сооружений была, пожалуй, самым долгим и непреходящим увлечением Дирия. Всерьез, с полной отдачей сил и возможностей он занялся этим делом около года назад и, как водится, быстро добился крупных успехов, выдвинувшись в число лучших мастеров. Правда, не видать бы ему этого дома в новом комплексе «Укаяли», если б ведущий мастер-сборщик не попал в клинику, сломав руку во время прыжка на лыжах с трамплина-гиганта. Может быть, Ришар настроен сегодня так торжественно потому, что чувствует — наступает новый этап в его увлекательной, бурной и несколько путанной жизни?

Лорка думал о Ришаре и чуть заметно по-доброму улыбался. Он хорошо знал, почему Дирий так хочет, чтобы бывший командир увидел его в настоящем, почетном деле. Ришар трижды ходил с ним в дальний космос бортинженером, а перед четвертым рейсом, когда до вылета оставалась всего неделя, нанес Федору дружеский визит. Он собирался не то рассказать о чем-то, не то посоветоваться, это сразу было видно, да никак не решался. Лорка его не торопил.

— Ты любишь цирк, Федор? — вдруг спросил Ришар.

— Да ничего, вполне добротное искусство.

Дирий мечтательно вздохнул:

— А я обожаю цирк. По-моему, это искусство высокое и вечное. Мужество, бесстрашие и почти полная мобилизация возможностей человеческого тела. Экви-

либристика, акробатика всегда юны и прекрасны, как сам род человеческий.

Лорка сидел, наклонившись вперед, опираясь локтями на колени, и серьезно разглядывал бортинженера.

— Что-то ты издалека заходишь, Риш, из-за угла.

— Прямая-то — кратчайшее расстояние только на бумаге, Федор.

Было в лице Дирия что-то странное, а что, не понять: грусть, презрение, надежда? Странное, темное, но привлекательное. Как неожиданный ночной дождь среди зимы.

— Я только недавно узнал, — продолжал Ришар после паузы, — что это именно в цирке родилось выражение «потерять кураж», которое в ходу у нас, космонавтов. В цирке, правда, чудно?

Да, это выражение было в ходу у космонавтов-гиперсветовиков. Кураж — храбрость в дословном переводе со старофранцузского языка. Но в двадцать третьем веке это понятие стало многограннее, шире.

— Что ты скажешь, если я откажусь идти в космос? — спросил Ришар.

Лорка секунду непонимающе смотрел на него.

— Ты?

— Я, Федор, я. Два последних рейда я мучился.

У космонавтов-гиперсветовиков потерять кураж не значило потерять храбрость, способность на смелые, рискованные поступки. Это значило потерять внутреннюю уверенность в делах, лежащих у границ человеческих возможностей. Тренированный человек, даже потеряв кураж, может преодолеть себя и волевым усилием заставить четко работать в самых экстремальных условиях. Но тогда работа, прежде доставлявшая ему радость и удовлетворение, превращается в каторгу. Она изматывает силы, истощает нервы, притупляет интерес ко всему на свете. Даже восход солнца такой человек встречает с неприязнью — впереди еще один день му-

чений, еще день борьбы с самим собой. Такой человек, невзирая на самую высшую квалификацию, рано или поздно обязательно сорвется. Два рейда, целых два рейда Ришар мучил себя и, хотел он этого или не хотел, ставил под удар других!

— Что же ты молчал? — с досадой и сочувствием сказал Лорка.

Дирий вздохнул:

— Стыдно. Другие же летают, почему я не могу?

Да, Ришар Дирий принадлежал к славной категории людей долга! Но ведь и долг имеет свои границы, переходить которые преступно. Не каждому дано все.

— Разве можно так ломать себя? — тихо сказал Лорка. — Уходи с легким сердцем. Найди себе другое дело и будь там молодцом. Вот где истина.

С тех пор прошло пять лет, и Ришар, кажется, наконец нашел свое настоящее дело.

Зрительный зал операторской располагался под самой крышей купола. Здесь амфитеатром расположились удобные мягкие кресла — как в театре, а вернее, как в цирке. Зал был до отказа заполнен зрителями: представителями Всемирного и специального советов, делегатами от научных, производственных и культурных организаций, а главным образом монтажниками, для которых предстоящая сборка представляла еще и профессиональный интерес.

Едва Лорка вошел в зал, как раздался негромкий, но звучный трехтоновой сигнал, возвещавший о начале сборки, и зрители начали рассаживаться по креслам. Сквозь прозрачную переднюю стену зрительного зала была хорошо видна стройплощадка дома-города. Центральное место занимал мощный фундамент почти квадратной формы, уходивший под землю на несколько десятков метров. Лорка знал, что к фундаменту уже были подведены все необходимые коммуникации: энергетические, информационные, жизнеобеспечивающие и транс-

портные. Справа и слева от фундамента тянулись две ленты конвейера-гиганта, похожие на широкие дороги. Сходство с дорогами усугублялось тем, что на лентах один за другим были установлены исполинские монтажные блоки — целые здания в обычном понимании этого слова. Некоторые блоки достигали десяти этажей в высоту, но были сравнительно узки в основании — это были комплексы жилых квартир. Другие блоки были много шире, а по высоте не превышали двух-трех, редко пяти этажей. В таких блоках располагались общественные комплексы: столовые, павильоны, внутренние парки, театры и спортивные сооружения. За фундаментом, между конвейерами, прямо напротив операторской высился постамент, площадка для размещения робота-сборщика.

А внутри операторской, прямо перед Лоркой, внизу располагался макет строительной площадки, выполненный в строжайшем масштабе. Были тут и миниатюрные конвейеры, на которых стояли макеты монтажных блоков, похожие на детские кубики, а вернее, на детали набора детского конструктора-строителя. Между конвейерами в операторском кресле со шлемофоном на голове, положив руки на колени, восседал Ришар Дирий — мастер-сборщик. Лорка достал из кармашка костюма универсальный пикофон и вставил в ухо. И вовремя — как раз проходили доклады ассистентов-монтажников:

- Силовая готова.
- Киберкомплекс готов.
- Пост безопасности готов.
- Есть общая готовность!

После легкой паузы эхом откликнулся подчеркнуто спокойный, со стертými эмоциями голос Ришара:

- Подъем роботу.

По тому, как с деревьев, стоявших неподалеку от стройплощадки, плеснулись в небо птицы, Лорка понял,

что робот пробуждается не беззвучно. Ради любопытства Федор на секунду вышел на внешнюю связь и был разочарован, если только это слово можно применить к данной ситуации. Ни рева, ни воя; над стройплощадкой стоял глухой гул пробудившихся механизмов, похожий на отдаленный рокот моря или на шум леса, волнующегося под сильным ветром; птицы просто реагировали на изменение обстановки. Под аккомпанемент этого могучего глухого гула над пьедесталом, по ту сторону фундамента, медленно воздвигалась мощная колонна диаметром в несколько метров. По мере подъема становилось все заметнее, что колонна состоит из плотно уложенных ферм и что колонна, собственно, не воздвигается, а раскладывается, растягивается вверх как гармошка. Достигнув высоты двадцатизэтажного дома, колонна замерла, начала разворачиваться и за считанные секунды превратилась в стандартного робота-строителя. Кажалось, он сидел, сложив на коленях суставчатые руки-рычаги, но на самом деле никаких колен не было, и робот не сидел, а стоял, опираясь на телескопические ноги, несравненно более мощные, чем опоры операторской. У робота была изящная треугольная голова с большими телескопическими глазами и узкое тело-скелет, собранное из несокрушимого нейтрида и никак не отражавшее подлинной титанической силы этого исполнителя. Робот был сейчас похож на дремлющего, чудовищного богомола, ханжески сложившего свои страшные передние лапы.

— Зеркальный режим! — слышалась команда Ришара.

— Есть зеркальный!

— Беру управление на себя.

Краем глаза Лорка видел, как Ришар нажал клавишу на своем боковом пульте. В тот же миг дремлющий исполнитель ожил: он сдвинулся чуть влево и вперед, шевельнул плечами-фермами, точно сбрасывая с них

незримые цепи, и пошире развел руки: это сработала система синхронизации, приводя корпус робота и тело мастера-сборщика в строгое пространственно-зеркальное соответствие. На мгновение ослепительно вспыхнули и тут же погасли телескопические глаза. Пластично повторяя движения Ришара, робот поднял полусогнутые руки-рычаги над головой, развел их в стороны, потом, опустив локти так, что ладони оказались на уровне плеч, несколько раз сжал и разжал свои исполинские кулаки и легонько поиграл пальцами в воздухе, точно сбрасывая накопившееся во время дремы напряжение. Это была последняя, кинематическая проверка готовности робота к сборке. Все движения исполина скрупулезно копировавшего движения мастера-сборщика, были замедленны, заглаженны, словно производились они не в воздухе, а в воде. Резкие движения, в принципе доступные человеку, роботу были строжайше запрещены — инерционные силы его могучих рук, нагруженных тысячами тонн, разломали бы, разорвали суставы. В этой заглаженности, пластичности, но вовсе не замедленности движений и состояло сложное искусство мастера-сборщика. Конечно, сохранить такой образ движений мастеру помогала система обратных связей. Но работать «на обратных связях» значило в несколько раз увеличить расход сил, потерять точность движений и через десяток-другой минут либо наделать браку, либо пойти отдыхать. Несмотря на своеобразие, все движения робота были удивительно человеческими; мало того, в них четко проецировалась индивидуальность, свойственная Ришару Дирию. В этом подобии груды металла, нейтрида и композитов реальной и неповторимой человеческой личности было нечто мистическое и жутковатое. Впрочем, Лорка хорошо знал, что к образу «жившего» робота быстро привыкаешь и перестаешь замечать несоответствие между насекомоподобным обликом и чисто человеческой кинематикой.

Закончив своеобразную контрольную гимнастику, Ришар объявил:

— Всем службам и постам. Полная готовность к сборке.

Снова последовала серия докладов ассистентов-монтажников, завершавшаяся рапортом:

— Есть полная готовность!

На лбу робота-сборщика неярко засияла контрольная зеленая фара. Непринужденно копируя движения Ришара, робот повернулся к правому контейнеру, всеми десятью пальцами захватил на транспорт арматуру, громадный, во всю ширину фундамента первый монтажный блок, поднял его и плавно понес по назначению. Даже сюда, в изолированное помещение операторской, донесся резкий, хотя и заглушенный, посторонний звук — это взвыли ракетные двигатели, помогавшие переместить эту неимоверную тяжесть — первый блок был самым грузным из всех. Мягко посадив блок на фундамент, робот отложил в утиль отделившуюся арматуру, а другой рукой легонько придавил блок сверху, на секунды придержав ее. В эту короткую секунду между фундаментом и блоком прошли сотни процессов автоматической стыковки: сварки, склейки, спайки, Лорка улыбнулся попутной мысли, какими запутанными петлями движется и технический прогресс, и человеческое творчество. Ведь все эти самосрабатывающие узлы стыковки создавались сначала исключительно для космической сборки. Лишь потом, когда эти узлы обрели простоту и дешевизну, свойственную развитой инженерии, они перекочевали из космоса обратно на Землю и понемногу вытеснили львиную долю всей остальной строительной технологии.

Между тем дом-город рос прямо на глазах, буквально копируя игрушечный дом-город, который Ришар собирал в монтажном зале операторской. И по мере того как все выше и выше вздымалось сооружение, теле-

скопические подъемники поднимали вровень с его верхом очередные монтажные блоки, робота-сборщика и всю операторскую. Через сорок минут работы, когда дом-город поднялся почти на полукилометровую высоту, в работе был сделан стандартный двадцатиминутный перерыв. Монтажники отправились на отдых и разминку, а зрители, оживленно переговариваясь, потянулись в вестибюль, где тоже можно было отдохнуть и перекусить.

В вестибюле, лавируя между группами людей, к Лорке торопливо подошел дежурный.

— Вас вызывает на связь Дом Всемирного совета.

Вызывал Федора Ревский. Даже по экрану видеофона можно было понять, что Теодорович озабочен и очень спешит.

— Срочно вылетай в столицу.

— Что-нибудь случилось? — осторожно спросил Федор.

— Да.

Ревский замолчал, поколебался — говорить или нет, но все-таки спросил:

— Если тебе предложат не один корабль, а эскадру, согласишься командовать?

— На Кику?

— Да.

— Неужели дело так серьезно?

— Серьезно. Но ты не ответил на мой вопрос, — в голосе Ревского послышалось раздражение.

— Согласен.

— Вылетай немедленно.

Несколько секунд Лорка сидел перед погасшим экраном видеофона, обдумывая разговор. Почувствовав руку на своем плече, он поднял голову. Рядом стоял Дирий.

— Ты спешишь, Федор, поэтому без всяких предид-

словий. — Ришар на секунду замолчал. — Я бы с удовольствием пошел с тобой на Кику.

— Ты? — не мог скрыть удивления Лорка.

— Я хочу снова вернуться в космос, к делам не только сложным, но и опасным. Я возмужал за эти пять лет, Федор. Не бойся, не подведу. — Он заглянул в самую глубину зеленых Лоркиных глаз и требовательно спросил: — Ты мне веришь?

— Как самому себе, — без всякой аффектации ответил Лорка.

Ришар улыбнулся.

— Тогда имей меня в виду. Пойду, надо продолжать сборку.

— Удачи тебе, Риш.

Лорка проводил Дирия взглядом и поднялся из кресла. Надо было лететь в столицу.

ГЛАВА 15

Администратором Дома Всемирного совета оказалась совсем еще зеленая девчушка, скорее всего студентка, проходившая здесь летнюю практику. Она сидела за дугообразным столом, похожим на пульт управления гиперсветового корабля, и старательно выражала на лице всю важность и ответственность порученного ей дела. Однако глазенки у нее были быстрые и очень любопытные.

— Товарищ Ревский, — пояснила она с некоторой важностью, четко и округло выговаривая слова, — делает доклад членам Всемирного совета и приглашенным лицам. Заочно по закрытому каналу стереовидения в заседании принимают участие отраслевые советы науки и инженерии.

Глядя мимо девушки, Лорка уважительно присвистнул — такого рода глобальные советы проводились лишь по самым важным и острым общечеловеческим проблемам. Мысленно повторяя слова девушки, Лорка с проснувшейся вдруг глубокой тревогой вспомнил о версии инопланетного кикианского вмешательства в земные дела.

Между тем девушка-администратор рассматривала Лорку с почти детским, бесцеремонным любопытством.

— Вы ведь Федор Лорка? — не столько спрашивая, сколько утверждая, проговорила она.

Лорка, отвлекаясь от своих мыслей, перевел на нее взгляд:

— Не буду отпираться, угадали.

Она расплылась в улыбке и не выдержала, похвасталась:

— Знаете, у меня отличная зрительная память, поэтому меня и стажируют на администратора. — И, снова надев маску официальности, девушка уведомила: — Товарищ Ревский просил, если вы опоздаете больше, чем на пятнадцать минут, а вы опоздали почти на полчаса, пройти в сектор отдыха, найти там Соколова и получить у него консультацию.

— Соколова? — переспросил Федор с интересом.

— Соколова Александра Сергеевича, эксперта-социолога. Перед пленарным заседанием он сделал важное информационное сообщение на секции космонавтики. Соколов предупредил, что будет находиться на территории бассейна. Он невысокий, кругленький такой и очень веселый. — Девушка явно гордилась своей осведомленностью и четкостью работы.

— Спасибо за информацию, Соколова я знаю, — вежливо сказал Лорка.

— И еще, — заторопилась девушка, видя, что Федор собирается уходить, — Теодорович, я имею в виду товарища Ревского, просил вас из сектора отдыха не ухо-

дить и обязательно его дожидаться. Он или найдет вас, или вызовет.

Девушка зарумянилась из-за того, что так запросто, по-домашнему назвала председателя Совета космонавтики, поэтому, выходя из холла, Лорка ободряюще улыбнулся ей и подмигнул.

Соколов сделал важное информационное сообщение, а теперь делает доклад Ревский — тут было о чем подумать! Лорка знал, что ждать Теодоровича придется недолго — полчаса, от силы час. Расширенные заседания Всемирного совета всегда были короткими, ведь для участия в них, чаще всего заочно, отвлекались от основной работы люди, руководившие общественной жизнью, наукой, искусством и инженерией всего земного сообщества. Сектор отдыха Дома Всемирного совета имел стандартный набор помещений: крытый сад, спортивный зал, бассейн, фильмотеку и комнаты отдыха. В этом секторе поселялись гости, прибывающие с других материков и из космических поселений, ждали приема, отдыхали после дел и даже решали немаловажные вопросы, если для этого не требовались специальные помещения.

Информация девушки-администратора была точной: Соколов сидел за одним из столиков, что рядом тянулись вдоль бассейна на почтительном от него расстоянии. В самом бассейне плескалось несколько человек, голубоватая вода колыбалась мелкими волнами и пахла морем. Соколов был в одних купальных трусах, на шее у него висело белоснежное полотенце. Поза его была расслаблена, на красном лице умиротворенное, благодушное выражение. Чувствовалось, что он в досталь попарился в баньке, входившей в комплекс бассейна, и теперь отдыхал душой и телом. Перед Соколовым на столике пофыркивал паром золотистый самоварчик с пузатым фарфоровым чайником наверху. В руке эксперт держал стакан крепчайшего, дышащего паром,

только что заваренного чаю. Предварительно подув на чай сложенными трубочкой губами, он прихлебывал глоточек, отправлял в рот полную ложечку вишневого варенья, прихлебывал еще глоточек, удовлетворенно отдувался и вытирал лицо полотенцем. А немного передохнув, снова повторял это ритуальное действие. Несмотря на свое разнеженное состояние, Соколов еще издали заметил Лорку и приветственно помахал ему рукой.

— Долой труд и да здравствует отдых? — Лорка присел за столик напротив эксперта.

— Долой и да здравствует, — благодушно согласился тот, вытираясь полотенцем. — Что мне? Я свое дело сделал. Пусть теперь другие делают свое. Налить стаканчик? Сам кипятил, сам заваривал.

— Не откажусь. Это по вашей милости Всемирный совет собрался?

— По моей, — скромно признался Соколов, пододвигая Федору стакан парящего напитка темно-вишневого цвета. И пожаловался: -- Устал как собака. Да я всегда так: закончу дело --- сразу в парную баню, в бассейн и за чай.

— И всегда в Доме Всемирного совета?

Соколов захохотал, неторопливо свершил очередной пикл своего чайноритуального действия и добродушно сказал:

— Если честно, то до Всемирного добрался первый раз. Эскадру вам хотят доверить, слышали?

— Краем уха.

— Не откажетесь?

— А почему я должен отказаться? — Лорка рассеянно помешивал чай ложечкой, он любил пить его не горячим, а тепловатым.

— Да чем-то недовольны, нервничаете. — Голубые глаза Соколова смотрели хитро и весело. — Вы когда нервничаете, прихрамываете чуть заметнее обычного.

Лорка с интересом взглянул на эксперта:

— Надо же, углядели!

Соколов сокрушенно вздохнул:

— Профессия такая.

— Глазастая профессия. — Лорка попробовал чай, убедившись, что он приостыл, добавил в него несколько ложечек варенья, размешал и залпом выпил сразу полстакана. — Нет, от Кики я не откажусь, дело принципиальное.

— Варвар вы, Федор, — печально сказал Соколов, осуждающе глядя на Лорку. — Кто же так пьет этот волшебный напиток? Честное слово, и чаю жалко, и своих трудов. А выдержка у вас железная, можно сказать, собачья выдержка.

Лорка вскинул на него зеленые глаза и засмеялся:

— Великий вы мастер говорить комплименты.

— По моим меркам это комплимент самого высокого сорта. Две больших любви я пронес через всю свою жизнь — любовь к детям и любовь к собакам. Все остальное как-то и в какой-то степени было связано с обязанностями.

— Даже чай? — не без коварства спросил Лорка, доливая свой стакан.

— После парной бани чай выходит за рамки обычных категорий. — Соколов помолчал. — Вы уже догадались, что я отыскивал серьезные доказательства в пользу версии о вмешательстве инопланетян в наши дела?

— Догадался.

— И несмотря на то, что умираете от любопытства, не задаете вопросов. Нет, не зря я так горячо рекомендовал вас Ревскому на должность командира всей эскадры.

Лорка прямо взглянул на эксперта:

— А он спрашивал у вас рекомендацию?

Соколов хохотнул, пряча голубые глаза между распаренных щек.

— Не посягайте на профессиональные тайны. Он спрашивал не о вас, а о качествах, которыми должен обладать командир. А я высказался не в обобщенных категориях, а персонифицированно.

— А теперь мучитесь сомнениями?

Соколов покачал головой:

— С вами невозможно разговаривать, Федор. Ну, немножко мучаюсь, вернее, мучился. Я ведь считаю: самое главное, что нужно, дабы ухватиться за этих инопланетян, — выдержка и терпение. И я еще раз убедился, что эти качества у вас имеются в избытке.

Лорка смотрел на Соколова с интересом, к которому примешивался легкий оттенок недоумения и досады. Профессиональный эксперт! Не по случайным обстоятельствам или необходимости, а по призванию и убеждению. Подвергать все и вся сомнению — его жизненное кредо и норма поведения. И тем самым он незаметно, но определенно выводил себя за рамки того мира доверия, в котором жил и о нуждах которого пекся.

Соколов между тем аккуратно вытер полотенцем лицо, шею, плечи и грудь.

— Как вы думаете, Федор, — спросил он вдруг очень серьезно, хмурия свои редкие белесые брови, — сколько времени утонувший Тимур Корсаков пробыл в море, пока его подобрал батиход?

Внимательно присматриваясь к эксперту, Лорка медленно проговорил:

— Вероятно, минут десять, может быть, двадцать.

Соколов с несколькими таинственным видом отрицательно мотнул головой.

— Больше? Тогда час, случались такие чудеса реанимации, когда вода оказывалась очень холодной.

Соколов выдержал эффектную паузу и торжественно сообщил:

— Больше полутора суток. А точнее, тридцать восемь часов с минутами.

Лорка надолго задумался, глядя на прозрачно-голубую, легонько колышущуюся воду бассейна.

— Если тут не кроется какая-то грубая ошибка, факт очень серьезный.

— Ошибки нет. Я человек дотошный, иначе бы никогда не докопался до этого чуда. А когда докопался, перепроверил по разным каналам десятков раз. После меня проверяли другие. Нет, — с флегматичной убежденностью заключил Соколов, — об ошибке не может быть и речи.

Лорка пожал плечами:

— Почему же на это сразу не обратили внимания?

— Слишком много людей и организаций занимались вашим другом. Поиск Тимура вели и отдыхающие, которые видели, как он нырнул в штормовые волны. А нашла его тело совершенно случайно научная экспедиция. Там же его реанимировали, взяли все анализы, но, поскольку сознание пробудить не удалось, на эти анализы никто вначале не обратил внимания. Эвакуировали Тимура спешно на случайном турболете, который вышел на батиход по сигналу бедствия, а анализы так и остались на батиходе. Сначала мозг Тимура пытались разбудить в гавайской реанимационной клинике, а когда ничего не получилось, Корсакова, опять-таки спешно, направили в клинику Латышева. А старого профессора не интересовали ни предварительные анализы — в его распоряжении были куда более точные методы диагностики, — ни время гибели Тимура. Да и вообще, пресловутые несколько минут клинической смерти, о которых и вы говорили, были для всех аксиомой.

— Но не для вас.

— Не для меня, — не без самодовольства согласился Соколов и тут же оговорился: — Во всем виновата ваша инопланетная версия. Я сказал себе, что если в наши дела действительно вмешивается некто из космоса,

то в гибели и последующем воскрешении вашего друга должно быть нечто необъяснимое с земной точки зрения, чудесное. Я пересмотрел документацию и, по правде говоря, довольно легко отыскал это чудо.

Лорка в раздумье поигрывал чайной ложечкой, отчего отраженные блики лампы-солнца скользнули по его лицу.

— Не верить вам нет оснований. Но и поверить трудно. В голове не укладывается.

— И мне было трудно, — живо подхватил Соколов. — И знаете, как я поступил? Промолчал. Подумал, что если уж я сам себе не верю, то другие тем более не поверят. Промолчал и начал в поте лица собирать другие доказательства свершившегося чуда. В таких необыкновенных ситуациях факты, знаете ли, должны бить с подстраховкой.

Соколов сделал паузу, желая, вероятно, услышать об отношении Лорки к его поступку, но Федор промолчал. Соколов действовал в духе Соколова, по-своему очень логично и последовательно. Чем поразительней факт, чем больше он выпадает из обыденных норм, тем основательнее, дотошнее должна быть аргументация в его пользу. Преждевременное оглашение необыкновенных событий за редкими исключениями лишь способствует их компрометации; перестроить потом общественное мнение на серьезный лад бывает очень трудно. Пожалуй, и сам Лорка в подобной ситуации действовал аналогичным образом. За одним исключением: он непременно поделился бы своим открытием с близкими друзьями.

— После батихода и гавайской больницы, — продолжал свой рассказ Соколов, — я сделал, так сказать, набег на клинику Латышева и теперь уже там перетряхнул все материалы о Тимуре до последней цифры, точки и запятой. — На круглом распаренном лице Со-



колова сквозь благодущие победителя прорисовалось упрямое, даже злое выражение.

— Врачи встретили меня не очень-то приветливо, — вздохнул эксперт. — Их можно понять — ведь они с головой погружены в очень важную и интересную работу. А тут является какой-то эксперт, совершенно некомпетентный в области геронтологии и юнизации, начинает копаться в архиве и приставать с расспросами. И это по поводу человека, который уже выписался из клиники и благоденствует! Меня так и подмывало рассказать о своей тайне, но я стискивал зубы и сдерживался. В конце концов мне повезло. И честно говоря, если бы не повезло, получилось бы ужасно несправедливо!

Соколов передохнул, отпил глоток чая. Но чай уже поостыл, поэтому Соколов еще раз вздохнул и отодвинул подстаканник подальше. Лорка слушал эксперта увлеченно, стараясь угадать, что же такое удалось обнаружить дотошному эксперту в клинике Латышева. Таинственный гравитационный микропередатчик? Кибернасекомое с запасами рибонуклеина? Шифрованное послание? Может быть, таинственные отпечатки пальцев-щупалец? Но так и не угадал. А обнаружил Соколов вот что.

Один из самых первых развернутых анализов крови Тимура Корсакова оказался не совсем обычным — нормально-нестандартным по официальной классификации. Констатация означала, что у Тимура есть некоторое отклонение от стандартного состава крови, но отклонения укладываются в пределы допусков и не угрожают неприятностями. Соколов, разумеется, сразу же ухватился за это обстоятельство и принялся выяснять, в чем состояла нестандартность. Оказалось, что характеристики нестандартных факторов хранятся не в истории болезни, а в архиве, в специальной картотеке. Если бы такого рода характеристики оставались в истории бо-

лезни, то она распухла бы до невероятных размеров, объяснили Соколову. Пока он добирался до архива, все должностные лица достаточно доброжелательно старались растолковать ему, что нормально-нестандартные факторы ничем не угрожают здоровью людей, к тому же состояние Тимура Корсакова теперь отменное. Соколов же с упорством носорога пробивался к архиву, из-за чего приобрел репутацию формалиста и довольно нудного человека. Добравшись до картотеки, Соколов наконец-таки выяснил, что нестандартность состава крови состояла в ее несколько повышенной против нормы гамма-радиоактивности. С копией этой драгоценной карточки Соколов проконсультировался у нескольких известных геронтологов. Они утверждали, что в повышенной гамма-радиоактивности крови нет ничего особенного. Причины этому могут быть самые разнообразные. Чтобы установить конкретную, нужен повторный анализ той же самой пробы крови, если она, разумеется, сохранилась.

Выяснив, что проба крови Корсакова законсервирована и пока сохраняется, Соколов потребовал повторить анализ с помощью самой совершенной контрольной аппаратуры. Со стоицизмом религиозного фанатика он выдержал довольно неприятный разговор с Отаром Неговским. Сначала довольно мягко, а потом уже сердито Отар пытался разъяснить Соколову, что аппаратура высокой точности перегружена и нерационально загружать ее экскурсами в историю болезни ныне здорового человека. Соколов упрямо стоял на своем, соглашаясь работать в любые часы, хоть ночью. А что касается лаборантов, то он уже договорился о создании нештатной инициативной группы из молодых врачей-стажеров. Неговский мысленно проклял упрямого Соколова, а вслух выдал свое согласие.

Сговорчивость стажеров, согласившихся работать ночью, когда добрые люди спят, объяснялась просто:

Соколов туманно намекнул им на возможность некоего сенсационного открытия.

И сенсация состоялась. В плазме крови Тимура Корсакова удалось обнаружить точечный источник импульсной и очень слабой гамма-радиоактивности. Этот источник не удалось идентифицировать, хотя он перемещался в плазме крови так же, как и молекулы, по законам броуновского движения. Источник излучал отдельные гамма-кванты постоянной энергии с высокой постоянной частотой повторений — один импульс в семнадцать секунд. Как будто бы работали незримые субъядерные часы. Конечно, при еще большем увеличении, естественно, удалось бы обнаружить материального носителя — излучатель этой энергии. Но лаборатория Латышева аппаратурой с таким увеличением не располагала — для целей юнизации она попросту не нужна. А обследовать таинственный излучатель в каком-либо физическом институте не удалось — он исчез, и при довольно эффектных и загадочных обстоятельствах.

Когда недоверие, удивление и первые шумные восторги пошли на убыль, а сам факт существования незримого излучателя был запечатлен бесстрастным компьютером, стажеров, а вместе с ними и Соколова охватила исследовательская лихорадка. Используя микроэффектор и разные приставки к нему, они решили, как выразился руководитель инициативной группы, «пощекотать» загадочный источник гамма-излучения. Это «щекотание» должно было выливаться в воздействие на излучатель разными физическими и химическими агентами. Но долго экспериментировать не пришлось. Как только в точке гамма-излучения понизили температуру до двадцати градусов вместо нормы, соответствующей температуре человеческого тела, на экране наблюдения развернулось удивительнейшее зрелище, а приборы зафиксировали взрыв биологических процессов. Видео-

картина напоминала замедленный взрыв или извержение некоего микровулкана, причем плазма крови активно участвовала в этом крошечном биокатаклизме. В результате на месте этого извержения образовалась самая заурядная клетка со всеми своими специфическими компонентами: плазматической мембраной, ядром и органеллами. Сразу же после формирования клетки начался бурный митоз, скорость которого на два-три порядка превышала скорость обычного клеточного деления. Если полный цикл естественного митоза занимает обычно не менее часа, то здесь деление клетки завершалось за десять-двадцать секунд! В результате начался лавинообразный рост клеточной материи, которая в ходе дальнейших опытов была идентифицирована с нервной тканью человека. Вдруг, словно по команде, этот немыслимый процесс прекратился; одновременно было зафиксировано исчезновение точечного источника импульсной радиоактивности.

Самое ужасное, что эти уникальные данные о вторжении в земную биосферу чуждой жизни могли бесследно исчезнуть. Происходящее настолько потрясло молодых врачей, что они побросали свои рабочие места и столпились возле видеоэкрана, жадно следя за происходящим. Да и можно ли судить их за это, разве людям часто приходится видеть чудеса? Но когда процесс молниеносно-лавинообразного деления клеток вдруг прекратился, руководитель инициативной группы вдруг вскричал свирепо: «А запись?!» Его предчувствие оправдалось, о записи забыли. Ребята были готовы рвать на себе волосы от отчаяния и досады, когда Соколов, вытирая платком лицо, спокойно сказал: «Вообще-то, я на всякий случай включил дублирующую аппаратуру стереосъемки». Через несколько секунд лихорадочной проверки выяснилось, что микрофильм контрольной съемки прекрасно удался, и Соколова принялись качать. А поскольку весил он много больше, чем

это представлялось с первого взгляда, — уронили. Соколов расшиб локоть, который молодые врачи тут же в лаборатории со смехом и шутками привели в идеальное состояние.

Лорка слушал Соколова, переживая сложную противоречивую гамму чувств. Больше всего, конечно, его, космонавта-гиперсветовика, а стало быть, ученого и инженера, поразил самый, теперь уже твердо установленный факт вторжения чужой жизни и разума. Проблем тут возникала масса! И на самый главный вопрос — результат это злой или доброй воли — не было однозначного ответа. Воздействием рибонуклеида Тима бросили в штормящее море и утопили — это безусловное зло. Но с помощью непонятного и пока недоступного людям взрывного клеточного генезиса этому же Тиму обеспечили восстановление разрушающихся тканей и сохранили жизнь. Это уже добро! Таинственный некто настойчиво, упрямо пытался сорвать экспедицию на Кику, но добивался он этого мягкими, можно сказать, гуманными средствами. И кто знает, может быть, это вершилось во имя блага людей?..

И странно, Лорку восхищал и раздражал Соколов — человек, сделавший первый шаг к раскрытию космической тайны. Он восхищал его волей, настойчивостью и целеустремленностью. Через сколько порогов и рогаток пришлось ему перешагнуть! Пожалуй, именно этими качествами человек двадцать третьего века прежде всего отличается от своих близких и далеких предков. Набив себе после удачной охоты брюхо едой, палеоантроп спал и предавался удовольствиям, пока не кончались запасы мяса, только после этого он снова превращался в истинного предчеловека. По-своему мудрый грек испытывал странную, безвольную покорность перед фатумом — предначертанной, как ему чудилось свыше, судьбой. И даже на самом пороге коммунизма люди в мельтешении будней порой теряли перспективы

и погрязали в обыденщине. Нет, не таков даже самый заурядный человек новой эпохи! Да и вообще — есть ли заурядные люди?

Но целеустремленность еще ничто сама по себе, не менее важна личная самоотреченность во имя общих благ. И вот в этом плане Соколов удивлял Лорку своей прямо-таки атаквистической ограниченностью. Эксперт жил в узком коридоре специфических интересов, чем-то и как-то отгороженный от остальных людей. Это свойство натуры Соколова Лорка отметил давно, однако оно его больше забавляло, чем шокировало. И вот теперь это, казалось бы, невинное свойство характера вылилось в раздражающее благодушие. В земной человеческий дом протянулась чужая рука, злая или добрая, неизвестно, а Александр Сергеевич, очень довольный собой и своей работой, преспокойно распивает чай с вишневым вареньем!

— Итак, — вслух сказал Лорка, — разгадку рибонуклеида, генетического взрыва и других тайн решили искать не на Земле, а на Кике?

— По крайней мере, таковы рекомендации Совета космонавтики, которые приняты после моего сообщения. — Соколов поудобнее вытянул ноги. — А это резонно, все логические нити замыкаются именно на Кике. Убежден, что Всемирный совет примет эти рекомендации. Разве можно допускать безнаказанное вмешательство в наши земные дела?

Лорка внимательно, без улыбки смотрел на Соколова.

— А ведь нелегко придется на Кике, как вы полагаете, Александр Сергеевич?

— Полагаю, что нелегко, — благодушно согласился эксперт. — А почему вы так внимательно разглядываете мою скромную персону?

— Да вот, все хочу сделать одно предложение и никак не решусь.

— Это на вас непохоже.

Лорка усмехнулся, насмешливо щуря свои зеленые глаза.

— Просто вы меня плохо знаете. Так вот, Александр Сергеевич, предлагаю вам принять участие в экспедиции на Кику.

Голубые глаза Соколова округлились:

— На Кику? Я?

— Вы.

— С какой стати?

— С той же, что и все остальные. Подумайте.

Лорка отодвинул стул и поднялся: он заметил Ревского, вошедшего на территорию бассейна.

ГЛАВА 16

Лорка любил смотреть, как готовит Альта, а сегодня это было приятно ему вдвойне. Можно было подумать, что Альта готовит не пищу, единственным и вульгарным назначением которой являлось набить опустевший желудок, а некое чудодейственное лекарство, призванное спасти бедное человечество от ужасной болезни.

— А чем ты будешь меня угощать?

— Шашлыком по-карски, — с некоторой таинственностью сообщила Альта.

— Шашлыком? — оживился Лорка. — Значит, нужен настоящий огонь?

— Конечно. Ты помнишь, где уголь?

В глубине души Лорка скептически относился к убежденности Альты, будто настоящий огонь не в состоянии заменить никакие чудеса современной кухонной техники. Он подозревал — дело не в незаменимости примитивного жара углей, а в кулинарном консер-



ватизме. Но Лорка помалкивал, он очень любил, когда в их доме горел настоящий огонь — величайшее открытие человека, неведомого бесстрашного мудреца древности.

— А как это, по-карски? — любопытствовал Лорка, который по ассоциации вспомнил Карское море и Новую Землю. — С приправой из льда и снега?

— Увидишь.

За окном угасал день. Багровые блики от пылающих углей ложились на темную атласную кожу Альты, в ее светлых глазах мерцали пурпурные искры. Кухня была похожа на пещеру, а сама Альта — на ведунью, которой доверили таинство приготовления еды, этого зримого божества древнего мира. Запахи дыма, горящего жира, паленого мяса, тлеющего угля были не менее гибки и многоцветны, чем запах цветов и плодов, только гуще, тяжелее, таинственней. Они рождали смутную тревогу и ликование, спрятанное в подсознании удачной охотой, ночным мраком и огнем костров далеких тысячелетий. Поразил Лорку и вид и вкус этого праздничного шашлыка, приготовленного Альтой. К обыкновенным шашлыкам Альта приучила его давно.

Это были кусочки душистого мяса с прослойками жира и обугленной косточкой. Несмотря на восторги Альты, Федор вначале пытался привередничать, будто блюдо ничуть не лучше синтез-баранины, которой на космическом корабле можно изготовить сколько угодно. Но понемногу он разобрался, уловил дикую прелесть этой еды и обнаружил, что особенно приятно повозиться с обугленной пережаренной косточкой.

Но в этот торжественный день, наслаждаясь едой, Лорка испытывал тайную психологическую неловкость. И хотя он щедро расточал комплименты кули-

нарному искусству Альты, она довольно быстро догадалась — тут что-то не так.

— Ты мне так и не сказал, по какому поводу у нас сегодня праздник? — спросила Альта.

— Знаешь, не успел, заработался. Уж очень вкусно ты все приготовила, — пошутил Лорка.

— А я и без тебя знаю, — с некоторой обидой проговорила Альта, — слышала, как ты говорил с Теодоровичем по видеофону. Он сказал, что совет принял твой вариант. И ты окончательно утвержден начальником экспедиции и командиром корабля.

— Разве хорошо подслушивать?

Альта не приняла шутки:

— Лорка, ты обещал взять меня на Кику. Ты не забыл?

Федор отвел взгляд и помрачнел.

— Обстоятельства изменились, Альта, — виновато сказал он. — Теперь это невозможно.

— Я догадывалась. Иначе бы ты не отмалчивался, — почти спокойно проговорила Альта и вдруг загорелась: — Возьми меня, Лорка! У меня все сердце изболится за тебя. Я с ума сойду!

— Это невозможно, — тихо, но твердо ответил Федор.

Альта угасла, она знала: когда Лорка говорит таким тоном, просить его или спорить с ним бесполезно. Но все-таки спросила:

— Невозможно, почему?

— Почему? — рассеянно повторил Лорка. Он перебирал в памяти своей последний разговор с Ревским.

Теодорович, перекинувшись несколькими незначительными фразами с Соколовым, увлек Лорку за собой в крытый сад. Здесь было прохладнее, чем на территории бассейна, пахло влагой, зеленью и цветами. Шелестели брызгалки, орошая газоны и клумбы ис-

крестыми веерами мельчайших капель; шипел и звенел, рассыпая хрустальную струю воды, небольшой фонтан. На диванах и в креслах в одиночку и группами отдыхало десятка полтора человек. Из укромного уголка, скрытого цветущим жасмином, доносились отголоски приглушенного, но бурного спора. По дороге Ревский уточнил, о чем Соколов успел проинформировать Федора.

Выбрав свободный диван, Ревский предложил Лорке сесть, а сам занял место напротив. Юношески стройный и подтянутый, в мягком снежно-белом костюме, Теодорович выглядел молодо, только дочерна загорелое, рубленое, в резких морщинах лицо выдавало истинный возраст. Ревский держался с почти неприметной торжественностью; сейчас напротив Лорки сидел не добродушный садовод и винодел-любитель, а представитель Всемирного совета и председатель Совета космонавтики. Он сообщил, что предложение о посылке на Кикку эскадры гиперсветовых кораблей утверждено. Количество кораблей и состав экспедиции определит Совет космонавтики после детальной проработки программы исследований Кики. Все работы по подготовке и снаряжению экспедиции будут выполнены в предельно сжатые сроки.

— Почему такая спешка? — в раздумье спросил Лорка.

Он перехватил удивленный, сердитый взгляд старого космонавта и счел нужным пояснить:

— Я понимаю, вторжение чужой жизни и чужого разума на Землю не может не тревожить. Но ведь все происходит в очень мягкой, деликатной форме. Никаких экссессов и взрывов, ничего...

Ревский остановил его нетерпеливым движением руки:

— Ты не знаешь главного, Федор. Не знает об этом и Соколов. Да и никто пока не знает, кроме членов

совета. — Ревский помолчал и жестко закончил: — Вчера с базы на Плутоне угнали патрульный гипер-световой корабль.

— Как это — угнали? — не понял Лорка.

— А вот так, был корабль, и нет его. — Ревский видел, что Лорка так и не может осмыслить этот факт, и пояснил: — Угнали, украли. Так же, как в прежнюю эпоху угоняли чужие автомобили или захватывали самолеты.

Лицо Федора отяжелело, разгладились мелкие морщины, четче прописались черты.

— Кто? — коротко спросил он, глядя прямо в лицо Ревского.

С трудом выдерживая этот холодный, «тигриный» взгляд, старый космонавт пожал плечами:

— Если бы знать! Во всяком случае, весь состав базы налицо. А поскольку на Плутоне каждый человек на строгом учете, значит, угнали корабль не люди.

Лорка невесело усмехнулся:

— Вернее, нелюди.

— Можно и так, — Ревский досадливо хмыкнул, — черт знает что! Никто и никогда не охранял гиперсветовые корабли. Зачем? Когда хватились, гиперсветовик уже вышел на разгон, а на разгоне, сам знаешь, догнать его невозможно. На запросы не отвечает, идет курсом в сторону Кики.

Лорка молчал. Он сидел, закинув ногу на ногу и крепко сцепив на колене пальцы рук. Взгляд Ревского невольно задержался на этих длинных, ловких и сильных пальцах зрелого человека двадцать третьего века. Пальцах, которые могли невесомо скользить по клавишам пульта управления, безошибочно орудовать микроманипулятором, завязывать узлом толстый железный прут, а сжатые в кулак нанести молниеносный смертельный удар.

— Федор, — негромко и веско проговорил Ревский, — по поручению Совета космонавтики я теперь уже официально предлагаю тебе принять командование эскадрой.

Лорка выслушал и отвел взгляд на нежные зеленые травинки, трепетавшие под ударами капелек воды.

— Ну? — несколько раздраженно поторопил его Ревский.

— Думаю, Теодорович, — спокойно ответил Федор.

Ревский усмехнулся, дернув углом жестокого рубленого рта.

— Думаешь, не отказаться ли?

— Угадал.

Ревский медленно распрямился, откинувшись на спинку дивана. Выдержав его острый, испытующий взгляд, Лорка сказал:

— Насколько я понял, на Кике предполагается провести разведку боем.

— Ну, боем — это слишком громко сказано.

— Скажем поосторожнее — разведку силой, с многократной подстраховкой.

— Это уже ближе к истине. Один корабль на подстраховке в дальнем космосе, один-два — в ближнем и два-три корабля — непосредственно на Кике.

— Так вот, — Лорка говорил неторопливо, медленно, но очень уверенно, — я долго размышлял и пришел к выводу, что из разведки силой ничего не выйдет. Не тот у вас противник, впрочем, почему противник?

— Другом его тоже не назовешь.

— Верно. Это просто сосед по космосу и собрат по разуму.

— Одного разума еще мало для братства. Истинное братство — это братство этики и морали. Не будь слепым пацифистом, — возразил Ревский.

— Не буду. Но обратите внимание, как тонко, я бы сказал, нежно действует наш космический друг-враг. Никаких глобальных катаклизмов! Направленное воздействие на психику отдельных лиц да и то с подстраховкой, которая гарантирует их от возможной гибели.

— А угон корабля?

— Они убедились, что экспедицию на Кикю не удержишь, поэтому пошли на отчаянный шаг, чтобы обеспечить нам достойную встречу в своей альма-матер. А вот какую, добрую или враждебную, опять загадка.

— Если вспомнить серию смертей на Кике, вряд ли эта встреча будет доброй, — упрямо гнул свою линию Ревский.

— Когда погиб Лагута, кикиане нас еще плохо знали. К тому же Кика — это их, а не наша епархия, они вольны действовать там более свободно. И разве можно быть уверенным, что на Кике мы, люди, не причинили им гораздо больше зла во время своих бесцеремонных изысканий?

Ревский вздохнул, с сожалением и некоторой иронией разглядывая Лорку.

— Неужели ты думаешь, Федор, что все эти тонкости взаимоотношений с Кикой не обсуждались на совете? Что они не найдут отражения в программе исследований? — Лицо Ревского приобрело жесткое, упрямое выражение. — Но мы не имеем права держать Землю под дамокловым мечом возможных бедствий! А если так, разведка Кики становится неотъемлемой необходимостью.

Лорка мягко улыбнулся старшему товарищу:

— Я не против экспедиции, Теодорович. Я против эскадры.

Ревский приподнял бровь, отчего его высокий тем-

ный лоб собрался морщинками, холод непонимания в глазах сменялся догадкой.

— Ты понимаешь, Теодорович? Я против эскадры, против целой армии исследователей, вооруженных мощными средствами, которыми Кику можно распороть и растерзать на составные части. Нужен обычный разведывательный корабль. И еще нужна бездна терпения, осторожности и дотошной наблюдательности. Во главе такой экспедиции я встану с легким сердцем. И что хорошо, действуя таким образом, мы не нарушим решения Всемирного совета: состав эскадры и экспедиции нам дано определить самим.

Ревский молча смотрел на Лорку, глаза его окончательно смягчились, потеплели, а потом стали грустными.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что приносишь себя в жертву? — спросил он наконец.

— Это слишком громко и слишком мрачно. — Зеленые глаза Лорки теперь лукаво щурились. — Ведь я могу вернуться с победой и на веки веков прославить свое скромное имя. Я иду на серьезный риск, это верно.

— Ты поведешь с собой других людей.

Лорка вздохнул:

— Верно. Но со мной пойдут добровольцы. Разве Земля оскудела героями?

Ревский опять надолго замолчал. Когда на совете решался вопрос об эскадре, ему самому пришла в голову эта шальная, как он тогда подумал, мысль: а что, если пойти на Кику рядовым патрульным экипажем? И еще он подумал о том, что будь он сейчас молодым командиром корабля, то непременно выдвинул бы это предложение. Подумал, но вслух ничего не сказал, посчитал, что в устах председателя совета такое предложение будет слишком легковесным, даже легкомысленным.

— Я поддерживаю твоё предложение, Федор, — сухо-
вато сказал он. — Сегодня же вечером ты узнаешь
окончательное решение совета.

Лорка провел рукой по лицу, прогоняя воспомина-
ния. Разве мог он рассказать Альте обо всем этом?
Ей ведь и так придется нелегко.

— Причин много, — виновато сказал он вслух. —
Поверь мне, тебе нельзя на Кикю.

Альта помолчала, потом встала и начала нервно
убирать со стола остатки праздничного ужина. Лорка
поспешно взялся помогать ей.

— Оставь, — с досадой сказала Альта.

Но Лорка так и не отстал.

Когда они молча закончили свою нехитрую работу,
Лорка заглянул в глаза жены и старательно изобра-
зил на лице улыбку, но она по-прежнему смотрела на
него отчужденно. Тогда Лорка взял ее за руку, подвел
к стене и засветил большое зеркало. Там, за стеклом,
возникли и взглянули на них могучий светло-рыжий
мужчина и тонкая темнокожая женщина с большими
голубыми глазами.

— Видишь? — тихонько спросил Лорка.

Он приложил что-то голубое, сверкающее к воло-
сам Альты и зажал в кулаке.

Альта мгновенно гибко обернулась и перехватила
его руку.

— Покажи!

Она принялась нетерпеливо разжимать его кулак,
их пальцы — светлые и темные — переплетались. Но
с таким же успехом Альта могла пытаться разжать
стальную клешню робота.

— Лорка!

Федор засмеялся и разжал кулак. На его ладони
лежал прозрачный голубой камень с лесной орех вели-
чиной в серебристой оправе и с такой же цепочкой.

Камень искрился веселым холодным огнем, как сказочная капля росы.

— Какая прелесть! Это алмаз?

— Не знаю. Подобрал на Стиксе, сам гранил, сам делал оправу и цепочку. И получил персональное разрешение на провоз контрабанды.

Альта нерешительно протянула руку и осторожно взяла украшение. Цепочка со звонким шепотом рассыпалась во всю длину тяжелой серебряной струйкой.

— Чудо!

Камень доверчиво лежал на темной ладони Альты, играя тихими молниями внутреннего света. Альта снизу подобрала струю цепочки в ладонь, приложила камень к плечу, к груди, а потом ко лбу. Теперь у нее было три глаза, три голубых огня на тонком темном лице.

— Красиво?

Лорка улыбнулся:

— Красиво, да страшновато.

— Правда?

Альта на секунду прильнула к нему, и он услышал торопливый стук ее сердца и ощутил тонкий запах волос; человеческое существо, наделенное страстями и желаниями, которые ему, Лорке, до конца понять не дано. Недавно он видел ее на совещании ученых, которые сыпали мудреными формулами пищевой химии. А сейчас она как ребенок радуется красивой игрушке, позабыв о своих тревогах и печалях.

Альта отстранилась, мельком оглядела себя, поцеловала Лорку в щеку и скользнула в свою комнату — ей хотелось примерить украшение наедине с собой. Но Лорке было видно ее отражение в зеркале. Со смешанным чувством иронии и умиления он наблюдал за древними, как сам род человеческий, движениями Альты. За движениями прихорашивающейся женщины, которая, может быть, и сама не догадываясь об этом,

хочет сделаться красивой и желанней. Вдруг поймав себя на том, что подсматривает, как мальчишка, он отвернулся, увидел в окне полную луну, улыбнулся и выключил свет.

Вместе с темнотой через широкое окно в комнату хлынул водопад лунного света. Комната преобразилась, стала неузнаваемой и сказочной: ковер превратился в лужайку, поросшую травой, стол — в мрачного длинного зверя, а зеркало — в ледяную стену.

Лорка подошел к окну. Да, погода переменилась. Облака рассеялись, луна висела над вершинами деревьев в окружении звезд.

— Нет, — услышал он голос Альты, в нем звучала досада, — носить этот камень невозможно.

— Почему?

— Такой камень! Неловко. Его место в музее, — Альта вздохнула, — может быть, на груди певицы или на лбу танцовщицы — их видят миллионы. А кто я?

По голосу Альты было слышно, что она все еще разглядывает себя в зеркале.

Лорка улыбнулся:

— Ты моя жена.

— Ну и что? Лорка, я никак не расстегну цепочку, помоги!

Лорка прошел в комнату Альты, чуть щурясь от яркого света, и сообщил:

— А на улице луна.

— Правда?

— И морозец. Может быть, погуляем?

— Нет, Лорка, я устала.

Расстегнув цепочку, он положил камень на столик и мимоходом спросил:

— Ты знакома с Виктором Хельгом?

Альта повернулась к нему лицом. Улыбнулась чуть-чуть, почти незаметно.

— Знакома. Он чем-то похож на тебя.
— Разве?
— Не внешне. И не характером. — Альта помолчала и призналась: — Я не знаю, как объяснить это.
— Он тебе нравится?
— Да, — без колебаний призналась Альта.
— И что?
— Лорка, глупый, — грустно сказала Альта, — разве мало на свете мужчин и женщин, которые нам нравятся или не нравятся? Даже таких, которые нас восхищают? Но люблю я одного тебя. И никогда не позволю себе полюбить другого. Разве ты этого не знаешь?

На какое-то мгновение зеленый и голубой взгляды растаяли друг в друге. Альта красива особенной красотой, но были женщины и красивее ее. Альта умна, но Лорка встречал и других, с которыми ей трудно было сравниться. Она хороший друг, но разве у него мало друзей? Лорка любил ее и не только за все это, а еще и за редкостный бесценный душевный дар — за преданное сердце. Только ей да еще Тиму он верил безраздельно, может быть, больше, чем самому себе...

Лорка стоял в темноте, улыбался и слушал легкое дыхание Альты. В зеркале, похожем на глыбу льда, другой Лорка тоже слушал движение и улыбался. А через прорубь окна все лился, ложился на ковер неслышный лунный свет.

ГЛАВА 17

Массивная дверь задвинулась медленно и бесшумно. Последний луч, и Ревский с Лоркой остались в полной темноте. Понадобилось время, чтобы

глаза начали различать звезды над головой и ломаные силуэты сооружений. Земля ощутимо вздрагивала под ногами от работы механизмов большого телеинформара. Казалось, что в воздухе стоит легкий гул, похожий на звук полета далекого шмеля.

Дорожка, едва видная при зыбком свете звезд, вывела их к ограде из кустарника, за которой начиналась нетронутая, чуть всхолмленная целинная степь. Ревский приостановился, оглядываясь вокруг, и спросил:

— Ведь лучше, чем в помещении. Чувствуешь?

— Чувствую, — без особого воодушевления согласился Лорка. — Зрю, внимаю, обоняю и осязаю. Ночь темна, пустыня внемлет тишине, и звезда с звездой говорит. Холодновато вот только.

— Холодновато? С твоей-то фигурой?

— Чем больше фигура, тем больше потери на излучение. — Лорка поежился и глубокомысленно заметил: — Нет, вовсе не случайно слоны и бегемоты живут в Африке.

Ревский засмеялся.

— Но вообще-то я не возражаю, — поспешил добавить Федор, — гулять так гулять, потерплю. Да здравствует первозданная природа!

— Тогда пройдем дальше в степь, придется быть здесь не меньше часа.

Они ожидали известий об угнанном «Вихре» и о Кике и прилетели на телеинформар, чтобы получить их из первых рук и тут же, на месте, принять решение о дальнейших действиях. Согласно данным слежения «Вихрь» несколько часов назад должен был выйти на кикоцентрическую орбиту. Что последует вслед за этим?

Слежение за «Вихрем» в сильной степени облегчало одно загадочное обстоятельство, послужившее причиной споров не только между Ревским и Лоркой, но

и между всеми другими, кто был причастен к Кикианской экспедиции. На угнанном корабле на протяжении всего полета исправно работали ретрансляторы телеметрической системы. «Вихрь» словно намеренно оповещал землян о своем маршруте, а ведь стоило нажать кнопку и выключить ретрансляторы, как корабль стал бы невидим через несколько суток после старта с Плутона. Лорка считал, что, сообщая свой маршрут, кикиане, как умели и могли, демонстрировали свое дружелюбие по отношению к людям и как бы предлагали последовать за собой. Ревский возражал: предыдущие действия кикиан, в частности угон корабля, уж никак не совместимы с дружелюбием. Он утверждал, что похитители корабля попросту не сумели детально разобраться в работе его систем и опасались, что выключение ретрансляции нарушит автоматическое управление.

Миновав кустарник, Ревский и Лорка пошли напрямик, без дороги. Под ногами шуршали и похрустывали сухие осенние травы, пахло полынью и пылью. Закрывая звезды, угольными силуэтами тянулись к небу башни и мачты телеинформара. Плавно вращалась гигантская чаша центрального приемника. Ее тягуче замедленное движение напоминало сонный взмах крыла огромной птицы. Вдруг высоко над телеинформаром сверкнула ослепительная рубиновая молния, осветив пугающим мрачным светом здания, антенны и степь от края до края — стала видна каждая былинка. И тут же бухнул тяжелый удар: «у-ум-м!» Над степью повис и поплыл густой вязкий звук — сигнал начала связи телеинформара с космическими базами и станциями. С интервалом в десять секунд трижды вскрикивал и недовольно гудел темный воздух. Удар большого сигнального колокола был слышен на десятки километров вокруг. Это приказ — выключить генераторы и двигатели, станции связи и освещение. Прибо-

ры телеинформара отличались высокой чувствительностью; в зоне слышимости электрофона, а в этой зоне не было жилья и могли оказаться лишь туристы, любой посторонний источник энергии мог оказаться помехой.

— И все-таки, — вдруг упрямо проговорил Ревский, видимо, в ответ на собственные же мысли, — угон «Вихря» никак не совместим с добрыми намерениями кикиан. Что бы там ни произошло при посадке!

— А если угон корабля для кикиан отвратительная и жестокая необходимость, знать о которой нам пока не дано?

— А если у них появятся по отношению к нам еще более отвратительные и жестокие необходимости?

Лорка вздохнул:

— Кто знает? Собственно, чтобы все это выяснить, мы и готовим полет на Кику.

Ревский остановился так резко, что Федор, шедший следом, чуть не натолкнулся на него.

— Поэтому-то я и утверждаю, что экспедиция на Кику должна быть рейдом к потенциальному врагу! А уж если посчастливится встретить друзей, перестроиться будет нетрудно.

Ревский подождал, что ему ответит Лорка, но Федор молчал. Темная, залитая звездным светом Земля полого тянулась вверх. По ней вслед за космонавтами плыли слабые, но хорошо различимые тени. Лорка поднял голову. Кика! Далекая Кика. Кто встретит там — друзья или враги? Для Лорки и Ревского это был отнюдь не праздный абстрактный вопрос. От ответа на него зависел состав разведотряда и программа его действий. Но главное — состав! Ответа на этот вопрос не было, а стало быть, и разведотряда еще не было, хотя предварительные тренировки проходило

больше сотни человек, в основном космонавтов и ученых разных профессий.

Еще несколько шагов, и они оказались на вершине плоского протяженного взгорка. Горизонт отошел вдаль, почувствовалось слабое дыхание свежего ветра.

— Сядем, — предложил Ревский, — в ногах правды нет.

Когда Лорка опустился на землю, небо словно опустилось вместе с ним, теснее прижав его к хрустящему травяному покрову. Запах пыли стал ощутимее.

— Люблю степь, вот такую тихую и пыльную.

Ревский вдруг подумал, что как ни бодрись, а старость наступает неотвратимо. Как быстро он устал! Ушел от спора с Федором, утомился от деловых размышлений, вот и потянуло на лирику.

— А почему живешь у моря? И возле дома развел сад с виноградником, а не кусочек степи?

Ревский ухмыльнулся:

— Любовь бывает разная. А вообще-то, море и степь близнецы. Вода и небо, земля и небо — какая разница? И тут и там простор и свобода. Мне кажется, что и пахнет-то степь свободой. И небом!

— По-моему, тут пахнет полынью и пылью.

— У неба совсем другой запах, — сказал Лорка с ноткой грусти и лукавства. — Оно пахнет работающим компьютером, кухней, очередными вахтами, внеочередными тревогами и грустью о родной земле.

Это было правдой, и Ревский невольно вздохнул, вспоминая бурные и счастливые дни работы в космосе. Впрочем, он тут же ругнул себя за сентиментальность, попутно удивляясь тому, как круто и незаметно может изменить настроение человека близость природы. Мысли же его снова устремились по деловому руслу.

— Я еще понимаю тебя, Федор, когда ты возра-

жаешь против участия крупных ученых, — миролюбово сказал он. — В инопланетных условиях они всегда требуют сильного прикрытия и опеки. Проще говоря, возни с ними много. Но почему ты возражаешь против патрулей? Не возьму в толк!

Лорка усмехнулся:

— Потому что они бойцы, воины.

— Что? — возмутился Ревский.

— Я хочу сказать, что они слишком уверены в себе и активны.

— Разве это плохо?

— Помнишь, я рассказывал тебе о Миклухо-Маклае? Он явился в чужой, таинственный мир папуасов, где было много жестокости, вплоть до людоедства, с открытым сердцем и без всякой подстраховки. Когда он первый раз без приглашения отправился в туземную деревню, то намеренно не захватил с собой оружия. Понимаешь? Намеренно! Он боялся сорваться, боялся, что в критической ситуации пустит в ход револьвер. Он считал оружие и мирные намерения несоместимыми.

Ревский долго молчал, прежде чем спросить:

— Ты считаешь патрулей оружием?

— А разве не с их помощью мы овладеваем чужими мирами?

— Мирами, где нет следов разума, — строго поправил Ревский.

Верно, но от привычных действий не так легко избавиться. Патрули — солдаты космоса. Я боюсь, что в критический момент, когда нужно проявить терпение, даже смирение, они могут сорваться. И эту ошибку нам придется исправлять десятилетиями, принося жертвы, размеры которых сейчас даже трудно себе представить.

Почему ты раньше не говорил мне об этом?

— Я и сам не понимал ситуацию так ясно, как

сейчас. Я возражал против патрулей интуитивно. Кстати, и против ученых я возражал вовсе не потому, что с ними много приходится возиться. Ученые ведь тоже своего рода солдаты космоса, воины.

Ревский захохотал:

— А это почему?

— Вспомни, как мы исследуем чужие планеты, в том числе и Кику. Просвечиваем атмосферу всеми видами излучений, производим для сейсмозондажа взрывы в толще планеты, выполняем глубинные бурения, делаем лазерные разрезы земной коры, отлавливаем и отстреливаем животных для своих опытов и коллекций, без раздумий уничтожаем первозданную растительность в районах своих поселений. Ну разве это не варварство?

Теперь ему стала ясной идея мирного визита на Кику. Лорка не собирался вести активного поиска, исследований и экспериментов. Со своим разведотрядом он собирался просто пожить на Кике, деликатно обследовать планету и подождать. Если кикиане сочтут нужным, они сами подадут о себе вести. И это разумно! Предшествующие активные поиски на этой странной планете ничего не дали.

— Подождем гравитопосылки. Прояснится ситуация, тогда и примем решение.

Многое должна была прояснить посадка угнанного «Вихря» на Кику. Если кикиане знают об истинном назначении ретрансляторов и, так сказать, сознательно информируют землян о маршруте полета, то перед посадкой они все-таки выключат их, иначе антенны сгорят в плотных слоях атмосферы, нарушая, кстати, тем самым балансировку корабля. При преднамеренном выключении ретрансляторов будет выдана специальная команда конца телеметрии. И если станция слежения эту команду примет, можно будет гораздо увереннее говорить о мирных намерениях кикиан. Если

же такой команды не будет, если «Вихрь» пойдет в плотные слои атмосферы с работающими ретрансляторами, значит, кикиане просто не разобрались в устройстве корабля, значит, информация о маршруте полета — результат недосмотра, ошибки, значит, об их позиции нельзя сказать ничего нового.

— Подождем гравитопосылки, — согласился Лорка.

Темная степь, звезды, легкие вздохи холодного ветра, сухой шорох трав. «Полночь. Звезды. Мрак. Луна. Неподвижность. Тишина», — почему-то вспомнилось древнее китайское стихотворение. Знатоки говорили, что особенно впечатляюще оно выглядит в иероглифах. Полнозвучные слова-капли, такие близкие к реальному миру и такие далекие от него. Мысли Лорки снова вернулись к спору с Ревским. Лорка не сразу отдал себе отчет в том, что мысли его постепенно становились все более вязкими и тягучими. А когда наконец понял, мгновенно насторожился. Вот, оказывается, что уводило от спокойного философского размышления. Старые космические волки, побывавшие на многих чужих планетах, называли это явление «взгляд на затылке». Бесшумно выпрямившись, Лорка быстро оглянулся вокруг. Его левая рука машинально выхватила карманный фонарик, и только в самый последний момент, вспомнив о работающем телеинформаре, Лорка удержался от его включения.

— Ты чего? — удивился Ревский.

— Рядом кто-то есть, — вполголоса ответил Лорка.

— Кто? — в голосе старого космонавта послышалась улыбка.

— Не знаю.

— Суслик, может быть, шакал...

— Их бы я не почувствовал, — пробормотал Федор. Ощущение «взгляда на затылке» исчезло, он медленно опустил на сухую, колючую траву.

— Нервничаешь? — по-прежнему с улыбкой спросил Ревский.

Лорка не успел ответить. Беззвучно всколыхнулась степь, вздрогнул темный прохладный воздух, казалось, даже само небо затрепетало, словно собираясь стряхнуть с себя надоевшие звезды.

— Гравитопосылка, — оживился Ревский.

Да, это была гравитопосылка, финальная часть сеанса связи для обмена информацией с дальними космическими базами и станциями слежения. На гравитоматчи телеинформара с чудовищной скоростью обрушился плотно сбитый «пакет информации», своего рода ударная гравитационная волна. Расшифровывая посылку, компьютер растянет ее во времени, и беззвучный гром, заставивший трепетать землю и небо, превратится в тысячи разных сообщений, среди которых должно быть и сообщение о посадке «Вихря». Ждать оставалось недолго.

Вкрадчиво и мягко загудел зуммер, Ревский, оторвавшись от размышлений, поспешно нажал на наручных универсальных часах кнопку включения связной микростанции. Тотчас машинный голос информатора негромко и внятно проговорил:

— Сообщение три ноля пятнадцать. Перед посадкой «Вихря» ретрансляторы были выключены, спецкоманда зафиксирована. При входе в плотные слои атмосферы корабль полностью разрушился и сгорел.

Федор осторожно прикоснулся к руке Ревского.

— Ты понимаешь что-нибудь, Теодорович?

Сам он не только не понимал случившегося, но и внутренне протестовал, отвергал его. Дважды проделать страшно далекий путь среди звезд, ловко проникнуть в бытие и тайны чужой цивилизации, научиться управлять незнакомым загадочным кораблем — и за-

живо сгореть у себя дома, в атмосфере родной планеты! Что может быть трагичнее и нелепее?

А Ревский с некоторой досадой, но с несравненно большей радостью думал о том, что Лорка, этот рыжий черт, этот лукавый бес оказался все-таки прав. Ретрансляторы выключены, спецкоманда подана, значит, кикиане намеренно объявляли свой маршрут, и можно куда увереннее надеяться на сотрудничество с ними. Сгорел корабль. Да мало ли по каким причинам это могло произойти? Это даже хорошо, случай с «Вихрем» послужит кикианам хорошим уроком и, уж наверное, лучше всяких охранных мер избавит от угона другие корабли.

— Ты хоть что-нибудь понимаешь? — наконец-то услышал он повторный вопрос Лорки. И спокойно ответил:

— Кое-что понимаю.

— Что?

— Прежде всего то, что действия кикиан лежат за пределами нашей науки и нашей логики. Мы не можем понять ни замысла, ни способа их действия, начиная от таинственных смертей на самой Кике и кончая воскрешением Тимура, угоном и гибелью «Вихря». Словно сам бог забавляется от скуки.

— Это факты, а не понимание.

Ревский усмехнулся:

— Почему же? Я понял, что ты прав. Собирай разведотряд по своему плану, Федор, — Ревский положил свою легкую руку на плечо Лорки. — Но ты уж извини меня. Я загодя готовился к такому решению и обсудил его со старейшинами.

— Ну?

— Видишь ли, о проекте мирного разведотряда мы доложили генеральному. Он подумал и сказал, что если такое решение будет принято, то он захотел бы

встретиться с тобой и обсудить кое-какие детали. Так что готовься.

Лорка покачал головой:

— Хитрый ты все-таки, Теодорович.

Ревский засмеялся:

— Не одному же тебе хитрить да лукавить, Федя!

Когда над телеинформаром вспыхнула зеленая молния и закончился сеанс связи, Лорка, попросив скептически настроенного Теодоровича подождать, включил карманный фонарик и тщательно обшарил вершину взгорка, на котором они сидели. И ничего не нашел. Вернее, не нашел ничего достойного внимания, а лишь обрывок бумаги, в которую упаковывают продукты.

ГЛАВА 18

До лесной поляны авиетку довел автопилот по тем координатам, которые Тимур Корсаков сообщил Лорке по видеофону. Довел и зажег красное табло «конец программы», сигнализация о том, что свою задачу он выполнил и что все остальное люди должны доделывать самостоятельно. Почти не раздумывая, только мельком оглядевшись, Лорка «положил» верткую машину на спину и произвел посадку «овер-хедом», с переворота через крыло. Лорка любил этот маневр, всегда вызывавший восторг пилотов-дилетантов; требовал он, однако, не столько истинного пилотажного искусства, сколько элементарной точности и железного самообладания.

Выйдя из авиетки и задвинув за собой дверцу, Лорка огляделся. Здесь, на отрогах южных гор, осень еще только вступала в свои права. Трава поблекла, слегка прихваченная ночными заморозками, но еще не успела пожелтеть. А вот лес уже наряжался в празд-

ничные багряные и золотые одежды, особенно по высоким и сухим местам. По сравнению с пронзительной синью прохладного неба и темной зеленью хмурых елей осенний лиственный наряд казался даже излишне ярким, театральным. Было тепло, но только потому, что пекло солнце. Сам же воздух был студен и чист, как родниковая вода.

Услышав окрик, Лорка обернулся и в сотне шагов позади себя увидел Тимура. Тим стоял на опушке леса, приветственно подняв над головой руку. Федор помахал ему в ответ и пошел навстречу по высокой, вязкой, путающейся в ногах траве.

Десять лет они провели с Тимом, почти не различаясь: и в космосе — на работе, и на Земле — во время отдыха. Десять лет они чувствовали локоть друг друга, делили радости, горести, большие и малые опасности. И вот теперь Лорка нарочно медленно шел по залитому солнцем увядающему лугу, полному незаметной и напряженной жизни, и думал, что через какой-нибудь месяц он наверняка уйдет на разведку Кики. А пойдет ли вместе с ним Тимур Корсаков? Возвращение с того света, болезнь, любимая жена, крохотная девчурка — разве это не веские основания, чтобы остаться на Земле?

Подойдя ближе, Лорка разглядел за спиной Тима складной синтетический домик, стоявший под раскидистой липой, которая, видно, никак не могла решить, стоит ли ей желтеть по-настоящему или еще погодить. Перед домиком горел небольшой костер, вокруг которого стояло несколько больших и малых чурбаков, которые, как догадался Федор, заменяли столики и табуретки. Один высокий чурбак был прикрыт белоснежной салфеткой. Над костром, в стороне от огня, висел сияющий солнечными бликами чайник, а над самым огнем — черный массивный котелок. Котелок недовольно булькал и ворчал, из отверстия в его крыш-

ке вырывался белый ароматный пар и смешивался с синеватым дымком костра. Вкусно пахло грибами.

— Настоящий рай! — сказал Лорка, оглядываясь.

— Рай, — серьезно согласился Тим. — Но все хорошо в меру.

— Какая же у рая мера?

Они посмеялись, с интересом оглядывая друг друга. Тим, набравший за время лечения лишний вес, теперь похудел, что особенно подчеркивалось густым загаром. Русые волосы выгорели, некоторые их пряди стали совсем белыми, другие пшеничными, а где-то в глубине шевелюры проглядывали и темные. Похоже было на то, будто Тим ударился в фатовство и, решив стать блондином, покрасился, да неудачно. И брови у Тима побелели, и даже ресницы, глаза словно выцвели — по контрасту с бронзовым лицом они казались теперь не серыми, а голубыми, даже синими. Весь облик Тимура — свободная поза, спокойный улыбочивый взгляд, развернутые плечи — говорил, что он в хорошей форме. Опытный взгляд не мог обмануть Федора — Тимур Корсаков готовился к штурму Кики.

— Где же Валентина?

— Полетели с дочкой на консультацию. Ты садись.

Наклонившись к костру, Федор принялся, спросил, кивнув на котелок:

— Грибы?

— Разногрибье с картошкой в пропорции три к одному. Поднаторелые таежники называют это варево грибницей.

— Свежие грибочки моя слабость. — Лорка плотно пошевелил пальцами.

— А шашлык? А уха? — засмеялся Тим. — Ты чревоугодник, Федор, а таким не место в раю. К тому же грибница еще не готова, я ждал тебя позднее.

— Я не чревоугодник, просто отношусь с должным

уважением к своему желудку. Да и вообще грех чревоугодия выдуман церковниками, надо же было как-то успокоить голодных!

Тимур слушал Лорку, и оба они продолжали присматриваться друг к другу. Лорка хорошо видел, что Тим ждет вестей и предложений, но у него никак не поворачивался язык сказать другу что-нибудь определенное. Федор чувствовал странную неуверенность. Может быть, Тим должен отдохнуть, а Лорка потащит его за собой на Кику. Разве космос и Кика лучше этого осеннего леса? Разве багровое кикианское солнце лучше земного?

Глядя на вдруг задумавшегося, отрешенного Федора, Тим было помрачнел, но всего лишь на секунду. Легкая улыбка тронула его губы, улыбка добрая и немного хитроватая, словно Тимур знал некую хорошую тайну, пока еще неизвестную Лорке. Наклонившись, он поднял с земли поделку из дерева, достал из кармана нож. Это движение отвлекло Федора от меланхолического раздумья. Он усмехнулся, глядя, как Тим с сосредоточенным видом разглядывал большую деревянную ложку. А может быть, черпак — Лорка не был силен в кухонной терминологии. Ложка была уже готова и начерно отполирована.

Оглядев черпак и нимало не смущаясь Лорки, Тимур принялся за работу: начал украшать черенок тонкой резьбой. И Федора не смущало это кажущееся невниманием друга к своей персоне. Он знал, что в минуты ожидания или за серьезным разговором Тимур любит занять свои руки каким-нибудь немудрящим делом. И опять у Лорки не повернулся язык заговорить с Тимом о Кике!

— Мудрый человек придумал этот санаторий уединения, — философски проговорил он, разглядывая сияние искры неба, которые мерцали сквозь желто-зеленую крону липы.

Не отрываясь от резьбы, Тимур согласно кивнул головой.

Лорка покосился на Тимура, тот, казалось, с головой ушел в работу. Лорка невольно залюбовался отточенными, законченными движениями своего друга. У Тима вообще были отличные физические данные, от природы, от господ бога, как говаривали прежде, к тому же они были отшлифованы тренировками. В спорте эти данные Тимура как-то терялись — ему не хватало резкости, которая была у Ришара или Виктора, и мощи, свойственной Лорке. Зато там, где требовалась предельная точность движений, Тимур был вне конкуренции. Лорка затруднился бы, например, назвать равного ему по классу пилота. Не случайно Тим Корсаков несколько раз становился чемпионом по спортивному пилотированию. Словно почувствовав взгляд товарища, Тим поднял свои светлые серьезные глаза, улыбнулся и возобновил прерванную работу.

— Ты совершенно напрасно думаешь, что после болезни я, так сказать, разомлел в семейном уюте и буду подыскивать какой-нибудь предлог, чтобы остаться на Земле.

Лорка опять вздохнул, однако ни капельки не удивился. Чуткость на мысли и настроение близких ему людей была у Тима уникальной. Колдун, да и только! Сам Тимур, посмеиваясь, рассказывал, что какой-то его далекий предок выступал не то в цирке, не то на эстраде с сенсационным номером по угадыванию чужих мыслей. Верилось в это легко. Тимур полюбовался своей резьбой и продолжал:

— Я был бы самым последним человеком, если бы не сделал все возможное, чтобы пойти с тобой. Поставь себя на мое место.

Да, честно говоря, мне и самому интересно поковыряться на Кике, — снова заговорил Тимур. — Как-никак задета честь землян. Предстоят славные ратные

дела. А за ними благодарность потомков, памятники, жизнеописания и легенды.

Лорка хмыкнул.

— А ты как думал? — Тимур отложил черпак. — Мы с тобой войдем в историю, взявшись за руки, как... ну эти...

— Кирилл и Мефодий, — подсказал Лорка.

— Да нет.

— Тахир и Зухра.

— Нет же. Как... Ромул и Рем — вот как.

— А волчица?

— Возьмем с собой Ольгу Сергеевну.

Лорка засмеялся. Ольга Сергеевна была доктором медицины, придирчивым и беспощадным членом медицинской комиссии, и в силу этого не пользовалась особенной любовью космонавтов. Тим поднялся, приподнял крышку котелка, внимательно взгляделся, принялся и с сожалением констатировал:

— Еще не готовы. Уж такой народ эти грибы — долго готовятся. — Аккуратно прикрыл котелок крышкой и повернулся к Лорке. — Значит, берешь меня?

— Куда же я без тебя? Конечно, беру.

Секунду они серьезно смотрели друг другу в глаза.

— И ни капельки сомнения? — спросил Тимур.

— Ни капли, — как можно тверже ответил Лорка.

— А если капелька все-таки есть? — Тим засмеялся. — Только не смотри на меня такими тигриными глазами, а то я со страха на липу залезу.

— И правильно сделаешь, — буркнул Федор.

— Нет, серьезно, — не отставал Тимур. По лицу его было видно, что он действительно не шутит. — Тебе не приходило в голову, что я — это, может быть, и не я? Или, во всяком случае, не совсем я, кикианская подделка?

Лорка ухмыльнулся.

— Вот видишь, — не без огорчения сказал Корсаков. — Небось и с Теодоровичем обсуждали этот щекотливый вопрос?

— Ошибаешься, не обсуждали. Но когда я беседовал по этому поводу с врачами, то выяснил, что Теодорович уже успел побывать у них. И по тому же поводу. Мне сообщили, что тебя подвергли бездне исследований на предмет установления сходства с прежним Тимуром Корсаковым. И ни на йоту отклонения! Напоследок меня отругали за недоверие к врачам. Разве, говорят, мы бы дали заключение о потенциальной годности Корсакова к космической работе, если бы у нас оставалась хоть тень сомнения? — Тимур рассеянно кивнул головой, хотел что-то сказать Федору, но в этот миг небо разом вспыхнуло; из глубокого синего оно стало перламутровым, даже опаловым. Стволы и листья деревьев, трава и тропинки, предметы и человеческие лица приобрели странный белесый оттенок, словно их облили разбавленным молоком. Притих птичий гомон. Небо горело и плавилось секунды две-три, а потом плавно, с запада на восток, приобрело обычную окраску, только синева его по контрасту со вспышкой казалась теперь еще более темной и глубокой.

— Разряд ионосферы на приемные антенны. — Тим кивнул головой на юго-запад. — Там, в горах, ионосферно-аккумуляторные станции.

— Ничего себе — санаторное уединение, — пробормотал Лорка, все еще глядя на небо.

— Зато нет бестолковых гроз, ураганов и вихрей. Ради этого стоит два-три раза в день поморгать глазами.

— А ночью?

— Что ты! Ночью это безобразие запрещено — ослепнуть можно. — Тим помолчал, поглядывая на то-

варища. — Федор, я бы хотел, чтобы то, что я сейчас скажу тебе, осталось между нами.

— Да будет так, — с некоторой заминкой ответил Лорка.

— Ты только не подумай, что я шучу. — Тимур хмыкнул, чуть с опаской поглядывая на товарища. — Ты говоришь, врачи уверены. А я вот не уверен, что остался прежним Тимуром Корсаковым.

До Лорки не сразу дошло услышанное.

— Что?! Не понимаю!

— И не надо. Если я расскажу обо всем, начнется волокита. Ты, как командир разведотряда, сочтешь нужным сообщить Ревскому. Тот, тоже из чувства долга, проинформирует Совет космонавтики. И не исключено, что не видать мне Кики как своих ушей. А мне надо быть на Кике. Для успеха предприятия, понимаешь?

Разглядывая Тима, Лорка покачал головой:

— Нет, так и не понимаю.

— Я же говорю, и не надо! — с сердцем сказал Тимур. — Ты просто поверь мне, как верил раньше. Как только наш корабль выйдет на разгон, я расскажу тебе обо всем, без утайки.

Лорка молча смотрел на своего друга, точно хотел прочитать его мысли.

— Федор, — укоризненно проговорил Тимур, выдерживая его испытывающий взгляд, — я ведь мог и не говорить тебе ничего. Но я сказал. И ровно столько, сколько сейчас нужно.

— Ну, будь по-твоему. — Лорка встряхнул Тима за плечо. — Возьму грех на душу, промолчу.

Проводив взглядом глайдер, на котором улетел Лорка, Тим сложил в стерилизатор посуду, в том числе и опустевший котелок, — грибы действительно были слабостью Федора, подбросил в костер несколько сучьев и задумался, глядя на огонь.

— Пожалуй, я поступил именно так, как и должен был поступить, — подумал он вслух и, словно спохватившись, достал из кармана обрывок бумаги, в которую обычно упаковывают продукты. На клочке была малопонятная надпись, сделанная корявыми прыгающими буквами.

ГЛАВА 19

Дверь Лорке открыл не Соколов, а невысокая худенькая женщина с огромными темно-кариыми глазами и пышной копной светлых волос, которая казалась тяжеловатой для тонкой стройной шеи. Открытое русское лицо, а вот в особой грации фигуры и снежной белизне кожи проглядывали классические английские черты.

— Татьяна Соколова? — спросил Лорка, позаботившийся узнать имя жены эксперта.

— А вы Федор Лорка, — без особого воодушевления констатировала хрупкая женщина. — Входите.

Когда Федор проходил коридором в гостиную, одна из закрытых дверей вдруг приоткрылась. На Лорку глянули две пары живых и любопытных черненьких детских глазенок. Но дверь тут же прикрылась — Лорка мельком заметил, что это девочка-подросток, очень похожая на свою мать. За дверью послышался строгий женский голос и веселый смех.

Гостиная была просторной. Удобная мебель — стол, кресла, огромнейшая тахта, на которой легко могла разместиться вся семья Соколовых. В стене напротив тахты угадывался экран стереовизера, на полу — мягкий ковер, на котором удобно лежать, бороться, заниматься акробатикой и вообще делать все, что угодно

детской душе. Ничего ультрасовременного, вроде святищихся потолков, стен меняющейся расцветки или конформной мебели.

— Александра срочно вызвали в агентство, — сказала Татьяна, усаживаясь напротив Лорки. — Он поручил мне извиниться перед вами. Он скоро вернется, иначе бы сообщил о задержке.

— Я не тороплюсь.

В коридоре послышалась какая-то возня. Татьяна насторожилась.

— Вы, очевидно, не работаете?

— Нет, отчего же? — У жены Соколова был чистый мягкий голос, говорила она негромко, глядя на Лорку серьезными глазами. — Я энергетик. Неделю посменно дежурю на центральной энергостанции Гренландии, а две недели отдыхаю дома. И тогда дети со мной.

— А когда вас нет?

— В интернате. Саша любит детей, но по-настоящему заботиться о них ему некогда. Вызовы, разъезды. Очень беспокойная работа.

Лорка внимательно слушал ее.

— А у вас работа беспокойная?

Татьяна на секунду призадумалась, а потом своим мягким голосом решительно проговорила:

— Простите, Федор, но я не думаю, чтобы вас интересовал характер моей работы. И честно говоря, я терпеть не могу так называемых светских бесед — обо всем и ни о чем.

Лорка невольно удивился этой прямолинейности, но Татьяна лишь сдвинула пушистые брови, в голосе ее прозвучала нотка досады:

— Давайте перейдем к делу, Федор.

Лорка не мог удержаться, чтобы не поддразнить ее.

— А у меня, собственно, к вам нет никакого дела.

Она тряхнула пышными волосами, ее глаза-вишни стали совсем сердитыми, но не злыми.

— У вас есть дело к моему мужу. А все, что касается мужа, касается и меня. И у нас нет тайн друг от друга.

Лорка согласился, что, конечно, Татьяна была права. И еще он подумал, что, может быть, Соколов специально отлучился в «агентство», предоставив жене вести разговор?

Татьяна будто подслушала его мысли.

— Если вы думаете, что Александр специально подставил меня для разговора с вами, то ошибаетесь. Он не из тех, кто прячется за спины других.

Лорка мысленно согласился с ней, а Татьяна продолжала:

— Вы хотите предложить Александру участвовать в экспедиции на Кику?

Лорка кивнул головой в знак согласия.

— Угадали.

— Я вас прошу, — это «прошу» прозвучало почти как приказываю, — не делать этого.

— Почему?

— Да потому, что он согласится! Понимаете? Согласится! — Она было сорвалась на крик, но, вспомнив о детях, тут же приглушила голос. Голос звучал зло, но глаза у нее так и не стали злыми — они стали печальными, даже тоскливыми. — Он человек долга. Мы говорили об этом. Боже, как он бывает упрям в таких делах!

— Что же дурного в том, что согласится? Участие в экспедиции на Кику — большая честь, — осторожно сказал Лорка.

— Но он же не космонавт! Как вы не понимаете? Это же беспомощный человек во всем, что не касается экспертизы и социальных проблем! Вы думаете, я только из-за детей провожу дома две недели из трех? Из-за него тоже. А кто будет заботиться о нем на этой самой Кике?

✦ Я, — спокойно ответил Федор.

Татьяна смотрела на него с молчаливым недоверием, к которому, пожалуй, примешивалась и насмешка.

— Я, — повторил Лорка. — Приглашая его в разведотряд, я как командир беру на себя все заботы о нем. В том числе и заботу о его безопасности.

В вишневых глазах Татьяны появилось выражение интереса. Ее взгляд беспокойно, требовательно обежал, охватил всего Лорку: литую тяжелую фигуру, открытое лицо, зеленые глаза, в которых читалась спокойная уверенность.

— Зачем он вам понадобился? — с горечью спросила она.

— Я убежден, что на Кике потребуется эксперт-социолог высокой квалификации.

— А вы уверены в его квалификации?

✦ Безусловно.

Только теперь Лорка до конца понял ситуацию: он все это время разговаривал с главой семьи Соколовых. Что бы там ни говорили и ни писали во все времена, а в каждой настоящей семье обязательно есть глава. Не суть важно — юридическая это семья, как в прошлом, или фактическая, как сейчас, постоянна она или временна, что объединяет ее — искренняя любовь и уважение, слепая ли безрассудная страсть, простая привычка и привязанность, или традиции и законы. Семья совершенно особый мир со своими ценностями и взаимоотношениями. И вовсе не обязательно, чтобы крупный общественный деятель, великий ученый, вдохновенный поэт или изобретательный конструктор был главой семьи. Часто бывает как раз наоборот. В семье Соколовых это бремя несла хрупкая женщина с большими вишневыми глазами и тяжелой копной светлых волос. Она не представляла себя на Кике, в чужом, странном и загадочном опасном мире. И правда, такая жизнь и работа вряд ли были ей по плечу, у нее было другое

призвание и талант — семья. Но ей казалось, что уж коли она не справится с работой на Кике, так уж куда там ее любимому, но такому беспомощному и непрактичному Саше!

— Мне кажется, вы меня не слушаете, Федор.

Лорка спохватился:

— Нет-нет, продолжайте, пожалуйста.

— Я не берусь судить — нужен ли вам эксперт-социолог. Видимо, нужен, хотя необитаемая планета и социология — это как-то не укладывается у меня в голове. Но почему именно Саша?

— Потому что я работал с ним и знаю его, — мягко пояснил Лорка. — И что самое главное, я знаю не только его достоинства, но и недостатки.

— Да, это очень важно — знать недостатки, — машинально согласилась Татьяна, поправляя свои пышные волосы. И тут же спохватилась. — Но ведь Саша не единственный эксперт-социолог. А вы забираете его у жены, у детей.

— Это нужно для важного дела. — Голос Лорки прозвучал суровее, чем он сам того хотел.

Татьяна покачала головой:

— Вы жестоки, Федор.

— Справедливость нередко кажется жестокой тем, кому она невыгодна.

Татьяна вспыхнула как маков цвет. Лорка и не подозревал, что эта белоснежная кожа может покрываться таким румянцем. Внутренне он подобрался, готовясь парировать зреющую вспышку, но услышался шум открывающейся двери, писк, смех, возня, и в гостиную вошел раскрасневшийся Соколов. Он было начал с извинения по поводу того, что ему не вовремя пришлось отлучиться, но, приглядевшись к лицу жены, спросил:

— Вы, кажется, поругаться успели?

— Нет-нет, — поспешно ответила Татьяна, бросив на Лорку выразительный взгляд.

Соколов мельком взглянул на Лорку, а потом уже пристальнее на жену.

— Федор предлагает тебе место в кикианской экспедиции. Вот мы и говорили об этом.

— Предлагаю, — подтвердил Лорка.

Облегченно вздохнув, Соколов аккуратно вытер белым платком свое розовое, разгоряченное лицо и плюхнулся в кресло.

— Я согласен, — бодро сказал он. — Мы давно все обговорили, правда, Таня?

— Правда, — отсутствующим тоном подтвердила его жена.

— Я согласен, — теперь с некоторой гордостью подтвердил Соколов и вдруг совершенно непосредственно засмеялся. — Хотя, честно говоря, совершенно не представляю, зачем я вам понадобился и что я буду делать на этой Кике.

— Дела найдутся.

Секунду они смотрели друг на друга, но потом, точно сговорившись, перевели взгляды на Татьяну.

— Что-то дети расшумелись, — сказала она, поднимаясь из кресла. И, уже выходя из гостиной, добавила: — Я буду в детской, если понадоблюсь.

Соколов проводил ее виноватым взглядом, с некоторой укоризной глянул на Федора.

— Ничего, Александр Сергеевич. На то она и женщина, чтобы бояться за вас, переживать и беспокоиться.

— Не только женщина, — хмуро поправил Соколов, — жена и мать.

— Понятно. Вы-то сами не трусите? — вдруг спросил Лорка.

Соколов укоризненно посмотрел на него и вдруг ухмыльнулся.

— Есть немного, — признался он и опять ухмыль-

нул. — Сначала, после этого разговора в бассейне, даже спал плохо — снилась всякая чертовщина! Потом притерпелся, привык — и ничего. Вы думаете, меня Кика пугает? Ошибаетесь! Что Кика? Такая же Земля, только в другом районе Галактики. — Соколов чуть понизил голос. — Меня космос пугает, сам этот полет с гиперсветовой скоростью. И снились мне все время какие-то уродливые корабли — то на колесах, то на гусеницах.

— Ничего, Александр Сергеевич. Все мы побаиваемся, только страхи у нас разные: у одних от знания, у других от незнания.

— Серьезно? — с интересом спросил Соколов.

— Вы знаете, кто такой Суворов? — вместо ответа спросил Лорка.

— Великий русский полководец, я не ошибся?

— Не ошиблись. Так вот, этот Суворов, впрочем, как и все великие русские полководцы, отличался большой личной храбростью. В ходе одного жаркого боя он сказал, обращаясь к самому себе: «Дрожишь, скелет? Ты еще не так задрожешь, когда узнаешь, куда я тебя поведу!»

— Как? — Соколов широко открыл свои маленькие глазки и вдруг захохотал. Хохотал он очень вкусно, отваливаясь на спинку кресла и покачивая головой. — Нет, это прекрасно сказано... дрожишь, скелет?.. куда я тебя поведу!.. Просто великолепно.

Федору показалось, что в гостиную заглянула Татьяна, но, обернувшись, никого не заметил. Перестав смеяться, Соколов со свойственной ему практичностью поинтересовался:

— И все-таки, Федор, что я буду делать там, на Кике?

И опять Лорка ответил вопросом на вопрос:

— Вы знаете, что с Плутона угнали гиперсветовой корабль? Так вот, он сгорел в плотных слоях кикиан-

ской атмосферы. Представляете, сколько здесь загадок и какой простор для выяснения обстоятельств происшедшего?

— Так-так, — Глаза Соколова обрели сосредоточенное выражение. — А скажите, Федор, я уже могу считать себя членом разведотряда? Или, проще говоря, кто будет утверждать его состав?

— На днях мне предстоит беседа с генеральным секретарем Всемирного совета.

— С Олониным?

— Да. Он и примет решение, кто будет утверждать состав разведотряда: Совет космонавтов или непосредственно Всемирный совет.

— Олонин, — повторил в раздумье Соколов, постукивая пальцами по подлокотнику кресла. — Советую вам серьезно подготовиться к этой беседе.

— Мне приходилось с ним встречаться, — с улыбкой заметил Лорка.

— Ну и что же? Не при всякой встрече человек полностью проявляет себя. — Соколов оглядел Лорку. — Олонин самый сложный и глубокий человек, с которым мне приходилось встречаться. Он, конечно, умен, но дело тут не в интеллекте. Он по-настоящему мудр.

ГЛАВА 20

Чтобы повидаться с Виктором Хельгом, Лорке пришлось вылететь в Исландию. Виктор, как и другие космонавты, когда их пребывание на Земле по тем или иным причинам затягивалось, по рекомендации совета подключился к работе на расположенной там крупнейшей геотермальной энергостанции. Разумеется, никто не обязывал космонавтов заниматься делом. Просто сказывалась естественная привычка к тру-

ду, да и практика работы в роли энергетика была не лишней.

Лорка выяснил, что Виктор дежурил на посту безопасности — истинно космическая работа, имевшая много общего с очередной корабельной вахтой. Лорка не без труда добрался до централи этого поста, посторонним вход туда был запрещен, и с огорчением выяснил, что труды его напрасны. На исландской энергостанции было два поста: восточный и западный. Лорка в соответствии с полученными данными прибыл на восточный, а Хельг дежурил на западном — его направили туда в самый последний момент в связи с болезнью одного из инженеров. Начальник смены безопасности, худощавый, седой и очень смуглый мужчина — потомок коренных африканцев, сочувственно разглядывая огорченного Лорку, спросил:

— Вы когда-нибудь были в нижнем отсеке машинного зала?

— В горячей зоне?

Седовласый Узанги, чем-то напоминавший Ревского, отрицательно покачал головой:

— В горячей зоне никогда не было ни одного человека. Там трудятся только роботы. Нижний отсек рядом с этой зоной.

— И рядом не был. Как говорится, не привел господь.

— Ну, уж если мыслить образно, так не господь, а дьявол: там царство дьявола, Федор. — Узанги подумал и пояснил: — Дело в том, что самый ближний путь с одного поста на другой — через машинный зал. Я сейчас отправляюсь именно этим путем, а по дороге мне нужно заглянуть в нижний отсек.

— Согласен вас сопровождать, — поспешно объявил Лорка. Помимо простого любопытства, Федором руководили и чисто деловые соображения: в сопровождении Узанги автоматически отпадали все формально-

сти, которые неизбежны при посещении посторонними такого деликатного места, как пост безопасности.

Дорога оказалась сложной — с несколькими пересадками. Сначала скоростной лифт опустил их на глыбину около пяти километров. Здесь они облачились в скафандры высшей защиты и пересели в вагончик магнитотоннельной дороги. Вагончик был рассчитан на шесть человек, но на сей раз, кроме Узанги и Лорки, в нем никого не было. Стремительно и бесшумно проскользнув километров двенадцать, вагончик плавно затормозил. Нижний отсек машинного зала был скупосвещен, велик; во всяком случае, при таком освещении он казался Федору безграничным и неожиданно низким — не более пяти метров от пола до потолка. Отсек казался низким, придавленным земной тяжестью еще и потому, что он весь был рассечен мощными круглыми колоннами, отстоящими друг от друга метров на пятнадцать. Это делало отсек похожим на старинный и мрачный египетский храм, для сходства недоставало лишь устрашающих статуй да причуд освещения, до которых жрецы были великими охотниками и мастерами. Но Лорка знал, что все эти столбы полуметровой толщины вовсе не опорные колонны, а трубы-термумножители, которые забирали из горячей зоны магму и превращали относительно низкотемпературное тепло Земли в раскаленную до сотни тысяч градусов плазму и подавали ее на магнитные входы ионных двигателей.

Уверенно шагая между термоколоннами по пути, обозначенному крохотными и веселыми золотистыми огоньками, Узанги вывел Федора на небольшую площадку, огороженную перилами. Площадка была похожа на капитанский мостик старинного корабля, она балконом нависала над дорогой, пролежавшей в траншее трехметровой глубины.

— Дорога роботов, — пояснил Узанги. — Сейчас в горячую зону пойдет очередная смена.

Держась за перила мостика и глядя в сумрак, в котором постепенно растворялась дорога роботов, Лорка испытывал томительное и волнующее чувство. Скаффандр высшей защиты, облежавший Федора, был противошумным и антивибрационным; такими же свойствами обладали и вязкие, композитные стены отсека, но все ухищрения людей оказались бессильными перед стихийной мощью планеты. Каждой клеточкой тела, каждым нервом Лорка ощущал могучий гул и рокот, лихорадочную дрожь и яростный трепет негасимого огненного лона Земли.

— Смена, — прозвучал глухой голос Узанги.

Следуя за скупым жестом его руки, Лорка повернул голову и увидел, как из серого сумрака на освещенную часть дороги выползает длинная вереница роботов: странная процессия, похожая на шествие чудищ и призраков, рожденных кошмарным сном.

Процессию возглавлял щуплый и большеголовый робот-андроид примерно человеческого роста. Впрочем, он был похож не столько на человека, сколько на кузнечика, вставшего на задние лапки. Это был робот-интеллектуал, командор роботосмены — мощный подвижный компьютер.

А за ним тянулась многоликая, ни на что не похожая, жутковатая в своей своеобразной законченности вереница роботов специального назначения. Долговязые, похожие на тощих жирафов, шеи которых украшали по три пары суставчатых рук. Могучие роботы — кроты и тараны, стелившиеся по самой дороге и напоминавшие не то гигантских гусениц, не то многоногих крокодилов. Роботы-титаны с бокообразным корпусом и мощными клешнями, способными вязать узлами толстые металлические сваи. Стайки разнокалиберных мини-манипуляторов, разительно похожих на черепаха. От этого нечеловеческого, неземного многообразия, от этой молчаливой, но целеустремленной псевдожизни

рябило в глазах и было физически больно нервам. Процессия двигалась быстро, но почти бесшумно; сменяли лапы и лапки, вышагивали ноги, струились гусеницы. Слышался сухой шорох и мягкий гул, от бронированных тел поднимался легкий туман — уже работали системы охлаждения. Лорке почудилось, что такую картину он уже видел и слышал однажды, когда на Ариэле от него разбегалась стая хищных тараканов-гигантов, по которым для острастки ему пришлось полоснуть плазменным лучом. Время от времени манипуляторы роботов приходили в движение: изгибались, складывались и раскладывались, выполняли хватющие, тянущие и толкающие движения.

— Здесь контрольный этап, — вполголоса пояснил Узанги. — Последняя проверка всех систем и кинематики.

Шествие роботов замыкал второй андроид — дублер командора. Провожая глазами эту бредовую процессию, тающую в сумраке под затихающий шорох и гул, Лорка ощутил некую боль, точно его кто-то обидел, может быть, и несильно, да незаслуженно. Почти сразу он понял, откуда эта боль. Сколько было написано сказок о роботах! И для взрослых и для маленьких, сказок добрых и страшных, но всегда величественных и чем-то пугающих. Как только не выглядели роботы в этих фантазиях! Роботы — равные и полноценные друзья человека во всех аспектах его жизни и деятельности. Роботы — старшие братья людей, более мудрые, чем они сами, более сильные, но тем не менее любовно и милосердно относящиеся к своим страным творцам. Рассудочные роботы — эгоисты, мечтающие при случае вырваться из-под власти человека на свободу и создать своего рода роботоавтономию. Наконец, роботы-человеконенавистники, объявляющие смертельную войну не только своим создателям, людям, но и всему живому, устанавливающие в конце концов

машинное царство не только на Земле, но и во всей галактике.

А действительность? Вот она, исчезает в сумраке машинного зала, готовясь войти туда, куда путь человеку заказан — в кипящую магму горячей зоны энергостанции. Богу — богово, кесарю — кесарево. Как верно, если не понимать это слишком узко! Нет, роботы не прижились ни как братья, ни как друзья, ни как слуги. Богу — богово, роботу — роботово. Робот не брат, не друг и не слуга. Робот — это машина. Даже интеллектуал-командор — это мощная логическая машина, которую люди со всем тщанием и старательностью намеренно лишили всего человеческого: эмоций, мудрости, гуманности. Без этого робот неизбежно превращается в страшное подобие человека — в безграничного раба, а сама робототехника — в изощренную жестокость, сравнимую с жестокостью гладиаторства. Нет этого, нет! Но почему же щемит сердце? Может быть, потому, что в затихающем шорохе процессии слышится горький шепот: «Слушай, Человек! Идущие на смерть приветствуют тебя!»

— Вам их жалко? — глухо прозвучал голос Узанги.

— Да.

— И мне жалко. — Начальник смены помолчал, внимательно разглядывая Лорку. — Знаю, что это глупо, что это бесчувственные машины, а жалею.

Узанги повернулся и молча зашагал по дороге, обозначенной золотистыми огоньками. Лорка шагал вслед за ним и угрюмо думал о том, что правда не всегда бывает сладкой, бывает и горькая правда. Но это все-таки правда, и уже поэтому она имеет право на существование. Что уж тут поделаешь, если роботам нет места среди людей? Слуги? Зачем это! Разве человек не в состоянии сам позаботиться о себе, а если нужно, то и о своих близких? И это не только нужно, но и доставляет радость. Комнатные, бытовые роботы —

большая фантазия, рожденная эгоистической жизнью, любая автоматизация имеет разумные пределы.

Узанги тоже молчал, думая о чем-то своем; так, не проронив ни слова, они добрались до централи западного поста. Тут и выяснилось, что Лорка опоздал и что Виктор Хельг минут десять назад закончил дежурство и отправился в гостиницу. Узанги с легкой покаянной улыбкой сказал:

— Это я виноват. Можно было ехать напрямую.

Лорка нашел Виктора на спортивной площадке, размещенной на крыше высотного здания. Внизу, над самой землей, тянулись серые облака и сеял мелкий холодный дождь, а здесь ослепительно сияло веселое хрустальное солнце, а небо было таким пронзительно синим, что при взгляде на него болели глаза и оскомина чувствовалась во рту. Виктор, разгоряченный тренировкой на льду для фигурного катания, со смуглым румянцем на щеках, отдыхал, опираясь на перила ограждения крыши, и смотрел на сплошную пелену белых, чуть курчавящихся облаков. Он был без шапочки, его черные жесткие волосы лохматил ветер. Стройный, в белых брюках и толстом красно-синем свитере, он был чудо как хорош, так и просился на картинку о здоровье и молодости. А ведь до этой тренировки четыре часа провел в мрачном царстве Аида — в горячей зоне радиотермальной энергостанции!

Похоже, что Хельг по-настоящему обрадовался, увидев Лорку, полюбопытствовал, почему Федор в последнее время пропускает тренировки в фехтовальном зале. А когда Лорка предложил ему место в разведотряде, протянул ему свою изящную, но сильную руку.

— Спасибо, Федор. Это большая честь для меня.

Не успел Лорка как следует подумать о том, что Виктор сильно возмужал за последнее время, как Хельг сразу опроверг это предположение.

— Мерзнешь? — спросил он, глядя на Федора сво-

ими насмешливыми, опущенными густыми ресницами глазами.

— Мерзну, — со вздохом согласился Лорка, поправляя меховую шапку. Он и правда мерз под пронизывающим ветром, хотя был одет заметно теплее Хельга. Поглядев на смеющегося Виктора, на его открытую смуглую шею, Лорка еще раз вздохнул и добавил доверительно: — Я ведь рыжий, а стало быть, эксудатик. А эксудатики люди нежные, как цветы: в жару им жарко, в холод холодно. И устают они быстрее прочих людей, и отдыхать им нужно дольше, чтобы восстановиться.

Это все было правдой, и Виктор знал, что это правда. Но откровенность Лорки несколько его не тронула. Черные глаза по-прежнему смотрели насмешливо и, пожалуй, с оттенком превосходства. Ни черта он не повзрослел, этот Виктор, много в нем закваски — бродит, бродит и никак не перебродит.

— Я вот не эксудатик, — с оттенком назидательности сказал Хельг.

— Зато у тебя есть другие недостатки, — добродушно улыбнулся Лорка.

— Как же ты решился взять меня в отряд?

— Не всякий недостаток — вредный дефект.

Они посмеялись, после чего Хельг снова оперся на перила ограждения и перевел взгляд на белую облачную пустыню.

— Ты можешь мне назвать состав разведотряда? Хотя бы примерный, — неожиданно спросил он.

Федор начал перечислять. Когда он дошел до Соколова, Виктор сдвинул брови:

— Соколов? Не припомню такого.

— Профессиональный эксперт-социолог Александр Сергеевич Соколов, — представил Лорка с улыбкой. — Вел расследование по делу Тимура Корсакова.

— А-а! Такой кругленький, с лицом невинного младенца и фигурой тяжелоатлета?

Лорка утвердительно кивнул головой.

— Да зачем он тебе понадобился? Что он понимает в инопланетных делах? — Виктор был само недоумение.

— У него железная логика, беспощадный острый взгляд. Он замечает такие мелочи, на которые мы с тобой никогда не обратили бы внимания. А уцепившись за них, с упрямством носорога идет до конца. Короче говоря, он умеет вести расследование.

Выражение лица Хельга явно свидетельствовало, что он не понимает, каким таким расследованием Соколов может заниматься на Кике. И тогда Лорка посвятил его в историю угона гиперсветового корабля с Плутона и гибели его в кикианской атмосфере. Об угоне Виктор, как и все другие космонавты, знал, а вот весть о том, что корабль сгорел, была для него новостью.

— Н-да, — протянул Виктор и усмехнулся: — А если кикиане и наш корабль сожгут таким же образом?

— Сожгут? — машинально переспросил Федор.

Он вдруг удивился, что эта простая мысль, объясняющая причину гибели корабля, почему-то не пришла в голову ни ему, ни Ревскому. Наверное, мысли о злодействе и насилии стали чужды людям. А вот Хельгу это сразу пришло в голову. Лорка внимательно взглянул на него.

— Ты не веришь, что кикиане могли расстрелять этот корабль? — Глаза Виктора смотрели на Федора с легкой насмешкой. — Представь себе, что в двадцатом веке у нас, я хочу сказать — в Советском Союзе, были бы в распоряжении звездные корабли. Полетели бы мы куда-нибудь на Альфу Центавра и вдруг возвращаемся оттуда на могучем, на века опередившем время гиперсветовом корабле, торжественно оповещая об этом Родину. Разве враги не могли бы

попытаться уничтожить этот корабль на подлете, чтобы лишить нас этого преимущества?

— Могли, — задумчиво ответил Лорка и поднял глаза на Хельга. — Ты полагаешь, на Кике могут существовать две враждующие расы или группы сапиенсов?

— Вспомни историю землян.

— Честно говоря, ничего подобного мне не приходило в голову. А об этом стоит подумать. На всякий случай.

— Стоит, — с легкой ноткой иронии подтвердил Виктор, — а то наша разведка может закончиться без всяких торжественных церемоний.

ГЛАВА 21

Домой, в дачный пригород, Лорка возвращался уже в темноте. Он шел по синтетической дорожке, очень похожей на самую обычную тропинку, обозначенную по обеим сторонам крохотными мигающими лампочками, будто совсем не по сезону и не по климату в пожухлой траве и прелой листве прятались веселые золотистые светлячки. Лампочки начинали мигать шагов за десять и угасали сразу же за спиной Лорки.

Два дня назад наступило потепление, прошли дожди, и выпавший было снег растаял. В темном воздухе держался стойкий терпковатый запах прели. Прямо над головой мерцали крупные звезды, но уже неподалеку от зенита их начинала скрывать дымка, по мере приближения к горизонту она густела и наконец скрывала небо совсем. Была такая тишина, которая бывает глубокой осенью в неожиданную бурную оттепель, лишь за спиной Федора мягко, но мощно рокотал го-

род, -вовсе не торопившийся засыпать. Лорка представил себе нарядные улицы, полные народа, залитые ярким светом, и невольно покосился через плечо на городское зарево, занимавшее добрую треть небосклона. Покосился и замедлил шаг, а потом и вовсе остановился: кто-то шел позади него в сотне шагов, освещая себе дорогу ярким фонариком. Чудак! Зачем освещать прекрасно обозначенную тропинку и нарушать тихое очарование влажной осенней ночи? Но недоумение Лорки тут же сменилось настороженностью: человек с фонариком шел не по тропинке, а прямо по целине, через кустарник. И что самое странное, Лорка не слышал ни шагов, ни шороха раздвигаемых ветвей, ни треска сучьев — яркий огонь двигался бесшумно, точно плыл в затуманенном воздухе.

Смутная тревога вдруг кольнула сознание Федора. Он невольно сошел с тропинки, скользнул между деревьями и спрятался за кустарником. Мимоходом заметил, что почти вся листва его облетела и за голыми ветками не так уж и спрячешься. Бесшумный колдовской огонь неторопливо приближался, описывая плавные зигзаги, то всплывая вверх, то опускаясь вниз. Ненадолго он совсем было скрылся за деревьями и кустами, а когда появился снова, совсем недалеко, метрах в двадцати, Лорка вздохнул с облегчением — это была шаровая молния. Интересное явление природы! Многие научились делать человек XVIII века, даже маленькие искусственные солнца, но создать вот такой крохотный, долгоживущий комочек плазмы не удалось пока никому. Поистине много загадок в мире, которые и не снятся мудрецам.

Внимательно следя за молнией, Лорка вдруг спросил себя: а почему он, собственно, вздохнул с облегчением, когда определил, что это просто молния, шаровая молния, и ничего больше? Ждал чего-то худшего, более страшного и таинственного? И честно ответил

себе: ждал. Хочешь не хочешь, а кикианская история разбудила в его сознании дотоле крепко спавшие чувства, связанные с древними суевериями и мистицизмом.

Шаровая молния двигалась, лучше сказать — плыла, со скоростью быстро идущего человека на высоте около метра от земли, бесшумно волоча за собою светлое пятно. На такой же высоте она облетела кустарник, всплывая от земли на два, а то и три метра — вот почему Лорке показалось, что чудак человек держит фонарь высоко над головой. На таком же расстоянии она огибала стволы редких деревьев, причем лавировала так мягко и непринужденно, точно ее движением управлял опытный пилот. Молния была величиной с крупный апельсин и излучала желтовато-золотистый, солнечный свет, но иногда ее наружная оболочка словно лопалась, и сквозь эти недолговечные трещины проглядывало ослепительное голубоватое ядро. Движение молнии сопровождалось легким потрескиванием, похожим на шелест сухой грубой травы. Когда огненный шар проплывал мимо, Лорка заметил, что за молнией тянулся тонкий искристый хвостик. Ну чем не реактивная струя миниатюрного плазменного двигателя! И на смену облегчению в душу Федора снова закралась смутная тревога и беспокойство. Отпустив огненный шар метров на двадцать, Лорка осторожно двинулся следом. Подойти ближе Лорка опасался.

Шаровая молния вдруг скользнула вниз и скрылась. Оглядевшись, Федор подбежал к ближайшему дереву, подпрыгнул, ухватился руками за сук, подтянулся и тут же увидел молнию. Огненный шар лежал в ложбинке между кустами, едва-едва касаясь своей поверхностью самых верхушек пожухлых травинок, которые не только не сминались, а, наоборот, тянулись к огненной поверхности, с которой сыпались мельчайшие, едва заметные глазам, искорки. И вдруг прямо на глазах

шаровая молния начала тускнеть, худеть и наконец с громким шипением угасла совсем. Секунду Лорка не мог поверить своим глазам, хотя знал, что такое случилось и раньше. Потом, постаравшись возможно точнее запомнить направление, соскочил с дерева и пошел вперед. На ходу достал и включил карманный фонарик. Яркий сноп света прорезал темноту и светлым пятном лег на землю. Трава, опавшие листья, голые ветви кустарника, черные стволы деревьев. Лорка повел фонариком из стороны в сторону и правее впереди увидел ложбинку. Подойдя ближе, он осмотрелся, осветил дерево, с которого вел наблюдение, и окончательно убедился, что это та самая, а не какая-нибудь другая ложбинка. Тогда, опустившись на корточки, он принялся за тщательное обследование и не без труда обнаружил темноватое пятно — верхушки влажных жухлых травинок были слегка опалены. И все! Ничего больше. Федор выпрямился, испытывая двойственное чувство: разочарования оттого, что никакой тайны не состоялось, и успокоения... все по тому же поводу! На всякий случай, однако, повел фонариком вокруг себя и буквально в шаге от выжженного пятна, под кустом, там, где не росла трава, увидел на влажной земле четкие, довольно крупные звериные следы. Федор не мог определить, какому конкретно животному они принадлежат, хотя ему бросилась в глаза их развитая пятипалость. Но, как и любой космонавт-гиперсветовик, он был достаточно опытным следопытом, а потому легко установил, что следы были совершенно свежими. Продираясь между кустами, Лорке удалось проследить путь животного на протяжении нескольких метров, он совпадал по направлению с траекторией полета шаровой молнии и направлением тропинки. Но потом следы вышли под деревья, где земля была покрыта плотным ковром слежавшихся влажных листьев, и исчезли. Лорка принялся было обследовать периферию этого про-

странства, надеясь обнаружить выход следов, но потом передумал, кратчайшим путем вернулся на тропинку и быстро пошел к дому.

Окна были освещены, а возле кустарника, служившего живой изгородью, стоял небольшой мобиль-вездеход. Значит, либо Альта уже вернулась, либо его ждет кто-то из гостей. Неизвестно почему, но от мысли, что в доме кто-то есть, Лорке стало спокойнее. Поймав себя на этом ощущении, он невольно замедлил шаг. Значит, он тревожился? Почему? Вспомнилось туманное гулкое утро, закончившееся его легкомысленным прыжком в овраг: «Как-то не так сегодня, Лорка. Как будто мы не на Земле, а в другом мире», — сказала тогда Альта. А Федор уверенно возразил ей, что они дома, — все говорит за это: запахи, звуки, трава под ногами. Много ли времени прошло с той поры? Запахи, звуки остались прежними, родными. А мозг насторожен, чувства обострены, и на сердце тревожно, как будто бы Лорка не дома, а за десятки световых лет, в чужом мире, на Кике.

Проходя мимо мобиля, Лорка машинально осветил его фонариком, дабы убедиться, что он пуст. Прежде, до кикианской истории, ему и в голову бы не пришло проделать это. Войдя в прихожую, неярко освещенную дежурным светом, прислушался. Тишина.

— Альта, ты дома? — негромко окликнул он, снимая куртку.

Ответа не было. «Кто же тогда включил в гостиную свет?» — подумал Федор и прошел в комнаты. На пути ему попался клочок бумаги. Лорка поморщился, подобрал его и швырнул в утилизатор. И вдруг он вспомнил о клочке бумаги, который подобрал возле Большого телеинформара. Бумажки были похожи и по размеру и по фактуре. Мусор в целинной степи... Мусор в их чистеньком домике... Необычно и не совсем понятно. Простое совпадение? Вполне возможно, одна-

ко стоило бы рассмотреть этот клочок повнимательнее. Но тому, что попадает в эту ненасытную трубу, возврата нет, во всяком случае, в изначальном виде. Лорка с досадой толкнул ногой раструб задраенного крышкой утилизатора, задумался, поглаживая подбородок.

Вдруг его пронзило острое, сковывающее ощущение неведомой опасности, это был даже не «взгляд на затылке», а нечто гораздо большее. Привычным усилием воли стряхнув ледящий страх, Лорка резко обернулся. В прихожей что-то шарахнулось, распахнулась наружная дверь. Заглянув в гостиную и никого там не обнаружив, Лорка метнулся к выходу, по пути нажав кнопку наружного освещения. На пороге он остановился, мгновенно охватив привычным ищущим взглядом окрестности домика, залитые теперь ярким светом. Никого и ничего! Взгляд его невольно задержался на мобиле. В тот же миг, точно почувствовав это, машина тронулась с места и, стремительно набирая скорость, стала выворачивать на проезжую дорогу, ведущую к городу. Но, видимо, за рулем сидел неопытный водитель, выполняя крутой стремительный поворот, мобиль врезался в дерево и остановился.

Перемахнув с разбегу через живую изгородь, Лорка оказался возле машины. Обе дверцы распахнуты. Никого. Рука Федора скользнула за фонариком, но остановилась на полдороге: он вспомнил, что фонарик остался в снятой куртке.

Лорка возвращался домой в глубокой задумчивости. Ведь впервые за всю эту путаную историю присутствие кикиа на Земле обрело хотя и таинственную, но зримую, осязаемую, материальную форму. Лорка был почти уверен, что за рулем мобили сидел не человек, во всяком случае, не обыкновенный человек — уж слишком неопытным оказался этот водитель. Даже гораздо более сильный удар не вывел бы машину из строя, у

нее просто заглох двигатель. Запустить его нажатием кнопки смог бы и ребенок, уже в младших классах детей обучают вождению таких мобилей, причем даже в аварийных ситуациях. Лорка не без удовлетворения думал о том, что явно враждебных намерений у кикиан нет — ведь они даже не попытались причинить ему какой-нибудь вред. Но и дружелюбием в этом происшествии совсем не пахнет! Ревский прав, можно ожидать не только прямого, но и косвенного удара, а потому Альте вряд ли разумно оставаться здесь одной. Проблемы!

...Альта пришла возбужденная, на щеках густой темный румянец, светлые глаза блестят, как тающие льдинки. Лорка помог ей снять шубку и шапочку из темного меха.

— Что за иллюминацию ты устроил перед домом? — с порога спросила Альта.

Лорка не собирался рассказывать жене о происшедшем, зачем ей лишние волнения? Там более он не собирался говорить о том, что неслышно сопровождал ее от самого города, от начала тропинки и обогнал целиной лишь за сотню метров от дома.

— В честь твоего прихода. Где ты была так долго? — с напускной строгостью спросил он.

Альта загадочно улыбалась. Лорка покачал головой, присматриваясь к ней.

— Что-то случилось? — подозрительно спросил он.

— Случилось, — явно скрывая торжество, ответила Альта.

— Раньше говорили: жена торжествует — жди беды.

— Жди!

Альта присела в уголок дивана, охватив руками колени. Федор пристроился рядом с ней на ковре.

— Так что же с тобой стряслось? — спросил он.

— Не со мной, а с тобой.

Синие глаза Альты задорно блестели. Лорка хмык-

нул, тщательно скрывая вдруг появившееся беспокойство.

— Меня решили принудительно перекрасить — из рыжего превратить в жгучего брюнета?

Альта помотала головой, поддразнила:

— Я участвовала в заочном заседании Всемирного общества женщин.

— Вот как! А почему именно ты?

— Решили, что это будет полезно.

— Так-так. — Лорка сокрушенно вздохнул. — Разве не анархизм это общество? Почему, скажи ты мне на милость, нет Всемирного общества мужчин?

— Потому что у вас нет всеобщих мужских интересов, — отпарировала Альта.

— Как это «нет»? Разве обязанность ухаживать за женщинами, любить их и лелеять не всеобщая? Не понимаю, чего женщины так суетятся? Вы требовали абсолютного равенства — пожалуйста! Так ведь не понравилось. Сами же установили равенство условное со всевозможными привилегиями, с одной стороны, и ограничениями — с другой. Мы, мужчины, народ гордый и сговорчивый: условное равенство — так условное, не возражаем. Что же вам еще такое потребовалось во всемирном масштабе? Решили создать поселение амазонок? — Болтая, Лорка не переставал размышлять, и неожиданно у него сверкнула догадка: — Что-нибудь насчет Кики?

— Угадал!

— Ну-ну, — поторопил Лорка.

— Принято решение потребовать, чтобы в состав разведотряда была включена хотя бы одна женщина.

Альта было рассмеялась, глядя на удивленное лицо Федора, но сразу же заметила, что он расстроился всерьез, и погладила его по волосам.

— Почему ты огорчился? У тебя теперь есть все основания взять меня на Кики.

— Об этом не может быть и речи; — резко ответил Лорка и, видя, как похолодели глаза Альты, мягко добавил: — Не будем возвращаться к нашим старым спорам.

Альта покачала головой.

— Упрямый ты человек. И жестокий.

— Я уже слышал об этом. Вчера. От жены Соколова.

— И что ты ей ответил?

— Что справедливость нередко кажется жестокой тем, кому она невыгодна.

— Разве ты справедлив по отношению ко мне?

Лорка взглянул на жену.

— Милая моя девочка. Речь идет о судьбах человечества. Ну разве можно приравнивать к ним наши взаимоотношения?

Альта посмотрела в зеленые, непривычно невеселые глаза мужа:

— Неужели дела обстоят так серьезно?

— Возможно. Я как-то запутался. Но у меня такое впечатление, что очень многое будет зависеть от того, насколько умело мы сыграем роль посланцев Земли на Кике.

— А если вы ошибетесь?

— А что произошло с акулами? Ведь они виноваты лишь в том, что ошибочно вели себя по отношению к человеку.

— Ты говоришь страшные вещи.

— Не очень. Даже если всемогущие кикиане и придут к выводу о безусловной космической вредности человечества, вовсе не значит, что они зададутся целью уничтожить его. Они могут изолировать нас, ограничить или просто прервать всякие связи с нами. Сохранили же мы акул в Мраморном море.

— Ты убежден в могуществе кикиан?

— Вовсе нет.

Альта с сердцем оттолкнула его тяжелую голову;
— Так зачем же ты меня пугаешь?

Зеленые глаза Лорки лукаво сощурились, но остались невеселыми.

— Потому что одному мне слишком тяжёлый груз подозрений. С кем же поделиться страшными грезами, которые рождает мой усталый разум, как не с женой?

Улыбка сбежала с его лица.

— Я запутался, Альта, а поэтому и превратился в пессимиста. Если кикиане — друзья по разуму и морали, то почему так старательно избегают причинять нам зло? Не беру в расчет гибель людей на самой Кике, это могло быть недоразумением. Я не вижу границ их могуществу: они действуют незримо и неслышно, галактические расстояния нисколько их не смущают — и это меня пугает. Но рядом же я вижу их странное бессилие. И это вселяет в меня еще не совсем осознанные надежды.

Альта молча гладила его волосы и шею. Лорка, прикрыв глаза, говорил теперь словно про себя:

— Неведомо, как они оказались на Земле, сначала погубили, а потом спасли Тима. Они ухитрились изучить нашу технику и угнали гиперсветовой корабль. Разве это не свидетельство их могущества? Но корабль сгорел в атмосфере родной планеты! И разве это не говорит об их странной беспомощности?

— Загадочно все это, — после паузы проговорила Альта, соскользнула с дивана, прижалась к Федору. — И страшно.

— Страшновато, — согласился Лорка.

Альта потерлась щекой о его плечо:

— Скажи, почему ты так против участия женщин в экспедиции? Я уже не говорю о себе. Ты вообще против, правда?

— Правда. Настолько правда, что сделаю все возможное, чтобы воспротивиться этому.

— Ты не считаешь женщин достаточно храбрыми?

Федор уловил нотку отчуждения в тоне жены и обнял ее за плечи!

— Ты не подумай, я не против смешанных экипажей и отрядов вообще. Они существуют и прекрасно выполняют свои задачи. У смешанных отрядов даже больше гибкости, они легче переносят длительные невзгоды, устойчивее к стрессам. Но это если невзгоды не превышают критических величин, а стресс не оборачивается шоком. В экстремальных условиях я отдаю предпочтение чисто мужскому составу.

— А если чисто женскому?

— Возможно, — охотно согласился Лорка. — Не зря же существовали легенды об амазонках, и достоверно известно, что у многих африканских вождей существовала чисто женская гвардия — охрана. Но в космосе нет такого опыта.

— Боюсь, тебе одному будет трудно справиться с целым Всемирным обществом, — не без лукавства заметила Альта.

Лорка усмехнулся, щуря свои зеленые глаза:

— На всякий случай у меня есть запасной ход.

— Какой? Секрет?

— Нет. Надо взять в отряд такую женщину, которая не вызывала бы у мужчин лишних чувств и петушиного ража.

Альта засмеялась:

— Бабушку?

— Ну зачем брать в отряд балласт, если он даже добр и мил? Гораздо разумнее остановиться на полноценном человеке.

Альта вдруг отстранилась от мужа, глаза ее стали сердитыми:

— Уж не хваленую ли Эллу ты хочешь взять с собой?

— Да ты что, милая моя! Она же перебаламутит весь отряд, во всяком случае, постарается это сделать и только после этого успокоится и будет по-настоящему работать. Морочить головы мужчинам для нее вопрос престижа. Нет, если так уж получится, я предложу место Нике.

Альта всплеснула руками:

— Названной сестренке? Она же совсем еще девочка!

Лорка покачал головой:

— Она так выглядит. А на самом деле ей уже шестнадцать лет, и она имеет право распоряжаться собой.

— Да, имеет, — грустно согласилась Альта.

Федор знал, что она не совсем принимает закон о полной свободе личности, принятый уже более века назад. По этому закону, кстати, одному из немногих законов, выведенных за рамки неписаной морали и этики, человек, достигший шестнадцатилетия, мог полностью и безраздельно распоряжаться самим собой. Он один решал, где ему трудиться и как отдыхать, иметь семью или оставаться свободным, работать коллективно или в одиночку, жить ему дальше или умереть. Да, даже право ухода из жизни человека в здравом уме и твердой памяти считалось священным.

Альта смотрела на мужа с удивлением:

— А ты жестокий, Лорка. Неужели тебе ее не жалко?

— Мне ее жалко, — хмуро ответил Федор.

— Ничего себе жалость!

— Она может отказаться.

— Ника не из тех, кто отказывается. И ты это знаешь.

— Я ее жалею, — упрямо повторил Лорка.

— Если бы не это, я бы пригласил ее участвовать

в экспедиции и без Всемирного женского общества. Но если я буду поставлен перед необходимостью, то первое предложение сделаю Нике. В таких делах, как кикианские, личное — ничто по сравнению с общественным долгом. Ошибок мне не простят.

Альта опять прижалась щекой к его плечу:

— Может быть, ты и прав.

— И еще одно. — Лорка помолчал. — Временно нам придется жить не здесь, а в городе.

Альта вскинулась, заглянула в глаза Федору:

— Почему?

— Пусть это будет моей маленькой тайной.

ГЛАВА 22

Игоря Дюка Лорка отыскал в бассейне. Собственно, это был не бассейн, а большой участок морского мелководного акватория, оборудованного для купаний, плавания, спортивных игр на воде и под водой. Игорь стоял в непринужденной позе на краю площадки десятиметровой вышки, чуть опираясь на перила, и смотрел вниз на голубую, будто покрашенную синькой, воду. Он не заметил, как подошел Федор. Лорка сел у самой воды на упругую, теплую скамью. Покосившись на безжалостное тропическое солнце, словно окутанное раскаленной шалью, Федор нажал клавишу комфортных условий. Позади него медленно потянулся вверх штырь с набалдашником, над головой с легким треском раскрылся большой зонт, и из-под голубого шатра повеяло легким потоком прохладного воздуха. Лорка распахнул ворот рубашки, блаженно откинулся на спинку скамьи. Теперь можно было заняться делом. Он посмотрел на вышку — поза Игоря изменилась, она приобрела настороженность, и

смотрел Дюк теперь не на воду, а прямо на Лорку. Игорь вдруг театрально развел руками и радостно-удивленно крикнул:

— Федор!

— Это не я, — расслабленно ответил Лорка, подставляя прохладным струям воздуха то одну, то другую щеку.

— Федор, рыжий ты ангел!

Дюк на секунду вытянулся стрункой — темный силуэт на белесо-голубоватом небе. Тонкий, гибкий — прямо юноша, только развитые плечи да посадка головы выдавали его истинный возраст, — он хотел сделать тройное сальто, но перекрутил и, входя в воду, поднял косою веер брызг.

Как выяснил Лорка, усиленные занятия философией и космологией не помешали Игорю заявить о своем желании возобновить активную работу в космосе. Он успешно прошел медицинскую комиссию, но для пушей гарантии ему был рекомендован санаторный отдых на Таити. О своем визите Лорка не предупреждал: комиссия комиссией, но, прежде чем делать официальное предложение, Лорке хотелось посмотреть, как Игорь выглядит и как себя чувствует.

Вынырнув, Дюк выпустил изо рта струйку воды и наставительно сообщил:

— Вот как не надо делать тройное сальто с десятиметровой вышки!

— Верно, — согласился Лорка, — не надо так. Неэстетично.

Дюк сделал несколько мощных гребков, выбрался на берег и принялся вытираться мохнатым полотенцем. Под загорелой кожей перекатывались и играли мышцы. Усаживаясь рядом с Лоркой, Игорь сказал:

— Ты один или с Эллой?

— А что, надо было привезти?

Игорь не ответил и, пристально глядя на воду, же-

стом призвал Лорку к молчанию. Федор ничего не понял, однако, подражая Дюку, принялся смотреть на воду. Но ничего не происходило, вода как вода. Она казалась густой — так лениво колыхалась; по ней скользили, плавали крупные солнечные блики и вдруг рассыпались десятками острых, жалящих искр.

— Ожидается необыкновенное явление? — шепотом спросил Лорка.

Игорь скорчил презрительную гримасу.

— Дядька Черномор с прекрасными витязями?

С той же миной Дюк мотал головой. Федор хотел спросить еще о чем-то, но не успел. Раздался всплеск, и на поверхности появилась хорошенькая девичья головка. Она встряхнула коротко стриженными волосами, нараспев укоризненно сказала:

— Что же вы, Игорь?

Дюк не без торжества взглянул на Лорку и скороговоркой спортивного комментатора проговорил:

— Одно из торжественнейших событий сегодняшнего дня — рождение Афродиты из морской пены. Зовут Ладой.

Лада перевела взгляд с Игоря на Лорку, потом обратно, неторопливо вытерла еще раз ладонью лицо и так же нараспев выговорила:

— Болтун вы, Игорь. Неисправимый.

Пока она подплывала к берегу, движения у нее были плавны, изящны и энергичны. Дюк в том же репортерском тоне вещал:

— Неблагодарность свыше—проклятие рода человеческого всех времен и народов. Боги никогда не понимали людей. А если понимали, то не так, как нужно. Когда же случалось понять по-настоящему, вместо награды на голову бедных смертных обрушивались всякие кары и злодейства. Исключение составляла Афродита, она многое и с чистым сердцем дарила и богам и людям. Например, Парису она подарила яблоко. Но увы,

это было ужасно давно, а я не Парис. Я гораздо лучше! Но за то, что, изнемогая от солнечного зноя, наблюдал с вышки за божественными ходами скоростного подводного ориентирования, новоявленная Афродита вместо яблока наградила меня титулом болтуна.

Лениво вытираясь мохнатой простыней, «Афродита» с рассеянной улыбкой слушала Игоря. Она и правда была похожа на светлую богиню любви. Платиновые волосы, фиалковые глаза, мягкие черты лица, нежный золотистый загар и несколько массивные скульптурные формы. В ней не было элегантности Эллы, изящества Альты, спокойной женственности Валентины. В ее замедленных, льющихся движениях была своя, особая грация, обращенная не на окружающих, а как бы внутрь себя.

— Хорошо, вы получите свое яблоко.

— Из ваших божественных рук?

— Разумеется. За ужином.

— О, жалкий жребий мой! Я мечтал совсем о другом, — сокрушенно возгласил Игорь.

Молодая женщина легонько шлепнула его по руке и с медлительной гибкостью поднялась на ноги.

— Забирайте его с собой, Федор. Для санатория у него слишком много энергии.

— Куда же я его дену, такого энергичного?

— На Кику. Да вы не удивляйтесь, он мне все уши прожужжал и о вас, и об этой планете.

Она перекинула простыню через плечо.

— Мне пора. До свидания, Федор.

Провожая ее глазами, Лорка спросил вполголоса:

— Влюблен?

— Пока нет.

— А потом?

— Кто из смертных может уверенно говорить о «потом»? — усмехнулся Игорь и добавил уже серьезно: — Я жалею ее. Не удивляйся — у нее искусственные лег-

кие, оба. Поэтому и занимается подводным плаванием — соединяет приятное с полезным, под высоким давлением эти органы быстрее приживаются. А дыхательные пути и легкие ей выжгло во время аварии на заводе синтезпродуктов. Произошла утечка какого-то ядовитого вещества. Дыхательные пути регенерировали, а вместо легких — биомехи.

— Так она же здорова теперь. За что же ее жалеешь? — хмуро спросил Лорка.

По губам Дюка скользнула улыбка.

— По инерции. Ты видел ее? Разве не Афродита?

— Красивая женщина, — подтвердил Лорка.

— А красивые женщины очень уязвимы во всем, что касается их внешности, да и просто здоровья. У Лады была жестокая депрессия после реанимации. Она считала себя неполноценной, уродкой, помесью человека и механизма. Ей не хотелось жить. Двумя неделями раньше ты бы не узнал ее — это была тень теперешней богини. У меня сердце сжалось, когда я ее увидел.

Игорь плутовато усмехнулся:

— И я принялся напропалую за ней ухаживать. Говорил комплименты, иногда выглядел таким прожженным ловеласом, что даже окружающие морщились. Изображал роковую влюбленность в духе рыцарского средневековья и страданий молодого Вертера. Специально перечитал эллинскую мифологию. Она быстро разобралась, что я дурака валяю, но незаметно втянулась в эту игру. Сказался инстинкт красивой женщины.

— Так и играете до сих пор?

Дюк задумался, пожал плечами и вдруг засмеялся:

— А кто его знает! Во всяком случае, мы по-настоящему подружились и игра у нас уже другая.

Помедлив, Лорка спросил:

— Ты уж прости меня, но почему ты спросил про Эллу?

— А что, нельзя?

— Почему же нельзя?

— Вот я и спросил. — Дюк помолчал. — Недавно мы говорили с ней по видеофону. Спрашивает: «Навестить тебя?» Я говорю: «А это нужно?» — «Наверно, не нужно», — отвечает.

Игорь взглянул на Лорку и усмехнулся:

— Трудно рвать старые цепи. Даже когда они насквозь проржавели и стали не крепче бечевки.

Лорка присмотрелся к его лицу и круто сменил тему разговора, благо он уже разобрался, что к чему.

— Послушай, Игорь, а что, если тебе последовать совету Лады?

Дюк непонимающе взглянул на него.

— А именно.

— Отправиться со мной на Кику.

Игорь присвистнул, разглядывая Лорку, видимо, разбирался — не шутит ли.

— Ты для этого и прилетел, рыжий ангел? — проговорил он наконец.

— Дьявол, теперь уже дьявол, Игорь. Я же собираюсь утащить тебя на Кику, а это настоящая преисподняя, судя по всему.

Южное, чуть скуластое лицо Дюка стало сосредоточенным, приобретая законченные скульптурные черты.

— Я и правда мечтал об этом, но справлюсь ли? Дело серьезное, надо подумать.

Лорка видел, что Игорь, как это иногда случалось с ним, немного актерствует, а поэтому сказал суховадно:

— Не строй барышню-дворянку, которой кузен предлагает руку и сердце. Время не терпит. Мне нужен ответ немедленно.

— Ишь ты, даже подумать нельзя!

— По-моему, ты уже давно обо всем подумал.

Игорь хмыкнул:

— Что верно, то верно. Что ж, поступим по рецепту древних храбрецов: вперед, на Кику! — Он помолчал,

теперь уже серьезно поглядывая на Федора, попросил:— Если не трудно, введи меня в курс последних событий. Хотя бы коротко.

Лорка отдавал себе отчет, что имеет дело с опытным космонавтом, не раз возглавлявшим экспедиции. Поэтому со всеми подробностями рассказал Игорю и о своих планах обследования Кики, и о последних событиях, вплоть до гибели угнанного с Плутона гиперсветового корабля и происшествия с шаровой молнией. Это последнее заинтересовало Игоря больше всего.

— Ты знаком с гипотезой Тоницы? — спросил он.

— Не припоминаю.

— Очень любопытная гипотеза. Выдвинута в середине двадцать первого века, когда было создано несколько различных подобий шаровой молнии. И тогда окончательно выяснилось, что путей создания подлинной долгоживущей молнии без искусственной стабилизации и внешней подкачки энергии пока не существует даже в перспективе. Тоница на основании анализа огромного количества фактов утверждал, что под понятием «шаровая молния» обобщается целая группа плазменных объектов, имеющих принципиально различное происхождение, структуру и эволюцию. Тоница допускал, что некоторые из этих плазмонидов могут иметь искусственное происхождение — быть вестниками или разведчиками иных цивилизаций. Собственно, это уже другая гипотеза, о так называемых неопознанных летающих объектах. Она имеет древние корни, обширную литературу и... ни одного безусловного фактического подтверждения.

— Это мне известно, — начал было Федор, но Игорь не дал перебить себя:

— погоди, я еще не выплеснулся до конца. Когда я усердно занимался своей любимой философией космоса, я наткнулся на теорию Сингха Ривейры. Системой строгих уравнений он показал, что так называемая субпро-

странственная телепортировка может производиться только плазменными объектами с достаточно высокой температурой, не ниже некоторой критической.

— То есть если надо телепортировать вот этот зонтик или меня, грешного, то сначала нас надо преобразовать в плазму, а после телепортировки выполнить обратную трансформацию? — уточнил Лорка.

— Вот именно!

— Любопытно.

Лорка задумался и вдруг по какой-то прихотливой ассоциации спросил:

— Послушай, ты за последние дни не получал какого-нибудь странного послания?

— Какого послания? — удивился Дюк.

— Рукописного, на оберточной бумаге.

— На оберточной... — повторил Игорь сосредоточенно и как-то странно взглянул на Лорку. — Ты уверен, что это существенно?

Федор насторожился:

— Неужели получал?

— Представь себе. — Игорь смотрел на Лорку с некоторым недоумением. — Получал. И по-моему, не успел еще выбросить.

— Неужели? — вырвалось у Федора.

Дюк еще посидел на скамье, что-то припоминая, потом поднялся и пошел к кабине, где висела его одежда. Он задержался там куда больше, чем рассчитывал изнававший от нетерпения Лорка. Вернулся Игорь скорым шагом и, не присаживаясь на скамью, спросил:

— Шхуна — это корабль?

— При чем тут шхуна? Записка сохранилась? — нетерпеливо спросил Лорка.

— Шхуна — это корабль, ведь так? — с непонятной настойчивостью повторил Дюк.

— Корабль. Старинный парусный корабль с какой-то там специфической оснасткой.

Игорь сосредоточенно кивнул головой, потом протянул руку и разжал ладонь. На ней лежал сложенный вчетверо клочок бумаги.

— Нашел в кармане брюк дня три назад. Здесь же, в кабине, когда переодевался. Хотел выбросить, но потом решил показать Ладе, да забыл. Так и залялась.

Рука Лорки дрогнула, когда он брал эту бумажку. Развернул. На ней была безграмотная надпись, сделанная корявыми прыгающими буквами. «Черессветная шхуна сгорела ошибочным расчетом. Не надо быть опасаемыми. Это есть конец разговоров на знаках. Уходящий совсем последним».

Лорка шел с пляжа и вспоминал свой разговор с Игорем, когда рассказал ему, при каких обстоятельствах приходилось находить такие же бумажки.

— Жаль, — сказал Дюк с искренней досадой. — Как жаль, что тебе не пришло в голову как следует разглядеть их. Скорее всего они содержали какие-то сообщения.

— Скорее всего так, — уныло согласился Федор. — Но разве мне могло прийти в голову, что инопланетяне будут общаться с нами безграмотными записками на жалких клочках бумаги!

Игорь усмехнулся:

— Да и мне инопланетные контакты рисовались совсем по-другому. Что-то вроде дипломатического визита или симпозиума с использованием совершеннейших средств информации. Действительность, как и всегда, куда проще и вместе с тем гораздо запутаннее наших домыслов. — Дюк помолчал, сосредоточенно хмуря брови, и уверенно добавил: — Убежден, что, прежде чем обратиться к такому примитиву с записками, кикиане использовали массу других средств связи. Но не имели успеха.

— Если только это не был успех наизнанку, — невесело уточнил Лорка.

— Что ты имеешь в виду?

— Гибель людей на Кике.

— Вот как? А вообще-то вполне возможно. Попытки прямой передачи информации на мозг и на Земле кончались неудачно. Чуть больше, чем нужно, мощность, резонанс с биоритмами мозга и либо припадок, либо смерть. — Игорь вздохнул. — Все-таки чертовски жаль, что ты не обратил внимания на другие записки.

Секунду Лорка рассеянно смотрел на товарища, что-то припоминая, потом не совсем уверенно проговорил:

— Подожди! Думаю, что еще одну записку мы найдем.

И он рассказал Игорю о своем странном разговоре с Тимуром.

ГЛАВА 23

У домика Тимура Лорка замедлил шаг. Всего неделя прошла, когда он был здесь, а как все изменилось, все погрузнело вокруг. Поредела пышная крона раскидистой липы, опавшими листьями была усеяна не только земля, но и чурбаки, служившие стульями, и костер, превратившийся в грязное черное пятно, и синтетическая дорожка, убегавшая в глубь леса. Плазали листья и в большой, неожиданно чистой луже, равнодушно отражавшей скучные серые облака и тревожную просинь небесных окон, из которых иногда выбрызгивало солнце.

Лорка отодвинул бесшумно скользившую дверь и с удовлетворением убедился, что Тим еще не покинул своего уединенного жилища и что заблаговременно обдуманный разговор с ним не придется откладывать. Лорка откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание.

В коридор выглянула Валентина:

— Федор! Как хорошо, что вы прилетели.

— Так уж и хорошо? — Лорка переминался с ноги на ногу, ожидая, когда искрящиеся ворсинки пышного ковра не вычистят и не высушат его сапоги.

— Конечно, хорошо. Да хватит вам топтаться, проходите.

Лорка прошел в гостиную, не без опаски опустился на изящный, хрупкий на вид дачный диванчик. Он пискнул под тяжестью его тела, прогнулся.

— Этот диванчик всех пугает, — сказала Валентина, усаживаясь напротив Лорки в кресло.

Ее большие серые глаза внимательно следили за Федором. И оттого что в этих глазах не было даже самого легкого недовольства или обиды, Лорка с новой остротой почувствовал свою невольную вину перед этой женщиной — ведь как-никак, а именно он разлучал ее с мужем и, может быть... У него мелькнула мысль — навсегда, но он тут же и очень сердито поправил себя: надолго, а не навсегда. Надолго!

— Значит, напугала вас осень, удираете? — спросил он вслух, стараясь отвлечься от своих непрошенных мыслей.

— Да что вы! — откровенно удивилась Валентина. — Мы любим осень, особенно я. Даже вот такую, когда дождь, ветер и листья падают. Сидеть у окна, слушать и смотреть на все это — ведь правда хорошо?

Лорка засмеялся — он, уроженец солнечного юга, терпеть не мог ветреной и дождливой погоды, она нагоняла на него тоску.

Глядя на оживленное лицо молодой женщины, Лорка снова, как укол, ощутил чувство вины перед ней.

— Валя, вы не сердитесь на меня? — неожиданно спросил он.

Она подняла брови, неумело поморщив свой чистый лоб:

— За что?

— А за то, что я забираю в экспедицию Тима.

— Разве он не по своей воле летит с вами?

Большие серые глаза Валентины смотрели на Лорку ясно, спокойно, даже простодушно, без малейшей иронии. Федор ощутил сложное, противоречивое чувство: и облегчение и стыд из-за того, что не сумел сразу оценить своеобразное величие этой жены и матери.

— Да и как ему не лететь, когда вы летите? Конечно, Кика — опасное место, но не так уж чтобы очень. Вы с Тимом бывали в местах и пострашнее, правда?

— Еще бы! — Лорка постарался не сфальшивить.

Валентина кивнула в знак согласия.

— Тим мне рассказывал. — Она подумала и рассудительно добавила: — Потом у вас очень сильный по составу разведотряд. Все в отличной форме. И еще... — Она вдруг осеклась, с каким-то лукавством и торжеством взглянула на Федора и, круто меняя тему разговора, вдруг предложила: — Хотите, я вам дочку покажу?

— Хочу. — Лорка поднялся с диванчика. — А где Тим? Спит или опять по грибы пошел?

— И не спит, и не по грибы, — с ноткой таинственности ответила Валентина. — Скоро придет.

— Придет? Откуда?

— Секрет. — Валентина осторожно отодвинула дверь детской.

— А почему удираете отсюда, тоже секрет?

— Тоже секрет. Да вы проходите.

— И тут секреты, — пробормотал Лорка, перешагивая вслед за Валентиной порог маленькой комнатки.

В колыбели, стоящей у стены, сладко спала голенькая, покрытая легким загаром девчушка — пухленькое существо с перетяжками на ручках и ножках. Личико сосредоточенное, крохотный ротик приоткрыт.

— Спит, — прошептала Валентина.

— Знаете, Валя, — сказал вдруг Лорка. — Я вот боюсь младенцев. Честное слово! На расстоянии еще могу любоваться, а вот как дадут мне их на руки — боюсь!

Валентина засмеялась:

— Да что же они — кусаются, что ли?

— Да, нет, не кусаются. Я не за себя боюсь, а за малышей — вдруг у них что-нибудь там поломается: вывихнется или оторвется.

Разглядывая Лорку, Валентина сокрушенно вздохнула, но глаза ее смеялись.

— Ох, и бестолковые вы, мужчины!

— Вы тоже хороши. Девочка спит, а свет как на солнцепеке. Нет бы выключить.

— Как можно! Днем дети должны спать при свете. Загорать и крепнуть. Разве можно ломать естественные условия? Федор, да вы не слушаете меня!

— Слушаю. — Лорка улыбнулся. — Но еще и думаю о своем.

— О чем?

— Да, например, о том, куда все-таки запропастился Тим?

Лицо Валентины вдруг отразило беспокойство.

— И правда, что-то долго его нет. Уж не случилось ли чего? — Она поспешно встала. — Пойдемте, Федор.

Выйдя из домика и пройдя шагов десять по синтетической дорожке, Валентина свернула к кустам и остановилась возле люка, закрытого крышкой и ведущего куда-то под землю.

— Здесь у Тима лаборатория, — пояснила она, нагибаясь к крышке.

Лорка с улыбкой отстранил ее.

— Только осторожнее, — поспешно предупредила Валентина.

Не поняв хорошенько, что бы могло означать это предупреждение, Лорка откинул неожиданно массивную крышку и увидел легкую лесенку, ведущую в хорошо освещенное помещение. Он не успел подумать, на кой черт Тимуру понадобилось устраивать себе какую-то примитивную лабораторию, как вдруг голова у него закружилась, а мысли спутались. Лорка распрямился. Его приметно шатнуло. Пошире расставив ноги, Федор огляделся: ему почудилось, что началось землетрясение, как будто он стоял не на твердой почве, а шел по бурному морю на небольшой яхте. Деревья, кустарники, трава и Валентина плавали в каком-то призрачном тумане, покалывало мышцы и ломило кости, откуда-то из глубины существа поднималось темное чувство страха и желание бежать отсюда без оглядки.

— Отойдите от люка! — как сквозь ватную стену, донесся до него отчаянный крик Валентины.

И в тот же миг землетрясение прекратилось, исчез призрачный туман, точно его сдуло ветром. Лорка прикрыл глаза и утомленно провел рукой по лицу, стирая капельки пота.

ГЛАВА 24

Ревский был сердит по-настоящему. В таком состоянии он никогда не повышал тона, не сверкал глазами и вообще не выказывал своего настроения, только четкие черты его рубленого лица становились еще резче, а морщины — глубже. Выслушав доклад Федора Лорки и Тимура Корсакова, он долго сидел молча, погрузившись в раздумье и глядя куда-то в угол кабинета.

— Вы поступили, как мальчики, увлеченные интересной игрой, но не как взрослые люди, которым пору-

чено серьезнейшее и ответственное дело. Я не уверен, смогу ли я теперь доверять вам так, как доверял раньше. И я не знаю, как мне поступить, — сказал наконец Ревский.

Тимур, который не мог не чувствовать, что на его плечах лежит основная доля вины за скрытность и самовольство, счел нужным заметить, хотя это и произошло у него не совсем уверенно:

— В конце концов ведь ничего страшного не произошло. Наоборот, удалось узнать много нового.

Ревский прервал его:

— Не все измеряется конечным результатом. Это лишь в старину да и то беспринципные люди смели верить, что цель оправдывает средства.

Лорка вздохнул. Ревский внимательно взглянул на него, грустно сказал:

— И ведь главная вина на тебе, Федор.

— Знаю.

— Почему? Это я все затеял, — возразил Тимур.

— Ты затеял, а он командир, — отрезал Ревский. — Что это за тайны и секреты от Совета космонавтов? Для чего тогда вообще существует этот совет? Лаборатории, научные станции и медицинские учреждения? На свой риск и страх занялся экспериментами!

— Право на риск — это мое право, — упрямо ответил Корсаков.

— Да, у тебя есть такое право. Но это право простого человека! А ты сейчас не простой человек, а член особого разведотряда, наделенного чрезвычайными полномочиями и ответственностью. Случись что с тобой, и экспедицию на Кiku пришлось бы откладывать до выяснения всех обстоятельств. А поди-ка разберись во всей этой путанице с безграмотными записками и инфразвуковыми экспериментами!

— Я был очень осторожен, Теодорович, — мягко покаялся Тимур.



Но Ревский продолжал злиться:

— Ты уж лучше молчи о своей осторожности! Выкопал себе нору и стал проверять, так ли он легко помирает, как другие!

— Нору я выкопал в порядке подготовки к экспедиции, — смиренно ответил Тимур. — Ты же сам утверждал программу тренировок, Теодорович. Есть там и такой пункт, как постройка убежища.

— Есть, — подтвердил Лорка, пряча улыбку. — И даже с оговоркой, что убежище должно быть подземного или пещерного типа.

Ревский шумно вздохнул, побарабанил пальцами и буркнул:

— Ладно. Оставим пока ваше легкомыслие. Проанализируем ситуацию по существу. — И, хмуря брови, внимательно перечитал сообщение, коряво написанное на клочке бумаги. Там значилось: «Когда если не беретесь космику, настаиваете сильно. Большая будет предстоять польза. Страх не надо быть имесным. Вы единственный с резервом инфразы».

Лорка не ошибся. Тимур действительно получил, причем ранее, чем кто-либо другой, таинственную записку. В отличие от Игоря ему и в голову не пришло, что это шутка. Какую-то роль сыграло и мнение Валентины, сразу уверившейся, что это сообщение от кикиан. В то же время Тимур не без основания решил, что очень нелегко будет заставить серьезно отнестись к этой безграмотной стряпне других людей, особенно ученых. Сначала надо было попытаться выяснить смысл этого не совсем понятного сообщения, поторопившись же, можно было лишь скомпрометировать себя.

Тим предположил, что после вмешательства кикиан в его жизнь он приобрел какое-то особое качество, резерв, как говорилось в записке, которое будет полезным ему на Кике, — свойство инфразы. Но что это за инфраза, черт ее подери? Может, он наделен теперь способно-

стью понимать дотоле незнакомый, а именно кикианский язык? Сославшись на перспективу участия в Кикианской экспедиции, Корсаков прошел дополнительное и очень тщательное нейропсихическое обследование по разделу памяти. Однако ничто не свидетельствовало о том, что его мозг обладает каким-то скрытым запасом сведений и возможностей. Так, может быть, инфраза — это инфразащита, защита от низкочастотных колебаний, механических, звуковых, электромагнитных или каких-нибудь иных? Особенно заинтересовался Тимур инфразвуками. Дело в том, что частоты инфразвука, в общем-то, соответствуют главным частотам биоритмов мозга — альфа-, бета-, дельта- и тэта-ритмам, лежащим в диапазоне от 2 до 30 герц. Как и всякий космонавт, Тимур был знаком с основами медицины. Он знал, что определенные спектры инфразвуков достаточной интенсивности могут оказывать на психику человека сильное воздействие и вызывать даже смерть. Покопавшись в литературе, Корсаков обнаружил, что о воздействии инфразвука на людей знали еще в двадцатом веке. Первым это совершенно случайно обнаружил ученый физик Вуд. Стараясь придать звучанию концертного органа особые краски, он встроил в него трубы, издававшие инфразвуки. На особый эффект он не рассчитывал, но когда эти органические трубы неслышно зазвучали, публика пришла в состояние необъяснимого ужаса и разбежалась из концертного зала.

Когда Тимур прочитал о том, что при воздействии некоторых инфразвуков смерть человека наступает от паралича сердца, он сразу же сопоставил это с гибелью людей на Кике. Полный параллелизм, если не совпадение! Он поначалу просто не мог понять, как ученые, анализирувавшие обстановку на этой планете, могли пройти мимо такого объяснения. Когда Тимур поделился своим недоумением с женой, Валентина сначала задумалась, а потом сказала:

— Люди быстро забывают то, что им становится ненужным. Разве мы умеем добывать огонь трением? Разве мы не забыли целую кучу кустарных, ручных промыслов?

Валентина была права. Кому нужны в двадцать третьем веке несущие боль и смерть инфразвуки? Еще не так давно они применялись для лечения некоторых неврозов и психических болезней. Но потом, когда бурно прогрессирующая генная инженерия обрела активность и эффективность, подобно хирургической, инфразвуковое лечение потеряло смысл и значение. Все сведения об инфразвуках переключались в историю эмоционального воздействия музыки, в алгоритмы гармонии, в эмоциональные тензоры эвристики. Человечество перестало связывать инфразвуки со страданиями и смертью и даже изъяло эти сведения из основной программы главного компьютера Земли. Отсюда и своеобразный провал в анализе кикианской обстановки.

И все-таки Тимур Корсаков с обстоятельностью, свойственной опытным гиперсветовикам, решил поставить эксперимент прежде, чем говорить о своих догадках Совету космонавтов. Готовой инфразвуковой аппаратуры он не нашел, но собрать ее было несложно. Не без труда сломив сопротивление Валентины — она считала, что лучше обратиться к специалистам или, по крайней мере, ввести в курс дела Лорку, — Тимур оборудовал лабораторию и принялся за опыты. Он сразу же выявил, что его чувствительность к воздействию инфразвука самая обычная и что, скажем, смерть от разрыва сосудов при частоте в семь герц постигнет его столь же легко, как и любого другого человека. Но когда он перешел к экспериментам с инфразвуком сложного спектра с психическим подтекстом, картина резко переменилась. Инфразвук, которую, как сообщала записка, имел в резерве Тимур Корсаков, действительно оказалась защитой от инфразвуковых излучений.

Когда в тот памятный день встревоженный Тимур выбрался из своей инфравизированной лаборатории, Лорка еще не совсем пришел в себя.

— Надо было постучать, — укоризненно сказал Тимур Валентине и с улыбкой повернулся к Федору: — Жив?

— Наполовину, — хмуро ответил Лорка и тряхнул головой, окончательно приходя в себя. — Что там у тебя за чертовщина? Гости с Кики?

Тимур покачал головой:

— Нет, всего-навсего генератор.

— Генератор чудес? Или лучей смерти? — Лорка уже мог улыбаться и шутить.

— Ни то, ни другое. А может быть, и то и другое — генератор инфразвука.

Лорка посмотрел на серые, с синими окнами облака, на виновато улыбающуюся Валентину, перевел взгляд на Тима и, пораженный неожиданной догадкой, спросил:

— А тебе, стало быть, это хоть бы что?

— Ну, не совсем так. Но как я смог определить, чувствительность у меня на инфразвук примерно на порядок меньше, чем у неподготовленных людей.

Лорка пристально посмотрел на друга:

— А как догадался об этом?

Тимур улыбнулся:

— Нашлись помощники.

Зеленые глаза Федора сощурились:

— А ну, подавай сюда записку!

Лицо Тима вытянулось:

— Ты знаешь об этом сообщении? — Он обернулся и вопросительно посмотрел на Валентину.

— Да нет же! — живо возразила она. — Я ничего не говорила.

— Сообщение, адресованное тебе, не единственное, —

пояснил Лорка. — Оберточная бумага, корявые буквы, безграмотность.

— Все верно, — сказал Тимур, доставая из кармана послание.

Именно его и перечитывал теперь Ревский.

— Теодорович, — осторожно проговорил Лорка, — после этих двух записок вряд ли можно сомневаться в дружелюбии кикиан.

— Пожалуй, — без особого воодушевления согласился Ревский. — Но записки записками, а нужно детальное обследование разведотряда на инфраустойчивость. Нужно установить индивидуальные возможности каждого. Бывают же люди с уникальным слухом, зрением, голосом. Почему бы некоторым не иметь уникальную инфраустойчивость, пусть не такую, как у Тима, но все-таки.

— Нужна обоснованная система инфратренировок, — вставил Лорка. — Хотя приятного в них мало.

— Верно. И нужно срочное задание врачам. Не может быть, чтобы, навалившись скопом на проблему инфраустойчивости, наша медицина что-нибудь бы да не придумала.

— Должна придумать, — согласился Лорка.

— А сроки? — тихонько вставил Тимур.

Ревский сразу помрачнел:

— Да, сроки. В конце концов их можно пересмотреть, оттянуть, а образовавшийся резерв времени использовать с полной отдачей, — он повернулся к Лорке. — Ты мне когда-то просто надоел с рассказами о своем гениальном и безалаберном друге Борисе Громе, почему бы не подключить его к кикианской проблеме?

Тимур, пряча улыбку, опустил глаза, Ревский заметил это и усмехнулся.

— Считаешь меня непоследовательным — то против индивидуализма, то за него? До конца последовательны только машины, а я человек, — и снова перевел взгляд

на Федора. — Пусть этот самый Громов поломаёт голову над тем, с кем или с чем мы, вероятнее всего, встретимся на Кике. Чем черт не шутит, вдруг да и придет ему в голову что-нибудь дельное.

ГЛАВА 25

Кабинет начальника плутонского космопорта по земным масштабам был слишком велик и роскошен. Впрочем, такого рода излишествами страдали все помещения на Плутоне: и общественные, и личные, и служебные, и бытовые. И в этом не было ничего удивительного. На Земле в распоряжении людей есть леса и парки, морские, речные и озерные зоны отдыха, горные регионы санаторного типа; помещения играют скорее утилитарную, нежели эстетическую роль, хотя одно, разумеется, не исключает другого. В космических же условиях, будь то планетные гермогорода или базы открытого космоса, в зданиях проходит практически вся жизнь человека.

Окно в кабинете было громадным, во всю переднюю стену, поверхность его была цилиндрической и выступала из корпуса здания наподобие балкона. Через это хрустальной прозрачности окно в кабинет с черно-серебристого неба смотрели колющие немигающие звезды и лился странный, нежный и волнующий жемчужный свет. В нем не было ни щедрой теплой яркости солнечного света, ни призрачного таинства лунного освещения; свет этот был ласков и покоен — не грусть, не радость, не явь, не сон, а сладкая дрема.

Лорка вошел в прямой световой поток, провел по воздуху ладонью, точно пытался погладить или зачерпнуть этот сказочный свет, а потом взглянул в окно. Его глаза больно ужалила яркая золотая звезда — Солнце.

Ужалила не только в глаза, но и в самое сердце — оно заныло, как всегда ноют человеческие сердца, когда еще свежи томление и своеобразное грустное счастье любовной разлуки. Лорка зажмурился, но все равно каждой клеточкой кожи, ресницами подрагивающих век он ощущал нежную, как дыхание ребенка, едва уловимую ласку далекого, а потому еще более родного светила. И еще он чувствовал взгляд Альты, он видел ее глаза — такие неожиданные, такие укоризненные, такие светлые глаза на темном лице.

Стены кабинета имели розоватую окраску, потолок был светло-голубым, пол — светло-зеленым. Жемчужные лучи многократно отражались от этих полуполированных поверхностей, что создавало иллюзию дневного освещения. Но это был сказочный день, точно за окном было не ночное небо, а полыхала чистая заря, какой она бывает перед самым восходом солнца. От мебели на полу лежали густые тени, но не черные, как это бывает лунной ночью, а синие. В условиях такого освещения хорошо развивались и росли многие тенелюбивые растения, особенно те, которые привычны к глубокому сумраку тропического леса. Задняя стена кабинета была сплошь увита лианами, с них пышными кистями свешивались белые и золотистые цветы. Там и сям цвели орхидеи, похожие на уснувших бабочек самых фантастических расцветок. Растительность поскромнее тянулась по низу двух других стен к самому окну. Прямо на сверкающее из ночного мрака созвездие Ориона проектировалась скромная, полураспустившаяся пурпурная роза.

Да, цветов и зелени в этом кабинете было предостаточно, а вот хозяина, начальника космопорта Гаспара Тагоровича Аргоняна, не было — запаздывал. Лорка знал Аргоняна, потому легко представил себе, чем он сейчас занимается: конечно же, беседует с группой ведущих инженеров, начальников бригад, которые готови-

ли «Смерч» к старту на Кикю. Лорка пододвинул кресло, сел и подумал, что Тимур и Виктор Хельг, конечно, уже на корабле, а остальные вот-вот должны прибыть.

Лорка не ошибся: Игорь Дюк, Соколов и Ника Сонлей стояли в этот момент на шестом причале, где был ошвартован «Смерч», в кабине только что остановившегося лифта. Двери его бесшумно раздвинулись, Соколов шагнул было вперед, но нога его на полушаге повисла в воздухе. В отличие от всех других гиперсветовые корабли стартовали не с поверхности Плутона, а со старт-спутника, находящегося на стационарной орбите, поэтому Соколову почудилось, что он шагает прямо в открытый космос. Звезды, щедро, слишком щедро рассыпанные и размазанные по небу, смотрели на него со всех сторон. Смотрели сурово, холодно и осуждающе. Игорь засмеялся, осторожно отодвинул Соколова в сторону и шагнул вперед, на прозрачный композитный пол.

— Все в порядке, Александр Сергеевич, — Игорь притопнул ногой, — прозрачен, но металлов тверже он и крепче пирамид.

Соколов усмехнулся, но шагнул вперед с опаской, точно на тонкий лед. Ника скорее машинально, чем сознательно, придерживала его за локоть. Соколов укоризненно взглянул на нее.

— Зачем же, Никочка. Это мне по рыцарским канонам положено предложить вам руку.

Прозрачный пол только намеком отражал их ярко освещенные фигуры, а сквозь него теперь просматривалась серебристо-серая поверхность Плутона, изрезанная извилинами и иероглифами черных теней.

— Как, впечатляет? — спросил Игорь с улыбкой.

— Впечатляет, — спокойно согласился Соколов и еще раз, уже смелее, притопнул ногой. — Непонятно только, к чему такие театральные эффекты?

— А для того, — Игорь повел рукой вокруг себя, —

чтобы можно было без помех пить настоящий на звездах волшебный напиток космических тайн.

Ника засмеялась и добавила:

— А еще для того, чтобы удобнее было следить за причаливанием, швартовкой, погрузкой и отходом кораблей.

Соколов достал из кармана большой белый платок, не торопясь, вытер лицо и шею.

— И везде-то они побывали, и все-то они видели, — пробормотал он, спрятал платок в карман и лишь теперь обратил внимание на мощную колонну, тянущуюся к звездам. — А это что за сооружение?

— Это и есть наш корабль, так сказать, вид вблизи. Прошу любить и жаловать.

Запрокинув голову, Соколов несколько критически разглядывал вздымавшийся над ним «Смерч».

— Ничего, — сказал он наконец, — но, судя по голограммам, я ожидал большего.

— Недостает иллюминации и цветочных ожерелий?

— Что цветы? Эфемеры! — невозмутимо ответил Соколов. — Дело в масштабах. Мне не раз приходилось вот так же, рядом, видеть планетарные лайнеры. Это действительно впечатляющие конструкции! Размеры, элегантность линий и внутренний комфорт. А это, — он еще раз, запрокидывая голову, оглядел корабль, — нечто вроде древних ракет на химическом топливе.

Слушая его, Игорь с нарастающим выражением грусти на лице покачивал головой.

— Древних ракет? Да что вы! Эта штука, — он презрительно кивнул на корабль, — хуже. Много хуже!

Соколов усмехнулся:

— Почему же?

— Потому что она опаснее.

Тень беспокойства скользнула по лицу Соколова, Ника с трудом сдерживала улыбку.

— Гораздо опаснее, — печально повторил Дюк и

со вздохом погладил нейтральный корпус корабля ладонью. — Судите сами, чем заправлялись древние ракеты? Такими натуральными, домашними, хорошо прирученными веществами, как водород и кислород. Да их можно было черпать ведрами и носить в начальные школы, чтобы ставить там показательные опыты по влиянию низких температур на свойства материалов! Немыслимо, но даже при взрывах энергоустановок и двигателей у экипажа были шансы уцелеть. История космоса знает такие случаи. А теперь? — Игорь безнадежно махнул рукой. — Гипервещество, на котором работают ходовые двигатели, только и дожидается, как бы вырваться на свободу из-под контроля автоматики гашения и ахнуть так, чтобы от корабля вместе с его бедным экипажем не то что пыли, но и атомов не осталось.

Ника наконец не выдержала и сказала со смехом:

— Да не слушайте его, Александр Сергеевич! Он вас пугает!

Игорь прижал руку к сердцу.

— Я? — Он покачал головой и снова с грустью и нежностью погладил корпус корабля. — Ни в коей мере! Я только беспристрастно констатирую очевидные и, если можно так выразиться, вопиющие факты. А факты — вещь упрямая.

— Да, факты — вещь упрямая, — хладнокровно согласился Соколов, тоже погладил ладонью корпус корабля и бодро сказал: — Что ж, сквозь тернии — к звездам!

Корабль будто услышал его призыв, с пугающей медлительностью в его корпусе раздвинулась, будто прорезалась, входная дверь и мягко осветилась кабина внутреннего лифта.

...В этот самый момент Лорка скорее услышал, чем почувствовал, позади себя легкое движение, обернулся и увидел улыбающегося Аргоняна. Гаспар Тагорович был

старчески массивен, по-рембрандтовски выразителен и медлителен в движениях. У него были умные, насмешливые, близко посаженные глаза, небольшой рот с полными чувственными губами и большой мясистый нос, который с некоторой натяжкой можно было назвать орлиным.

— Здравствуй, командир, — певуче сказал он и, ласково приобняв за плечи, посадил на старое место поднявшегося ему навстречу Лорку.

— Здравствуй, Гаспар Тагорович.

Они были старыми знакомыми, собственно, все экипажи гиперсветовых кораблей были Аргоняну старыми знакомыми, но помимо этого, несмотря на большую разницу в годах, они еще чисто по-человечески симпатизировали друг другу.

Неторопливо, основательно усевшись на свое рабочее место, а только с этого места начальник порта вел свои дела с командирами кораблей, Аргонян принялся с улыбкой разглядывать Лорку.

— Все такой же красивый и сильный. И все такой же бродяга и непоседа. Разве можно так часто оставлять одну молодую жену-красавицу?

— Приходится. А то у тебя все корабли утащат, Гаспар Тагорович.

Скрывая смущение, Аргонян раскатиисто откашлялся, но Лорка безжалостно продолжил:

— Как же это ты не уследил за «Вихрем»? Такой был корабль!

Аргонян покачал головой:

— Какая невоспитанная молодежь! Неделикатная, жестокая! — Он шумно вздохнул и, сменив тон, печально сказал: — Недоглядел, проворонил. Наверно, старый стал, на Землю пора, в дом заслуженных космонавтов, на покой.

Он сердито шевельнул густыми черными бровями:

— Но подумай сам, кто мог представить, что в на-

ше просвещенное интеллигентное время существуют космические жулики-рецидивисты? Ума не приложу, как, под каким соусом они в порт проникли? Прямо невидимки какие-то, духи астральные!

И непривычно серьезно, даже подозрительно взглянул на Лорку:

— Скажи по совести, тебе не страшно идти на Кику?

— Страшновато. Да ведь не первый раз, справимся.

— И еще один вопрос... — Аргонян облокотился на стол, спросил тихо: — Скажи, Федя, только по совести, почему ты не берешь с собой живности? Кошечку, собачку, попугая? В прежние рейсы ты всегда брал кого-нибудь.

Лорка улыбнулся, щуря свои зеленые глаза, уважительно проговорил:

— Ох, и хитрый ты человек, Гаспар Тагорович.

— Должность, понимаешь ли, такая. Ну-ну?

Помолчав, Лорка коротко рассказал Аргоняну о своем ориентировочном предположении, что кикиане, пользуясь земными кораблями, могли заслать на базы да и на саму Землю искусно сделанных роботов. Но не в облике человека, такой робот, по общему мнению, был бы довольно быстро разоблачен — в поведении человека множество нюансов, тончайших психологических штрихов, которые не поддаются моделированию даже людям, изучившим самих себя в совершенстве. Что уж говорить о попытках такого моделирования инопланетянами! На животных же, которые часто гостят на кораблях, обращают куда меньше внимания, да и поведение их гораздо примитивнее.

Лорка заметил, как преобразилось лицо Аргоняна, замолчал.

— Продолжай! — сердито сказал Аргонян. — Я слушаю.

Лорка пожал плечами:

— Да я уже рассказал. Создание совершенной моде-

ли животного-робота не проблема, такие опыты ставились многократно. Такого робота можно наделить дополнительными функциями, вовсе не свойственными настоящему животному. Например, он может собирать и передавать информацию или даже... — Лорка не договорил и выразительно взглянул на Аргоняна.

— Договаривай, зачем стесняешься? Или даже угонять космические корабли из портов, которыми руководят старые растяпы. -- Аргонян задумчиво потерел свой мясистый нос и спросил с откровенным интересом: — Слушай, а ты действительно веришь, что такое возможно?

Лорка засмеялся:

— Верить можно по-разному.

— Ты не крути, говори прямо. Это тебе не любовное объяснение.

Федор задумался. Верил? Пожалуй, нет. Слишком уж нелепо выглядел бы зверь за пультом управления корабля. Не столько разум, сколько все его существо протестовало против такой возможности. Не верил? Тоже нет! Он хорошо знал, как многое, казавшееся людям совершенно невозможным, вдруг становилось не только возможным, но и простым, более того, естественным, и тогда упрямое сердце переставало протестовать против этого. Он не то чтобы верил или не верил, а просто страховался, чтобы избежать даже маловероятного. Кроме того, кикианские роботы вовсе не обязательно должны иметь постоянный звериный облик. Это могут быть роботы трансформативные, которые в зависимости от обстановки или по команде меняют свой внешний облик. Зверь, человек, инопланетный сапиенс — все это может быть заключено в одной протоформе.

— И как же выглядит эта протоформа? — с интересом спросил Аргонян.

Лорка засмеялся:



— Ты слишком многого от меня хочешь. Я ведь не кикианин.

Щуря свои черные глаза, Аргонян покачал в воздухе поднятым пальцем:

— Ты не крути! Я тебя знаю — не поверю, чтобы у тебя не было каких-то предположений.

Немного поколебавшись, Лорка рассказал ему о встрече с шаровой молнией и о своих разговорах по этому поводу с Игорем Дюком. К его удивлению, Аргонян отнесся к рассказу очень серьезно.

— Скажу тебе по секрету, — хмуро сказал Гаспар Тагорович, — мне как-то докладывали о появлении шаровой молнии в районе космодрома. Но я их высмеял. Шаровая молния на Плутоне? Бред каурой кобылы.

Приглядевшись к Аргоняну, Лорка счел нужным огорчиться:

— Я вовсе не убежден в истинности своих предположений, Гаспар Тагорович. Просто боюсь, чтобы избежать маловероятного.

— Это ты молодец, — уважительно одобрил Гаспар Тагорович. — Командир! А я вот не подстраховался.

Аргонян шумно вздохнул и, словно осуждая самого себя, покачал головой:

— Плохо, очень плохо. И знаешь, что плохо, Федя? То, что животные — это не люди. И по этой самой печальной причине их никто серьезно не учитывает даже на Плутоне. Ты хоть знаешь, что у нас есть зоопарк?

— Да бывал как-то.

— Бывал, — презрительно процедил Аргонян. — Это наша гордость! Все, как у настоящих людей, даже зоопарк есть. Ты это должен хорошенько понять.

Он погрустнел и неохотно добавил:

— Конечно, всяких тигров, крокодилов и бегемотов мы не держим.хлопотно! Все-таки Плутон, а не

Копакабана. Но симпатичных птичек и зверюшек у нас немало. Даже еноты есть.

— Почему даже?

— А потому, что лапка у них, как рука. — Аргонян для наглядности растопырил свою мясистую пятерню и пошевелил пальцами. — Смышленные, подлецы! Несколько раз умудрялись открыть замок. И разбегались! Хорошо помню, что последний раз это случилось как раз накануне угона «Вихря». Понимаешь ситуацию?

— Понимаю, — серьезно сказал Лорка. — Придется тебе, Гаспар Тагорович, произвести всепланетную перепись зверей и птиц.

— Придется. Я же все время твержу, что бюрократия — это не только беда, но и благо!

Он присмотрелся к Лорке и тяжело поднялся из-за стола, понял, что тот засиделся и начинает нервничать — впереди ведь не что-нибудь, а старт в дальний космос!

— Будем прощаться, Федя.

Приобняв Лорку за плечи, он повел его к двери, но, войдя в полосу нежного света далекого солнца, приостановился, полез в карман и достал брелок с часами.

— Держи. Показывают не только часы, но и день, и месяц, и год. Без этого у нас на Плутоне совсем запутаться можно. Учти, это не просто часы, а талисман, приносящий счастье. Помнишь, я чудом уцелел при аварии вездехода? С тех пор всегда ношу его с собой.

— Спасибо. — Лорка взвесил брелок на ладони и положил в нагрудный карман. — Ты веришь в талисманы, Гаспар Тагорович?

Аргонян засмеялся:

— Ишь ты! Что я тебе, неандерталец или монах? Как это ты очень мудро говорил? Просто боюсь на всякий случай. — Он доверительно понизил голос. — Очень

давно жил на свете такой ученый — Нильс Бор. Он собирал на счастье не то копыта, не то подковы, что-то в этом роде. Его спросили, неужели он серьезно верит, что эти штуки приносят счастье. «Нет, — сказал Нильс Бор, — конечно, не верю. Но знаете, говорят, что они приносят счастье даже тем, кто в это не верит!» — И Аргонян расхохотался. Возле самой двери он опять задержался. — Возвращайся, буду встречать тебя, Федя.

ГЛАВА 26

Это был древний южный город, законсервированный в том виде, который он приобрел к середине XXI века, город-музей, город-кунсткамера. Но Лорка прилетел сюда не для того, чтобы осматривать похожие на спичечные коробки и раскрытые книги небоскребы, средневековые храмы или древние развалины. Он прилетел потому, что в этом странном мирке, где экскурсантов было в несколько раз больше, чем постоянных жителей, жил его старинный друг Борис Громов.

Хотя уже наступила астрономическая зима, южное солнце палило почти по-летнему. Улица, закованная в камень, бетон, металл и пластик, казалась ущельем, по дну которого бесшумно скользили туристские машины с прозрачными куполообразными кузовами и тянулись редкие прохожие.

Лорка шел и поглядывал вокруг себя со странным чувством, которое сродни чувству новичка-туриста, впервые оказавшегося в каком-нибудь экзотическом месте, вроде Луны, Антарктиды или островов Фиджи, хотя на улицах города-музея он бывал много-много раз. Да и как не ощутить необыкновенности происходящего, если вместо корабельных помещений и застывшего в мороз-

ной неподвижности черно-золотого космоса видишь над головой голубое небо с белым пухом облаков, вереницы домов и зелень деревьев...

Когда до стремительного прыжка на Кикю оставался буквально воробыный шаг, экипаж уже знал свои места на «Смерче», а он сам покинул кабинет начальника плутонского космопорта Аргоняна, получив окончательное разрешение на вылет, его на выходе к причалам остановил дежурный.

— Вы Федор Лорка? — Вопрос был явно задан для соблюдения формальности, а поскольку формальности у космонавтов были совсем не в моде, Лорка сразу настоужился. — Вам гравитограмма высшей срочности, копия — начальнику космопорта.

Лорка, привычно скрывая волнение, взял голубой бланк с красной окантовкой — знак того, что телеграмма адресована ему от имени Всемирного совета. Прочитал и не поверил своим глазам. Прочитал гравитограмму во второй и третий раз: «Служба наблюдения зафиксировала на Кике крупную серию взрывов разной мощности, очень похожих на ядерные. Старт «Смерча» откладывается. Федору Лорке надлежит срочно вернуться на Землю для переговоров. Ревский, Олонин».

Так, совершенно неожиданно, вместо дальнего космоса Лорка оказался на родной Земле-матушке к великому удивлению, радости и даже смятению Альты. Нежданнные и нелогичные повороты судьбы, даже самые счастливые, всегда приводят людей в замешательство.

Лорка хотя и досадовал в глубине души, тем не менее полностью согласился с задержкой старта — глупо было соваться на планету, где, судя по всему, творилось что-то не совсем понятное и, уж во всяком случае, небезопасное. Кто и против кого мог применить ядерное оружие на этой планете, было полной загадкой. Число ядерных взрывов на Кике постепенно шло на убыль, и через

четверо суток они прекратились совсем. Однако совет единодушно решил подождать еще десяток дней и продолжить внимательное наблюдение за планетой. Вот тогда-то, освободившись от дел текущих и насущных, Лорка вспомнил о Борисе Громе и через большой телеинформар поинтересовался, как у него идут дела. То, что он услышал в ответ, настолько его поразило, что Лорка немедленно вылетел в город-музей, чтобы лично разобраться во всей этой истории.

Лорка оглянулся, сделал еще несколько шагов и уверенно свернул в подъезд старинного пятиэтажного дома. Ему надо было на третий этаж, куда вела лестница со стертыми ступенями, которые надо было пересчитывать одну за другой, словно бы ты не человек разумный, экономящий силы и время, а какая-нибудь там обезьяна или даже козел. Но что поделаешь? Все это Борьке очень нравилось, во всяком случае, он так говорил.

Они несколько лет учились вместе. Борька рос слабым, болезненным, но очень одаренным мальчишкой. Его иногда обижали сверстники, особенно малознакомые, не по злобе, а просто по мальчишескому бездумию и нетерпению — не стой как столб, не попадайся под руку. Однажды Лорка увидел, как на Борьку взгромоздился порядочная куча мала, Борька беспомощно дергался, пыхтел и пищал, что обижать слабых несправедливо и сейчас себя так не ведут, на что ему весело отвечали, что сейчас они играют в прошлое. Лорка, уже тогда заметно выделявшийся ростом и силой, переложил кучу малу по-своему. Восстановив справедливость, Лорка для пущей важности посадил сверху брыкавшегося Борьку...

Поднимаясь по каменным ступеням широкой лестницы, Лорка испытывал то сдержанное, но острое волнение, которое испытывают спортсмены перед стартом или ученые перед началом эксперимента, который может ре-

шить судьбу долго и трудно рождавшейся теории. Каким-то шестым чувством человека, сосредоточившего все внимание на одной-единственной проблеме, он догадывался, что встреча с Громовым может совершенно по-новому осветить кикианскую историю. Наверное, в этом чувстве была древняя основа — нечто от ощущения близкой опасности, которое вдруг и властно возникает у охотника, идущего по следу раненого зверя. Федор заезжал к Борису по совету Ревского еще до вылета на Плутон, когда в связи с открытием Тимура началась перестройка предотлетной тренировки. «Чем черт не шутит?» — сказал тогда Теодорович, и тот будто услышал его — пошутил. Тогда, поднимаясь по этим же истертым ступеням, Лорка не волновался, а философски размышлял о том, почему это из одареннейшего Бориса Громова, бывшего звездой и гордостью их школы, ничего «путного» так и не вышло. Не вышло в том смысле, что, несмотря на неумную тягу к творчеству и огромное трудолюбие, Борис так и не создал не только сколько-нибудь крупной, но вообще ни одной более или менее законченной работы; об этом обычно говорили с огорчением, сочувствием и легкой, но приметной дозой иронии. Но у Лорки обо всем этом было свое собственное мнение; когда он слышал, что из Борьки Громова ничего не вышло, он всегда добавлял про себя: пока не вышло. Борис своей разносторонней одаренностью напоминал Ришара Дирия и в то же время был удивительно на него непохож. Ришар разбрасывался потому, что в любом своем начинании быстро достигал цельных результатов, начинал скучать, его тяготила необходимость довести дело до точки, и в конце концов вовсе охладевал к начатому делу. Борис тоже разбрасывался, но только потому, что все, абсолютно все казалось ему интересным, важным, и он попросту тонул в деталях. Ришар, углубляясь в очередную проблему, вовсе не был склонен делиться своими мыслями и находками с коллегами. Борис

ризбрасывал свои идеи направо и налево с щедростью и бескорыстием доброго мальчишки. Научный путь Ришара можно было сравнить с рядом не всегда достроенных, но всегда красивых и элегантных зданий, а путь Бориса — с огромным хаотическим складом как попало наваленных драгоценнейших строительных материалов. Лорка верил, что рано или поздно, но на месте этой экзотической интеллектуальной свалки возникнет прекрасное здание.

Лорка тогда, в первый свой визит, застал Бориса в кабинете, который в какой-то мере отражал особенности мышления его хозяина. Это был экзотический склад, в котором с микрофильмами соседствовали старинные книги, а рядом с ультрасовременным светозвуковым дисплеем стояла старинная пишущая машинка. Борька Громов стоял перед большим табло, на котором была высвечена схема какого-то хитроумного кибернетического устройства, и водил по нему короткой указкой. От этого одни детали схемы стирались, а на их месте возникали другие, все это делалось с быстротой, напоминавшей скоропись обычного буквенного текста. Федор не удивился: что-что, а работать Борис умел артистически.

Конечно же, Борис был так увлечен, что не заметил прихода Лорки. Тогда Федор, бесшумно ступая, подошел к нему со спины вплотную и сделал «бочки». Борис взвизгнул, подпрыгнул чуть ли не на полметра и с возмущением обернулся:

— Это что за вольности?!

Федор широко раскинул руки:

— Здравствуй, Боренька.

Свирепо приглядываясь к нежданному посетителю, Борис вдруг растерянно заморгал своими большими голубыми глазами, которые, казалось, никогда не теряли несколько печального выражения, ахнул и полез обни-

маться. Он с детских лет хранил к Лорке глубокую привязанность.

— Ты хоть помнишь, зачем я к тебе приехал? — спросил Лорка, когда церемония встречи была закончена. — Наш разговор помнишь?

Борис на секунду задумался, потирая свой громадный, изборожденный морщинами лоб, и вдруг просиял:

— Ну как не помнить?

Он скользнул мимо Лорки к столу, быстро переворошил на нем все, что можно было переворошить, несколько раз выдвигал и снова задвигал многочисленные ящики и наконец с торжеством протянул Федору тонкую пачку бумаг с записями и формулами:

— Вот!

Лорка полистал математизированное эссе и вопросительно взглянул на товарища.

— Возможность телепортировки макротел без нарушения их структуры в соседние субвселенные, — гордо пояснил Громов. — Исчерпывающее доказательство. Пересмотру и обжалованию не подлежит. Необходима лишь подходящая «черная дыра».

Лорка, сдержав вздох разочарования, осторожно положил работу на стол.

— Я просил тебя о другом. Экспедиция на планету Кика, помнишь?

Лорка действительно говорил с Борисом по видеофону. Подробно описав ситуацию, Федор попросил оценить ее в такой плоскости — кем, вероятнее всего, могут быть кикиане: неловкими друзьями или хитрыми врагами? Борис заинтересовался, он страшно любил необычные проблемы и считался докой по вероятностным оценкам, и попросил Лорку прислать подробные данные в письменной форме. И вот результат!

— Что ж, найдешь время, подумай и насчет Кики. — Федор не скрывал своего огорчения.

— Да ты ничего не понял! — возмутился Громов. —

«Черные дыры» и телепортровка — это и есть твоя проблема! — Он снова начал рыться на столе и в ящиках. — Вот куда я засунул материал, надо вспомнить. У меня еще ничего не пропадало, но поискать иногда приходится.

Лорка оттаял и усмехнулся:

— Да зачем искать? Давай-ка расскажи лучше! Память-то у тебя крепкая. — Борис с видимым облегчением бросил поиски, взгромоздился на край стола и взглянул на Лорку. По его выразительному бледному лицу опять скользнула тень огорчения.

— Не буду вдаваться в тонкости структурного анализа, скажу главное — с моей точки зрения, нет почти никаких сомнений в том, что кикиане — наши потенциальные враги, по меньшей мере недруги.

— Что так мрачно?

— Дело в общих предпосылках. Разные, но сходные по образу жизни животные всегда враждуют друг с другом, причина — во многомиллионлетней конкуренции. Вспомни о патологической ненависти собак и кошек, наиболее ловких из хищников. А взаимоотношения термитов и муравьев?

— Бывают и исключения.

— Исключения всегда исключения, только чудачки не понимают этого. — Громов болтал ногами и скептически поглядывал на Федора, который стоял, опершись на спинку кресла. — Истина одна, а заблуждения неисчислимы. Так и дружба — она одна, а вот проявлений враждебности неисчислимое множество. Что же более вероятно?

— И все-таки, Боренька, даже в твоём изложении дружба — это истина, а вражда — заблуждение.

— Что из того? Сначала надо разобраться, существует ли истина. Трудно поймать в темной комнате кошку, особенно когда ее там нет. — Борис посмеялся вместе с Лоркой и продолжал: — Вспомни человеческую

историю. Какую ненависть испытывали люди друг к другу только потому, что у них разный цвет кожи и непохожие обычаи и языки! Коренных жителей Северной Америки белые колонизаторы истребили почти поголовно! А эта мерзость, работорговля, в «просвещенный» капиталистический век? Миллионы африканцев насильно перевозили с одного континента на другой и лишали родины, Я уж не говорю о расизме фашистов или сионистов — этом венце человеконенавистничества и холодной расчетливой жестокости.

— С тех пор люди поумнели, Боря.

— Но ведь тогда речь шла об их взаимоотношениях между собой. А вот тебя, например, что ждет в перспективе? Неужели надеешься, как это водилось в старинных фантастических романах, встретить на Кике таких же людей? Уверяю тебя, из-за большой редкости очагов разума такое совпадение немыслимо. Почти наверняка кикиане будут во многом отличаться от нас. Откровенно говоря, сама возможность увидеть разумного паука или осьминога приводит меня в ужас! Я бы не пожалел полжизни, чтобы паук оказался обыкновенным, а не разумным. Обыкновенного я могу с легким сердцем раздавить, а с разумным придется считаться! Терпеть, какая же это мука, если мне неприятен только один его вид. Инквизиторские пытки — детские игрушки по сравнению с муками такого общения.

— Мне кажется, — задумчиво заметил Лорка, — ты недооцениваешь роль разума.

Секунду Борис молчал, свирепо глядя на товарища, потом вскочил и забегал по комнате.

— Разум изначально добр! Желанные братья по разуму! Когда я слышу такие благоглупости, мне хочется подойти и хорошенько стукнуть их автора по башке, как это запросто делалось в старину. Никто нам не давал права забывать суровые уроки истории. Гладиаторов Древнего Рима, костры инквизиции в средневековой

Европе, фашистские фабрики смерти, атомные грибы, напалм, лазерное и нейтронное оружие.

— Борик, успокойся. Никто об этом не забывает.

— Тогда давно пора всем нам уяснить, что разум не добр и не зол, а холоден и бесстрастен, как топор! С его помощью с равным успехом можно строить светлые дома и тюрьмы, стадионы и военные полигоны. Братство по разуму вообще — это вроде братства по голубой крови избранных богом. Но есть только одно истинное братство — братство по морали и эстетике, по образу жизни.

Помните, были такие, кто считал своим предназначением властвовать над миром и во имя этого писал свои книги, совершал убийства, затевал войны.

— Кто с этим спорит? — Лорка был настроен миролюбиво.

— Да что у меня может быть морально общего с какой-нибудь там разбухшей инфузорией или каракатицей?

— А если поближе к нашему делу? Для меня ведь это не просто спор, мне исследовать Кику придется.

Борис приостановился, недоуменно глядя на Лорку, и покаянно вздохнул:

— Ты прости меня, Федор. Мои рассуждения — еще одно свидетельство несовершенства холодного разума, он эгоистичен. Ну а если ближе к практике, то свой визит на Кику ты должен расценивать как встречу с потенциальным соперником. И помнить, что вражда вовсе не обязательно выливается в открытую драку. И с потенциальным врагом возможно и взаимоотерпение и взаимопонимание.

— В общем, худой мир лучше доброй ссоры, — подытожил Лорка, — старо как мир и всегда правильно. Что же, по-твоему, между разумными цивилизациями вообще невозможна настоящая дружба?

Борис, снова взобравшийся на стол, хитро прищурился:

— Я этого не говорил. Я лишь утверждал, что дружба невозможна между организмами, очень сильно отличающимися друг от друга, допустим между человеком и пауком. С другой стороны, я утверждал, что вероятность встречи в нашем мире разумных, которые бы повторяли наш внешний и моральный, эстетический облик, чрезвычайно мала. Уж очень редок разум, чтобы повторяться в деталях!

Лорка подумал и довольно сердито сказал:

— Тогда я не понимаю, куда ты клонишь.

— К «черным дырам», Федор, к коллапсарам. — Громов засмеялся, очень довольный тем, что озадачил товарища. — В большой, четырехмерной вселенной бесчисленное множество трехмерных свертков пространственно-субвселенных, замкнутых миров, связанных между собой реликтовыми «черными дырами». То, что неповторимо в одном мире, вполне повторимо в этой необозримой веренице. Больше того, между соседними субвселенными просто должен соблюдаться параллелизм, какая-то общность явлений природы, форм жизни и разума. Представь себе теперь цивилизацию, даже сверхцивилизацию, обогнавшую нас в поступательном движении. Не найдя себе друзей и братьев в родной субвселенной, как не можем найти себе их мы, они неизбежно обратят свое внимание к окнам в другие миры — к «черным дырам». Я показал, что некоторые из них проницаемы, а значит, через них можно проникать в другие миры и собирать там информацию. Представь себе восторг и волнение инокосметян, когда они вдруг узнают о себе подобных, более того, о своих двойниках!

— А в другие субвселенные ведут окна «черных дыр», — почти механически закончил за него Лорка, напряженно думая о чем-то своем.

Борис шлепнул себя по колену.

— Теперь ты понял, где надо искать настоящих друзей? Не на какой-то там Кике, а в глубине «черных дыр» или по меньшей мере возле них.

Лорка молчал, тень глубокого раздумья лежала на его лице.

— Самое интересное, — продолжал Громов с некоторой таинственностью, — я обнаружил не только возможность телепортировки макротел через «черные дыры», но и признак, по которому можно определить дыру, через которую эти телепортировки производятся.

Лорка мгновенно среагировал на эту фразу:

— Какой же это признак?

— «Черные дыры» шумят в гравитационном спектре волн, причем этот шум белый. Я показал, что телепортировка или, скажем, передача информации, приведет к наличию в этом шуме составляющей, которую можно выделить. Для этой цели я и монтирую анализатор, который ты видел.

— Скоро он будет готов? — последовал быстрый вопрос.

— Не знаю. — Борис усмехнулся. — Если ко мне будут ежедневно являться посетители вроде тебя и мешать работать, то нескоро.

— А практически? — последовал мгновенный вопрос. — Если указать тебе конкретную «черную дыру», сможешь ли ты определить: производится через нее телепортировка или нет?

Громов снисходительно усмехнулся:

— Ты хорошо представляешь, что такое белый шум?

— Жуткий беспорядок!

— Вот именно. Хаос, помехи самых разных частот и амплитуды. Какая-нибудь там битва при Ватерлоо, фестиваль песни или хоккейная баталия — образцы гармонии по сравнению с этим шумом. Белой помехой высокой амплитуды можно закрыть любой полезный сигнал.

А «черные дыры» шумят здорово! Не правда ли, любопытно, что «черные дыры» издают белый шум, именно белый?

— Очень любопытно, — нетерпеливо согласился Федор. — Борис кивнул головой в знак согласия, его длинные пальцы сделали изящное движение, точно извлекая что-то из воздуха.

— Понимаешь, — сказал он, мечтательно глядя в пространство, — мне удалось создать принципиально новую математическую операцию, опираясь на которую полезный сигнал можно извлечь из помехи любого объема и амплитуды. Так что на твой вопрос я отвечаю положительно: да, в принципе можно опознать «черную дыру», через которую ведется телепортировка. И знаешь, без должной скромности, это немаловажное открытие.

— А если не в принципе, Борик? — перебил Лорка. — Если практически?

Борис недовольно взглянул на него:

— Ишь ты какой быстрый! От теории к практике путь нелегок и извилист, как ход червя в толще земли. Но между нами говоря, — на губах Громова снова заиграла мечтательная улыбка, — дела у меня идут хорошо. Полагаю, что через месяц-два я буду готов к практической работе, если, конечно, ко мне не слишком часто будут являться вот такие нахальные посетители вроде тебя и мешать.

Лорка подошел к Борису и положил свои тяжелые руки на его худые плечи. Громов смотрел на него недоуменно и, пожалуй, немного испуганно.

— Боря, — раздельно сказал Лорка, — обещаю тебе, что как только все будет готово, ты немедленно обследуешь «черную дыру» в созвездии Стрельца.

С трудом выдерживая взгляд холодных зеленых глаз, Борис насмешливо спросил:

— Ты думаешь, в созвездии Стрельца всего одна «черная дыра»?

— Боря, то, о чем я тебя прошу, очень важно. У той «черной дыры», которая меня интересует, есть хорошая примета. Это реликтовая мезодыра, наследие «биг-банга», того самого грандиозного взрыва сверхплотного дозвездного вещества, который произошел 15 миллиардов лет назад и в результате которого образовалась наша субвселенная. Почти наверняка эта мезодыра общается с соседней субвселенной. Ее чисто случайно обнаружили во время обследований окрестностей Кики. Настороженное лицо Бориса стало проясняться, он начал понимать, куда клонит Федор.

— Реликтовая мезодыра? Интересно? Но чтобы ее обследовать, нужна аппаратура большого телеинформара, а кто мне ее даст? Работа там расписана по секундам.

— Сошлешься на меня, я обо всем позабочусь. Имя-то мое не забыл?

Борис хмыкнул, внимательно присматриваясь к Лорке, но тут же стал снова серьезным, даже чуть печальным:

— Наконец-то я догадался, зачем тебе понадобилась эта дыра. Ты полагаешь, что некая сверхцивилизация использует ее для контактов с нами? Напрасно! То, что происходит на Кике, никак не вяжется с древним субвселенским разумом.

— Кто знает? Мир велик и многогранен. — Лорка легонько встряхнул Бориса за плечи. — Как только будешь готов, немедленно обследуй кикианскую мезодыру. Обещаешь?

— Обещаю. Но особенно не надейся, Федор.

— Да что ты! У меня столько предотлетных дел, что на напрасные надежды просто не остается времени.

Времени и в самом деле не осталось. Поначалу, правда, Лорка все время держал в голове разговор с Бори-

сом и раза три связывался с ним по видеофону, что было нелегко — зачастую Борис просто отключал его. И всякий раз Громов отвечал, что дело идет хорошо, но до эксперимента дело пока не дошло. А потом, когда подготовка экспедиции вступила в решающую фазу, повседневная текучка, масса больших и мелких, но одинаково важных дел выбили проблему кикианской мезодыры из Лоркиной головы. Но вот когда полет на Кикю вдруг отложили и у Лорки вдруг оказалось немало свободного времени, он сразу же вспомнил про Борьку Громова. Безуспешно попытавшись связаться с ним непосредственно, Лорка обратился за справками на Большой телеинформар. И то, что он услышал, поразило его как громом. Оказывается, Борис уже давно приступил к практическому обследованию космоса и ему уже удалось обнаружить несколько импульсных «черных дыр». Он назвал их гравитационными пульсарами, но, поскольку название это оказалось слишком длинным, то коллеги по работе быстро переименовали их в громары — в честь Бориса Громова. Мысленно изругав Бориса, как это только возможно, Лорка немедленно вылетел в город-музей. Упрямый Борис предпочитал работать с телеинформаром по линиям связи через дисплей, а непосредственно бывал там время от времени. Ну как тут при подъеме по старинной каменной лестнице было не трепетать сердцу Лорки в предчувствии необыкновенных известий?

Конечно же, дверь в квартиру-лабораторию Бориса не была ни заперта, ни даже закрыта. Миновав кухню, старые стены и примитивное окно которой мирно соседствовали с современным оборудованием, Лорка заглянул в кабинет и не сдержал улыбки. Как будто бы и не было трудных месяцев экспедиционной подготовки, Плутона и неожиданной отмены старта! Борька стоял перед тем же самым световым табло, на котором была, судя по всему, высечена та же самая киберсхема, и водил по ней указкой. Он работал в самой верхней части схемы, поэтому

его худая, почти мальчишеская шея была вытянута вверх, на макушке задорно торчал русый хохолок. Теперь Лорка присмотрелся к киберсхеме внимательнее, он полагал, что она как-то связана с открытием граммов, но разочаровался — его опытный глаз сразу уловил сходство этого устройства с обычным компьютером.

Подойдя поближе, Лорка проговорил ласково и не без ехидства:

— Здравствуй, Боренька!

— Здравствуйте, здравствуйте, — рассеянно, с ноткой раздражения отозвался Борис, не прекращая работы.

Лорка вздохнул и полюбопытствовал:

— Очередная думающая машина?

— Дались эти думающие машины! Пропади они пропадом! — огрызнулся Борис. — Если не варить словесную похлебку, то думающая машина — нонсенс. Ведь машина-то как таковая не думает, а решает логические задачи. Думать может лишь тот, у кого есть самосознание, а наделять машину самосознанием в наш гуманный, может быть, слишком гуманный век — преступление.

Борис разогнул усталую спину, выпрямился.

— Если говорить начистоту, — Борис пошевелил в воздухе длинными ловкими пальцами, — мне иногда хочется совершить какое-нибудь преступление.

Лорка не удивился, он хорошо знал, что Борьку посещают иногда самые дикие фантазии, которые он никогда не намеревался реально осуществить, а спросил только:

— Зачем?

— В порядке эксперимента. Мне кажется, что по-настоящему многогранный и просвещенный человек хоть раз в жизни должен испытать состояние совершившего преступление.

— Знаете, — доверительно проговорил Лорка, — мне вот совсем недавно очень хотелось совершить преступление.

— Какое же? — заинтересовался Борис, не спуская, Впрочем, глаз с киберсхемы.

— Мне хотелось свернуть шею одному легкомысленному субъекту, который сначала дает обещания, а потом их не выполняет.

Борис передернул плечами:

— Свернуть шею! Как примитивно это и грубо! Я бы предпочел что-нибудь более деликатное. — Он сделал несколько быстрых, видимо, последних поправок и отступил на шаг, любуясь своей работой. — Впрочем, мечта о преступлении — недостижимая мечта.

— Не скажите!

— Убежден! Мешает воспитание, традиции, общественное мнение. Скажем, каннибализм — ведь это даже не преступление в чистом виде, а просто экстравагантность вкуса, а кто ныне решится на такой эксперимент?

Лорка вел этот разговор и краем сознания удивлялся самому себе — зачем? И вдруг понял, что просто оттягивает время. Ему было страшно ошибиться, страшно узнать, что вся эта история с громарами никакого отношения к Кике не имеет.

— Вы, собственно, по какому вопросу? — спросил между тем Борис.

Федор вздохнул:

— По личному.

— Тогда заходите вечером, когда морская пучина уже поглотит дневное светило. Вы извините за откровенность, но, по моему глубокому убеждению, днем, в рабочее время, личными делами занимаются только бездельники.

Лорка засмеялся, крепко взял обеими ладонями

Бориса за талию, приподнял и повернул к себе лицом.

— Позвольте! — возмутился Борис, стараясь вырваться, и даже лягнул Федора коленом.

— Здравствуй, Боренька! — раздельно сказал Лорка и только после этого аккуратно поставил его на пол.

Борис, приглядываясь к посетителю, рассеянно моргал большими голубыми глазами.

— Федор! — вдруг радостно крикнул он и полез обниматься.

Слегка похлопав Бориса по худой спине, Лорка отстранился и спросил:

— Признал наконец?

Борис возмутился:

— Признал! Я не рак и не заяц, чтобы видеть, кто там у меня за спиной копошится!

Вдруг глаза Бориса округлились, он с некоторым испугом отступил назад и воскликнул:

— Позволь, но ты ведь в дальнем космосе! Я сам, своими ушами слышал сообщение о старте «Смерча»!

Лорка загадочно взглянул на Бориса и развалился в кресле.

— А я мой двойник, фантом, так сказать, сюрреальное явление природы. Явился наказать тебя за обман.

— Что ты мелешь? Какой обман? — Громов хохотнул, но в глазах его застыло недоумение.

— А кто обещал мне, то есть моему реальному двойнику, обследовать кикианскую мезодыру? Обещал и не выполнил? — Закинув ногу на ногу, Лорка сурово наморщил брови, но заметив, что в глазах Бориса плеснулось инстинктивный страх, рассмеялся: — Борька, ты Борька! Разве же можно так отрываться от жизни?

Старт на Кику отменили, я уже третий день на Земле.

— Нет, серьезно?

— Да ты что, и впрямь подумал, что я фантом?

— Ну тебя к черту! — вдруг разозлился Борис. — Подумал, не подумал! Мало ли что можно подумать, когда ты как с неба свалился. Нельзя же в самом деле так пугать людей!

— А обманывать можно?

— Я не обманывал, — вдруг успокоился Борис и с вызовом заглянул в зеленые глаза Федора. — Я эту твою прекрасную мезодыру обследовал самой первой. И сразу обнаружил импульсную составляющую, которую окрестил телепортировочной, впрочем, некоторые тугодумы с этим не согласны.

— Почему же не сообщил? — перебил Федор.

Борис смущенно отвел глаза:

— Понимаешь, сначала я решил проверить — не единичное ли это явление? Дело в том, что к единичным явлениям наука относится очень настороженно: феномен, парадокс — вот и все. Я и решил пошарить в небесах и, представь себе, обнаружил еще несколько таких гремящих дыр. Их, кстати, так и называли — громары. — По губам Бориса скользнула довольная усмешка. — Созвучно и процессу, и моей фамилии. Начались встречи, доклады, семинары, я замотался и забыл, что не уведомил тебя. Тем более что официального сообщения об этом открытии еще не было.

— Ладно, Боря, — мягко прервал его Лорка, — забудь об этом. Меня интересуют не твои душевные переживания. Ты обнаружил телепортировочные импульсы — и все? В их структуре покопаться не догадался?

Громов презрительно фыркнул:

— Ты видел киберсхему на моем табло? Это и есть

анализатор импульсов, я вынашивал его идею вместе с проектом исследования «черных дыр». Он у меня здесь, в лаборатории, только работает еще не вполне четко, вот и копаюсь — улучшаю. И все-таки некоторые импульсы поддались расшифровке: я растянул их во времени и обнаружил тонкую внутреннюю структуру. Но что сие значит, решать еще рано — сначала надо накопить побольше материалов: Как бы то ни было, придется выйти из сферы чисто абстрактного анализа и подставить какие-то конкретные гипотезы. Чистая абстракция и ошеломляюще вместительна, и удручающе пуста, как глубокий колодец без воды. Сказать нечто вообще — значит, сказать и все и ничего. Скажем, вот ты — млекопитающее, кит тоже млекопитающее. Но что из этого следует? Да ровно ничего. Другое дело...

— Боренька, — перебил Федор, — все это я отлично понимаю.

— Да? Впрочем, ассоциативность и интуитивизм всегда были сильной стороной твоего мышления, в общем-то великим мыслителем ты никогда не был. Надеюсь, ты не сердишься на правду?

— Что ты! Я даже благодарен тебе.

— Seriously? — удивился Громов, одобрительно глядя на Лорку. — Объективность далеко не всем доступна, далеко! Во всяком случае, мне приходилось не раз замечать, что люди обижаются на мою прямооту и даже сердятся, когда я говорю с ними прямо и откровенно.

— Давай вернемся к анализу импульсов, а? — заговорщически предложил Федор.

— А зачем возвращаться? — Борис пожал плечами. — Я же сказал, что о результатах судить пока преждевременно. Над моим усердием даже посмеиваются несерьезные коллеги, устраивают всякие хихоньки да хахоньки. Недавно подсунули мне вместо подлинного ма-

териала фальшивку, думали, чудаки, что я как мальчишка кляну на эту ерунду и подниму шум. И ведь как все организовали!

— Как же?

— По моему запросу перевели мне очередные результаты наблюдений за «черными дырами». Я ввел их в анализатор и начал просматривать. Одна запись, другая, пятая, десятая — ничего интересного, сплошь белый шум. И вдруг импульсная составляющая, да такая четкая, какой у меня еще ни разу не было! Как обычно, я стал растягивать запись по времени, и где-то возле миллисекунды за секунду вдруг проявился текст на земном языке. Инокосмическое сообщение на чистейшем земном языке! — Борис затрясся от смеха. — Представляешь? Как в детской сказочке!

Лорка насторожился:

— А текст ты запомнил? О чем там шла речь?

— Какой смысл? Я пробежал самое начало. Да, мы следим за вами с момента возникновения египетских пирамид, они, видите ли, столь колоссальны, что их удалось засечь из космоса. Какая-то ерунда о неопознанных летающих объектах и плазмоидах.

Борис заметил наконец окаменевшее лицо Лорки и перепугался:

— Тебе плохо?

Федор с трудом ответил:

— Мне очень хорошо. Ты скажи только — текст сохранился?

— На кой черт хранить такую ересь? У меня тут не архив, а лаборатория.

— Так. А копия на телеинформаре есть?

— Само собой.

Лорка откинулся на спинку кресла и глубоко, полной грудью вздохнул. Не замечая этого, Борис ворчливо продолжал:

— Там любую ерунду хранят до трех месяцев. А из-за того, что архив перегружен, для востребования такой проходной, немаркированной копии требуется решение научного совета. Я уже сталкивался с этими архивниками. Ну и бюрократы! Хуже, чем в прежние века.

Он наконец обратил внимание на Федора, недоуменно поджал губы и вдруг возмущился:

— Да что с тобой такое, в конце-то концов?

Лорка, не отвечая, поднялся с кресла и подошел к видеофону:

— Олонина. Вызывает Лорка.

— У Олонина совещание. Освободится через час, — четко отрапортовал автомат.

— Срочно. Вызов по вопросу Кики.

— Ждите, — после паузы ответил автомат. Борис, разобравшийся наконец, в чем дело, сделал попытку выключить видеофон, но преодолеть сопротивление Лоркиной руки ему было ничуть не легче, чем сопротивление шлагбаума.

— Федор, не дури! Это же липа, фальшивка. Откуда они могут знать наш язык?

Лорка устало посмотрел на него через плечо:

— Кикиане уже несколько раз обращались к нам на земном языке.

— А-а, — ошеломленно протянул Громов, в глазах его зажглась искорка жгучего интереса. — Так вот почему отменили экспедицию!

Федор покачал головой:

— Тебя, друг мой, надо бы как следует поколотить. Очень не помешало бы, Боренька!

— Почему? — поднял брови Громов.

Он хотел сказать еще что-то, но на экране видеофона появилось лицо генерального секретаря Всемирного совета Олонина.

Ровно в одиннадцать часов Федор Лорка перешагнул порог кабинета генерального секретаря Всемирного совета. Олонин встретил его стоя.

— Здравствуйте, Федор. Давно ли мы прощались здесь же? А изменилось так многое.

Олонин был строен и высок, разве лишь немного ниже Лорки. У него, несмотря на солидный возраст, было молодое, чуть удлиненное лицо с широкими скулами, высокий иссеченный морщинами лоб, мягкие и очень светлые волосы цвета спелой пшеницы. Большие, темные, глубоко посаженные, окруженные тенями, а оттого сразу и суровые и печальные глаза. Трудно было выдержать их прямой вопрошающий взгляд. Олонин знал об этом, а поэтому смотрел на собеседника несколько рассеянно: не столько на него, сколько сквозь него, точно приглядываясь и прислушиваясь к чему-то одному ему доступному.

— Да, многое изменилось, Сергей Ильич, — согласился Лорка.

И в самом деле, с того дня, когда Олонин принял Федора перед отлетом на Плутон, изменились не только цели и задачи предстоящей Кикианской экспедиции, но и сама интеллектуальная атмосфера Земли. Сообщение, расшифрованное анализатором Бориса Громова, оказалось не фальшивкой, подброшенной ему любящими подшутить коллегами по эксперименту, а подлинным инокосмическим сообщением. Это было установлено тотальной проверкой, которая выявила в гравитоимпульсном послании четкие следы странствия в открытом космосе длительностью в десятки световых лет.

Правы оказались оба: и одаренный, но не собранный Борис, и логичный, последовательный Лорка. Первый в том, что сообщение было послано через «черную дыру»

из соседней субвселенной, а второй в том, что это была реликтовая дыра из окрестностей Кики и что именно Кика использовалась инокосметянами для наблюдения за Землей и связи с ней. Сообщение раскрыло многие загадки и тайны, но вместо них выдвинуло новые.

— Может быть, пройдем на балкон? — предложил Олонин. — Там легче дышится и веселее смотрится.

С балкона открывался вид на море. Дом Всемирного совета — а такие дома были в каждой части света — стоял у самой воды. Нижняя часть приморской стороны здания была сделана как набережная — широкие белые ступени сбегали прямо в синие волны. Бесшумные моторные и весельные лодки высаживали людей прямо на эти ступени, а для катеров и яхт справа и слева от лестницы тянулись пирсы. За пирсами побережье занимали пляжи, где всегда было много отдыхающих, — в этом краю вечного лета купальный сезон продолжался круглый год. Пляжная акватория даже в сильный ветер оставалась спокойной: от открытого моря ее отделял волнорез, а на дне были скрыты устройства гашения волн. Сейчас эти устройства не работали: стоял полный штиль, море было гладким как зеркало, лишь местами его поверхность рябили струйки легких ветерков. Воздух был прозрачен и свеж, казалось, он едва слышно звенит от собственной напряженной ясности, хотя Лорка знал, что этот странный звон всего лишь крики чаек, людской смех и говор, едва доносящиеся сюда, на трехсотметровую высоту.

Скользнув по лицу Лорки пронизательным взглядом, генеральный спросил:

— Никак не привыкнете к тому, что мы уже неодиноким в звездном мире?

— Никак.

Да, в то, что кончилось долгое одиночество человеческого разума и что у него появился во вселенной стар-

ший партнер, еще полный загадок, с трудом верилось даже Лорке. А уж он, как никто, был готов к такому повороту событий! Иногда Федор никак не мог отделаться от навязчивой мысли, что вся эта история с ино-космической сверхцивилизацией просто вымысел или эпизод яркого красочного сна, пригрезившегося ему накануне. Лорка успокаивал себя тем, что, наверное, такое же вот чувство испытывал когда-то Юрий Гагарин, впервые вырвавшись в космос, Нейл Армстронг, первым ступивший на поверхность Луны, или Сергей Танаев, когда он вышел в пространство другого, непохожего на земное голубого солнца. К чему только не привыкают люди! Привыкнул и к тому, что в соседней субвселенной, отделенной от родного мира жестким барьером трехмерности, у них партнер, а может быть, и товарищ по труду и творчеству. Сверхцивилизация немидов, как они сами именовали себя на земном языке, существовала свыше двадцати миллиардов лет, пережив «биг-банг» земной субвселенной, который основательно, через грандиозный фейерверк вдруг вспыхнувших «черных» и «белых дыр», потрепал и их собственную. Кроме немидов, осваивавших в то время галактику и оказавшихся наиболее предусмотрительными, в пламени этой катастрофы погибли все остальные разумные сообщества субвселенной. Немиды остались один на один с разбушевавшимися стихиями. Миллионы и миллиарды лет им пришлось зализывать раны, восстанавливать былое могущество и наводить порядок в своем трехмерном мире. Это была титаническая вселенская работа, даже самые контуры которой были пока непонятны и недоступны людям. В субвселенной резко возросло число вспышек сверхновых звезд, и немидам, чтобы выжить, надо было затормозить их рождение, иначе радиация в их мире стала такой, что сделала бы невозможным существование жизни вообще. Несмотря на эффективную защиту, радиация все-таки поразила большую часть немидов.

Из-за этого жителей многих звездных городов пришлось срочно переселить в безопасные места, галактический ареал немидов резко сократился. Сверхцивилизация немидов в тот период не только не прогрессировала, но и медленно клонилась к угасанию, лишь величайшим напряжением интеллектуальных сил и тотальной мобилизацией энергетических и технических ресурсов немидам удалось остановить этот процесс. А потом надвинулась угроза общего коллапса субвселенной, к которому неизбежно ведет так называемая тепловая смерть мира, в ходе которой стационарные звезды гаснут одна за другой и превращаются в холодные, мертвые тела. И снова борьба теперь уже с угрозой собственного «биг-банга», борьба на грани гибели, на самом пределе возможностей. И снова трудная, тяжкая победа. Но все-таки победа!

Неограниченное могущество разумных сообществ, предупреждали немиды, — миф, как и все другие мифы о всеобщности и абсолютности. Да, разум, однажды возникнув, может существовать неопределенно долго, но не почивая на лаврах кажущегося благополучия, а в неустанном творчестве, заблаговременно предвидя и устраняя и внутренние и вселенские опасности, которые вдруг встают из мрака вечности. Не каждая цивилизация оказывается способной на такой непрерывный подвиг и порыв, немало их гибнет в объятиях стихийных сил Большой вселенной — ведь любой субвселенский мир бесконечно мал по сравнению с нею. Но бесконечно мал — это еще не значит бесконечно слаб, именно в этом залог оптимизма и надежды на победу. А сама борьба — это и радость, и счастье, и смысл существования цивилизации. Могущество разумных сообществ — могущество неустанного трудового творчества, могущество пытливого поиска и тяжких схваток со стихиями, исход которых далеко не предreshен. И в этом решающее отличие реального разума от разума придуманных

и теперь забытых богов прошлого, который всегда мыслился как всемогущество безделья.

— Вы обратили внимание, Федор, что сказали нам немиды о самих себе: «человечеству еще рано знать о нашем облике и нашей психике».

— Обратил. И понял это так, что они отличаются от нас много больше, чем любое существо Земли.

Олонин кивнул головой в знак согласия, но промолчал. Молчал и Лорка. Он еще по прежним встречам знал, что с генеральным удобно и легко помолчать.

— Я очень внимательно и несколько раз прослушал запись вашей беседы с Борисом Громовым, которую вы сделали ретроспективно, по просьбе Ревского, — снова заговорил Олонин. — В суждениях Громова много крайнего, эксцентричного, но много истинного, нужно лишь уметь отделить эту истину от шелухи субъективизма. Он очень правильно говорил о психологических барьерах, которые разделяют далекие друг от друга организмы. Что уж скрывать, трудно найти у человека что-либо общее с пауком.

— Простите, Сергей Ильич, а вы не задумывались над внешним обликом немидов? Как, по-вашему, они могут выглядеть? Признаться, мне этот вопрос не дает покоя.

Олонин чуть помедлил с ответом:

— Мне тоже. Да и найдется ли хоть один человек на Земле, которого не интересовало бы это? — Он помолчал и продолжал: — Даже на нашей планете жизнь развилась в множестве форм, удивительно непохожих друг на друга, что уж говорить о другой субвселенной? Разумное существо может быть и крохотным по сравнению с нами, и огромным. Можно представить себе разумных, которые живут в толще пород, в океанах, в атмосфере или даже в космосе. Ясно одно: у разумного существа должно быть средоточие разума — мозг.

— Голова?

— Что-то в этом роде. У всех разумных должны быть органы чувств, которые связывали бы их с внешним миром, прежде всего глаза. Разум — дитя труда и творчества, стало быть, у него должны быть развитые эффекторы — руки, щупальца или что-то в этом роде. Уверен, наша экспедиция узнает не только об облике немидов, но и о многом другом из жизни их сообщества. Я хочу подчеркнуть другое. Немиды отдают себе отчет в том, что резко, может быть, чудовищно отличаются от людей, и все-таки стремятся к контактам с нами. Как вы думаете почему?

— Не знаю, — откровенно признался Лорка. — Долго ломал над этим голову, но уверенного ответа так и не нашел.

Со стороны открытого моря к берегу медленно, точно на старомодном буксире, приближалось башнеобразное облако, уходившее своей вершиной в стратосферу. Из него сеял дождь. Внутри темной массы непрестанно кипел, пульсировал огонь беззвучных молний, отчего облако казалось живым и гневающимся. Глядя на него, генеральный проговорил как бы про себя:

— Странно. Как долго человечество не подозревало, что за ним наблюдают совсем другие и, возможно, очень мудрые глаза.

— Которые увидели и то, что им вовсе не следовало бы видеть.

— К сожалению.

Пропускная способность реликтовой мезодеры, которой пользовались кикиане для проникновения в земную субвселенную, сильно изменялась во времени. На живую субстанцию был наложен полный запрет, легче всего телепортировались простейшие плазменные тела, они-то и были выбраны немидами для целей наблюдения. Подпространственными каналами эти плазмониды телепортировались через Кику на Землю и появлялись в ее атмосфере в виде долгоживущих светящихся тел, их люди

и называли неопознанными летающими объектами. Таких объектов было то больше, то меньше, в зависимости от возможностей телепортировки. Особенно трудными в этом отношении были как раз последние столетия. Однако, несмотря на громадные энергетические затраты, немиды никогда не переставали следить за Землей. И это обстоятельство тоже было не совсем понятно Федору и порождало у него серию сомнений.

— Так вот, Федор, я могу попытаться объяснить вам, чем вызван столь жгучий интерес к нам со стороны немидов.

Лорка удивленно взглянул на Олонина. Генеральный смотрел на грозовое облако, но лицо было спокойным и сосредоточенным:

— Все дело в трагедии одиночества. Тоска одиночества неизбежна у любого общественного организма. Вспомните бессмертного Робинзона Крузо. Как он тосковал на своем острове и молил судьбу послать ему спутника! И как он полюбил Пятницу, цветного человека, язычника и людоеда, то есть еретика и нечестивца по пуританским канонам. Трагедия одиночества легко смела все эти субъективные преграды. Сверхцивилизация немидов страшно одинока в своей субвселенной, и в этом все дело.

— Но и мы, люди, одиноки, — возразил Лорка, — однако мы в поисках контактов никогда так не торопились, не действовали столь поспешно.

— Кто мы такие в мире разума? Малые дети. — В голосе Олонина звучали нотки грусти. — Наша цивилизация существует всего несколько тысячелетий, мы еще перегружены своими внутренними делами. А представьте трагедию разумных, одиночество которых длится миллионы и миллиарды лет! И меру их ликования, когда они наконец нашли партнеров по творчеству и

целям бытия. Как же тут не заторопиться и не наделать мелких глупостей! Ведь и Робинзон Крузо действовал безрассудно, когда спасал Пятницу.

Лорка понимал все, о чем говорил Олонин, и у него немного кружилась голова, как она кружится, когда заглядываешь в глубокую, скрытую полупрозрачной дымкой бездну. Да, немиды торопились, отчаянно торопились и порой действовали безрассудно. Правда, во многих случаях они действовали вынужденно и, если так можно выразиться, единственно возможными ходами.

Поскольку телепортировка живой субстанции через мезодыру оказалась невозможной, немиды прибегли к косвенному способу контактов. Плазмоиды были хороши, пока шло наблюдение за развитием Земли посредством пассивного сбора информации. Положение осложнилось в самое последнее время, когда люди выросли до межкосмических связей, и немиды решили перейти к двусторонним контактам. Были созданы более сложные и совершенные плазмоиды, которые в определенных условиях обращались в подобия различных тел, животных и растений. В принципе они могли превращаться и в копию живого человека, причем на таком уровне, который обеспечивал возможность общения. К сожалению, эта операция, связанная с биоритмами человеческого мозга, приводила к вспышке мощных инфракослебаний, губительных для людей, они вызывали разрушение нервных центров и паралич сердца. Отсюда серия непонятных смертей в кикианских поселениях. Тогда немиды избрали третий путь. Кика была свободна от людских поселений, поэтому им удалось организовать автоматическое производство и воспроизводство достаточно совершенных роботов-андроидов, которые должны были стать своеобразной эстафетной дистанцией между немидами и людьми. Но случилось непредвиденное. В противовес нормам земной морали немиды

дам в силу жестокой необходимости пришлось наделять своих роботов самосознанием, ибо большая часть их деятельности протекала автономно. Это позволило роботам осознать свое полурабское положение, возмутиться и стать на путь завоевания независимости. Они объявили о создании на Кике автономного роботосообщества и о том, что будут всеми мерами препятствовать вмешательству в их внутренние дела. Контрмеры немидов не дали положительных результатов. Когда к тому же выяснилось, что в роботосообществе начинают преобладать агрессивные тенденции, речь шла ни более ни менее как о несовершенстве биоорганизмов и необходимости завоевания галактического господства, немиды приняли решение об уничтожении своих роботов. Пока готовилась эта жестокая, но, увы, благодатная для земной цивилизации операция, немиды пускались на всевозможнейшие тонкие и в то же время примитивные ухищрения, чтобы задержать прилет людей на Кикку, ибо встреча землян с роботами неизбежно привела бы к открытой схватке и надолго бы задержала межкосмические контакты.

Догадка Лорки оправдалась! Чтобы задержать земную экспедицию, немидам в одном из континентов Кики, свободном от влияния роботосообщества, удалось создать совершенные биомодели — почти идеальные копии некоторых земных животных. Их мозг, однако, был гораздо более совершенен и приспособлен хотя и к примитивным, но вполне разумным действиям. Самыми удачными из них оказались модели енотов. Как средство воздействия на людей применялись модели насекомых, которые вводили людям особые препараты, влиявшие на их психику и весь организм. Посланцы немидов тайно установили на Земле аппаратуру, замаскированную под обычные растения. С ее помощью получили через Кикку от немидов указания, как нужно действовать. По одной из таких инструкций был составлен рецепт ри-

бонуклеида, это снадобье было добавлено в напиток Ревского. Затем через дополнительное воздействие насекомых кандидаты в руководители экспедиции на Кики один за другим выводились из строя. И лишь Федору Лорке повезло! Чтобы собранную информацию доставить на Кикку, а потом передать через мезодыру в родную субвселенную, посланцы немидов угнали с Плутона гиперсветовой корабль. Его обнаружили роботы при входе в атмосферу Кики и уничтожили. Но в самый последний момент удалось катапультировать контейнер с информацией, и он дошел по назначению, что позволило немидам послать сообщение на Землю. А потом загремели и засверкали ядерные взрывы, и, просуществовав меньше двух лет, роботосообщество прекратило свое существование, найдя гибель от той же руки, которая их и создала.

Немиды очень торопились установить контакты с землянами, не обошлось при этом без ошибок, но о причинах этой спешки у Лорки были и свои соображения.

— Трагедия одиночества, конечно, подгоняла немидов, — сказал он вслух, — но я думаю, Сергей Ильич, это была не единственная причина их спешки.

Олонин с интересом взглянул на Федора:

— Что же еще?

— Думаю, их очень заботило, как бы мы их не опередили. Ведь к этому шло. Открытия, как говорится, витают в воздухе, когда приходит их час. Не Борис Громов, так кто-нибудь другой вышел бы на кикианскую мезодыру, ну а там дело времени и техники. Немиды не могли не понимать этого, поэтому и спешили. Им ведь очень хотелось выступить в роли старшего брата землян, в роли покровителя, а не подопытного объекта. Вот они и спешили изо всех сил! Что поде-лаешь, соревнование — форма сосуществования разумных, — закончил Лорка.

— Важное и верное наблюдение. В известной мере оно предвосхищает то, что я хотел сказать вам, правда, в несколько ином плане.

Генеральный помолчал, крупные морщины избороздили его высокий лоб.

— К сожалению, даже во Всемирном совете нашлись уже увлекающиеся умы и горячие головы, которые решили, что благодаря контактам с немидами на Земле прямо-таки на днях наступит золотой век. Мы как губка будем впитывать знания, которые торжественно преподнесут нам немиды, наш научно-технический потенциал скачком вырастет во много раз, что разом решит многие нынешние проблемы. Хотя об этом не говорится вслух, но вывод ясен: нам остается только почивать на лаврах и пожинать плоды своего могущества. Не жизнь, а библейский рай с немидами вместо боженьки.

Лорка несколько смутился и признался:

— Ведь и мне приходило такое в голову. Правда, я быстро передумал.

— Вы и должны были передумать, — уверенно сказал генеральный. — Ведь это вам принадлежит определение немидов как бессильного могущества.

— Да, но теперь мы знаем, что это следствие трудностей межкосмических контактов.

— Уверен, что дело не только в этом, — живо возразил Олонин. — Младший брат не всегда и не во всем уступает старшему. Мы и немиды — такие разные! Наверное, они могут такое, что нам не грезилось и в самых фантастических снах. А нам доступно то, о чем они давно и страстно мечтают, но что, увы, не дано им природой. Убежден, немиды жаждут не только помогать нам, но и хотят получить в обмен какие-то духовные и материальные ценности, которых по каким-то причинам сейчас им не достичь! Речь пойдет не об опекунстве, а о дружбе старшего и младшего партнера.

Генеральный говорил вполголоса, его суровые глаза были немного мечтательные, большие руки тяжело лежали на перилах балкона. Федор вдруг подумал о том, что его беседа с Олониным развивается совсем не так, как он ожидал. Он готовился к обсуждению конкретных проблем экспедиции, возникших на основе изменившейся ситуации, а на деле неторопливый философский диалог.

По мере того как облако-башня приближалось к берегу, море преображалось: его яркая синь подернулась перламутром, отчего полиняли все краски природы. Море стало похожим на громадный каток, зеркальную гладь которого припорошило мелким снежком. Было даже удивительно, как это крылатые яхты не вмерзли в этот призрачный лед.

— Жизнь теперь будет полнее и интересней, — заметил Олонин.

— И труднее, — добавил Лорка.

— А вот это верно на все сто процентов. Последние годы совет иногда упрекали за то, что он слишком много внимания уделял космосу в противовес земным делам. Говорили, что космос забирает у нас, и порой без возврата, лучших сыновей и дочерей, самую совершенную и дорогостоящую технику, потребляет половину производимой энергии, а взамен дает не так уж много, меньше, чем ожидали наши предки.

— Хороши бы мы были сейчас, если бы послушали этих пророков!

— Да, теперь, после выхода на контакт с немидами, речь может идти лишь о расширении космической программы. Но ведь у нас на Земле масса больших и неотложных дел. — Он прямо взглянул на Лорку своими темными, глубоко посаженными глазами.

— Когда вы думаете стартовать на Кикую?

Лорка задумался лишь на мгновение:

— Полагаю, чем скорее, тем лучше.

В конце своего сообщения немиды предупреждали, что его удалось передать лишь благодаря удачному стечению многих обстоятельств, связанных с проникаемостью мезодеры. Да и то, операция потребовала почти максимально допустимой концентрации энергии в тоннеле дыры. Поэтому в ближайшее время сообщений от немидов ожидать трудно. Для поддержания контактов землянам следует прибыть на Кику, поле деятельности для них в основном расчищено. Лорка хорошо запомнил эту оговорку — в основном. В отношении сроков прибытия и всего остального землянам предлагалось действовать самостоятельно. Любопытно, что ближе к концу послание немидов постепенно становилось все более сбивчивым, грамматически неправильным и примитивным, пока не превратилось в бессмысленный набор слов. Правда, финал был опять предельно ясен: «Сильные помехи. Конец».

— Спешить тоже не следует. Решите это на Совете космонавтов. — Олонин помолчал и добавил: — А спешить не надо потому, что теперь ваша миссия на Кику приобрела новую степень важности и высший ранг ответственности. Вы отдаете себе отчет в этом?

— Отдаю, Сергей Ильич.

Генеральный помолчал и вдруг круто сменил тему разговора:

— Я говорил, что у нас немало неотложных внутренних проблем. Общество без проблем не общество, а болото. Главная из них — социально-географическая. Всемирный совет решил большую часть Земли превратить в комфортные субтропики, в которых зима коротка, а лето солнечно и благодатно.

— Мне помнится, — усомнился Федор, — что надежды на сравнительно легкое управление погодой и климатом, родившиеся в двадцать первом веке, потом

рухнули с треском. Улучшение климата в одном регионе неизбежно ухудшало его в другом.

— Да, — согласился Олонин, — таких явлений не избежать. Но есть несколько смелых, хорошо проработанных проектов по глобальному изменению океанической и атмосферной циркуляции. Все северное полушарие при этом превращается в благодатную субтропическую, или комфортную зону. Термический экватор на несколько градусов сдвинется на юг. А южное полушарие, почти все, что лежит за тропиками Козерога, приносится в жертву: там будет зона экстремального климата — жара летом, холод зимой, засуха. Антарктиды эти изменения практически не коснутся, небольшие вариации, связанные со стабильностью ледового покрова, компенсировать нетрудно.

Лорка мысленно представил себе карту Земли: в жертву приносилось не так уж много суши — южные области Африки, Америки и Австралии.

— В таком варианте игра стоит свеч, — вслух подумал он.

— Безусловно. Но программа, особенно в начальной стадии, на переломе глобальной циркуляции океанов и атмосферы, потребует ввода огромного количества энергии в некоторых точках океана и суши. Придется возвести несколько гигантских плотин. Распылить ряд горных массивов и гряд или прорезать их гигантскими долинами шириною в десятки и сотни километров. Некоторые реки пересохнут, другие сильно обмелеют — на их месте будут проведены каналы. Освободившись от груза ледников и части гранитного массива, Евразия как бы всплывет на несколько метров. Красное море превратится в озеро. Чтобы сохранить людям систему Средиземного, Мраморного и Черного морей, потребуются специальные меры в районах проливов. Немало средств уйдет на компенсацию активизации вулканизма и гашение землетрясений.

Олонин взглянул на Лорку:

— Ну как, космонавт, у вас не кружится голова?

— Кружится, — признался Федор.

— Так вот, чтобы выполнить столь грандиозные проекты, нужны крупные ресурсы. А их наличие будет зависеть от того, как будут складываться наши дела на Кике и взаимоотношения с немидами. И это, несмотря на нашу обоюдную тягу к сближению, сложнейшее и многоплановое дело. Иногда трудно найти общий язык со старым другом или любимой девушкой, что уж говорить о взаимоотношениях разнокосмических цивилизаций. Идеальный вариант — искренняя дружба, но как и к любому идеалу, путь к ней долог и труден. Ваш друг, Борис Громов, несмотря на крайность суждений, прав в некоторых частностях. Другой, крайний и самый неудачный вариант — открытое соперничество. Такое возможно, если морали встретившихся цивилизаций окажутся несовместимыми, а разумы некоммуникабельными. Скорее же всего какая-то основа для сотрудничества будет: либо общность морали, либо разумное понимание несхожести потребностей друг друга. Конечно, хочется рассчитывать на самое лучшее, но вправе ли мы это делать?

— И все-таки большинство людей рассчитывает, — мягко заметил Лорка.

Без улыбки глядя на него, Олонин сказал:

— Люди всегда рассчитывали на лучшее, хотя история тысячи раз безжалостно кромсала их надежды. Я не могу осуждать космический оптимизм, он в самом существе человеческой природы. Но веря в лучшее, нельзя забывать о худшем. Разве так уж редко коварство и хитрость побеждали доброту и ум?

Олонин помолчал и неожиданно снова резко сменил тему разговора:

— Ни я, ни совет в целом не будут вырабатывать

для вас конкретных инструкций для действий на Кике. Вы выдвинули идею мирной разведки, доказали ее состоятельность, получили право и доверие на ее реализацию. Вам, как говорится, и карты в руки. Но хочу напомнить: на Кике вам придется играть роль не столько командира корабля и начальника экспедиции, сколько полномочного представителя человечества в целом. А это очень сложная и ответственная роль.

— Я понимаю.

— Не исключено, что оборвется связь и вам придется полагаться лишь на себя и своих товарищей. На свое понимание нужд человечества, его благородства и гордости, его твердости и милосердия. Готовы ли вы к этой роли?

Лорка задумался, глядя на быстро приближающуюся серую стену дождя.

— Пока нет. Но к отлету я подготовлюсь, — проговорил он наконец.

— Верю вам, Федор. И еще один, очень важный вопрос. Обстановка на Кике изменилась радикально. Не думаете ли вы в связи с этим изменить состав разведотряда?

Лорка задумался. Он перебирал в памяти людей, которые за последние месяцы словно стали частицами его собственной души: строгую девушку Нику Сонлей, своего верного друга Тимура Корсакова, у которого немиды сначала отняли, а потом вернули жизнь, хитроумного Игоря Дюка, пилота-виртуоза Виктора Хельга, осторожного и проницательного Александра Соколова. Задумался и покачал головой:

— Нет. Состав останется прежним.

— Что же, мне остается лишь пожелать вам всем чистой звездной дороги.

Первые крупные капли дождя забарабанили по балкону. Животворный буйный ливень накатывал неудер-

жимой лавиной. Лорке подумалось, что, может быть, скоро столь же буйный ливень знаний хлынет на Землю из другого мира Большой вселенной. Только для этого ему и его экипажу нужно найти и пройти дальнюю-дальнюю дорогу к загадочным немидам. Дорогу, которая может стать торным путем человечества к новым проблемам, к новым радостям и счастью.

ОБ АВТОРЕ

Тупицын Юрий Гаврилович — член Союза писателей СССР, родился в Подмоскowie в 1925 году. С 1943 года на службе в Советской Армии, с 1944 года офицер, авиатор, штурман. В 1955 году с золотой медалью закончил Краснознаменную военно-воздушную академию (ныне имени Ю. А. Гагарина). Летную службу закончил в должности старшего штурмана авиационного полка, затем перешел на преподавательскую работу и был начальником кафедры Качинского высшего авиационного училища летчиков.

Первый рассказ «Красный мир» напечатан в «Искателе» в 1969 году. Публиковался также в журналах «Вокруг света», «Урал», в альманахах фантастики, рассказы и повести печатались в Венгрии, Чехословакии, ГДР и Японии. Отдельные книги выходили в Южно-Уральском и Нижне-Волжском книжных издательствах. Первый научно-фантастический роман «В дебрях Даль-Гея» опубликован издательством «Детская литература» в 1977 году. «Перед дальней дорогой» — второе крупное научно-фантастическое произведение автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

[illegible]

Тупицын Ю. Г.

Т85 Перед дальней дорогой. Роман. М., «Молодая гвардия», 1978.

320 с. с ил. (Б-ка советской фантастики).

Действие романа Ю. Тупицына «Перед дальней дорогой» происходит в коммунистическом обществе XXIII века. На Земле готовится экспедиция на далекую планету звездной галактики — Кику, где предполагается существование жизни. Неожиданно возникают загадочные обстоятельства, мешающие своевременному вылету экспедиции в космос. Их исследование наводит ученых на мысль о том, что за действиями людей внимательно следит «другой разум», представители которого тайно проникли на Землю. Следы ведут на Кику. Глубокие знания, смелость, находчивость помогают ученым и космонавтам преодолеть трудности. Экспедиция отправляется в путь.

P2

Т $\frac{70302-202}{078(02)-78}$ 234—78

Юрий Гаврилович Тупицын
ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ

Редактор Д. Зиберов
Художник Э. Урманчи
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры Н. Павлова, В. Назарова

Сдано в набор 24/XI 1977 г. Подписано к печати 17/VII 1978 г.
А05699. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 10 (усл. 14).
Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. Т. П. 1978 г.,
№ 234. Заказ 2007.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

За последние годы редакция фантастики, приключений и путешествий издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выпустила целый ряд книг новых авторов в серии «Библиотека советской фантастики»: В. Щербakov — «Красные кони», А. Якубовский — «Купол Галактики», М. Пухов — «Картинная галерея», В. Назаров — «Зеленые двери Земли», В. Григорьев — «Рог изобилия». Вышли также сборники: «Зеленый поезд» — произведения сибирских писателей-фантастов, «Взгляд сквозь столетия» — фантастические произведения русских писателей конца XVIII — первой половины XIX века, «И грянул гром...» — антология американского фантастического рассказа, «Третье тысячелетие» — фантастические произведения современных болгарских писателей.

В настоящее время готовятся к изданию книги из серии «Библиотека советской фантастики»: М. Клименко — «Ледяной телескоп», Б. Лапин — «Под счастливой звездой», И. Росохватский — «Гость», а также сборники: «Вечное солнце» — фантастические произведения русских писателей второй половины XIX — начала XX века, «Ветка кедра» — произведения молодых фантастов Сибири, сборники произведений писателей-фантастов ГДР, ЧССР и другие.

Просим вас присылать свои отзывы о прочитанных книгах.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов



1 руб.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ



Библиотека советской фантастики

Ю.ТУПИЦЫН
ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ
ДОРОГОЙ



ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ Ю.ТУПИЦЫН